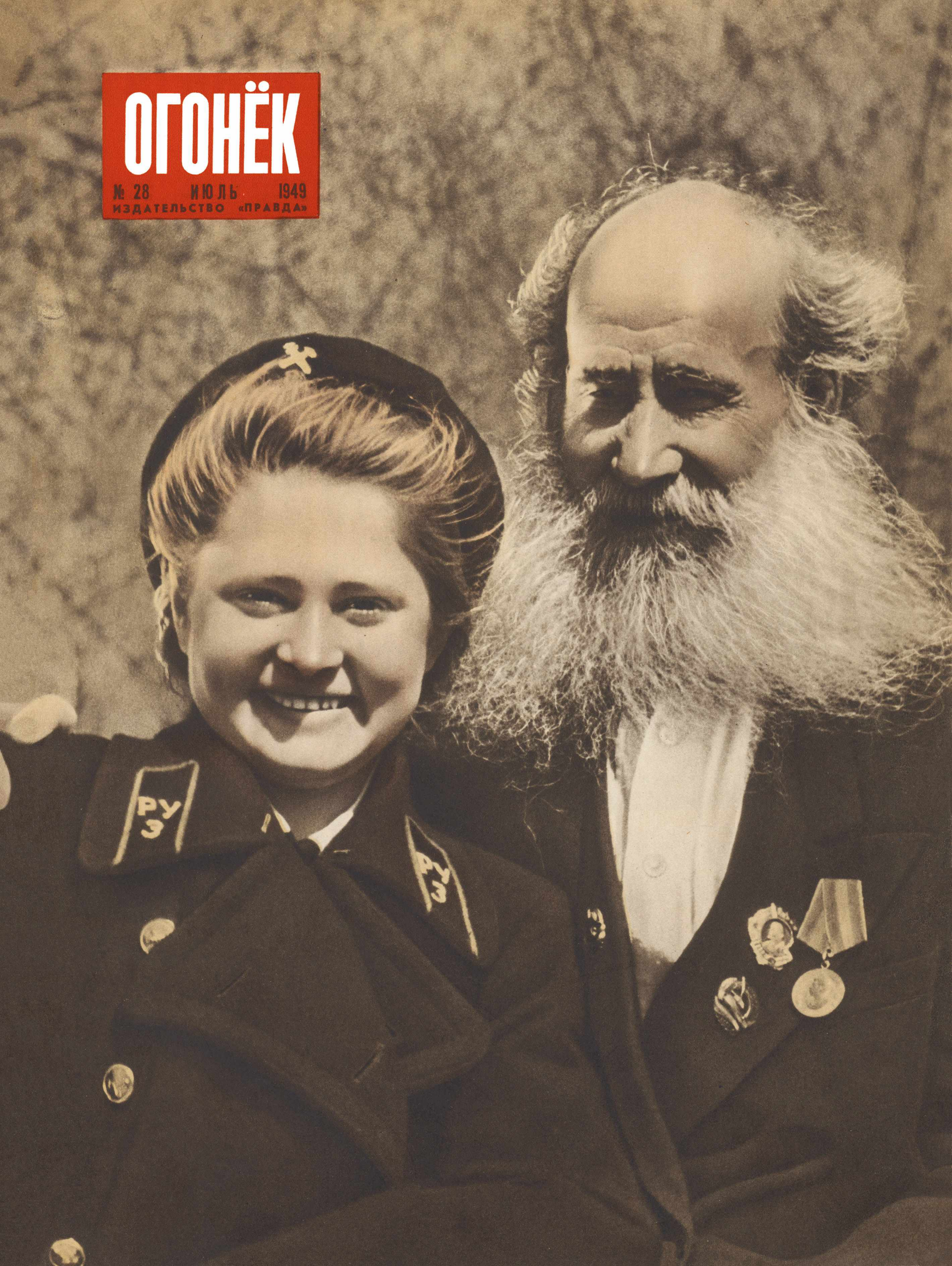

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
РУ
З
РУ
З

В соцгороде Горьковского автомобильного завода имени Молотова.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: старейший рабочий Сормовского завода имени Жданова, бригадир слесарей Василий Сергеевич Токарев с отличницей сормовского ремесленного училища комсомолкой Шурой Осенчуковой. В. С. Токарев работает на заводе более 60 лет, воспитал сотни квалифицированных производственников. Награжден орденом Ленина.

Фото Я. Халипа.

На последней странице обложки: суворовцы на отдыхе.

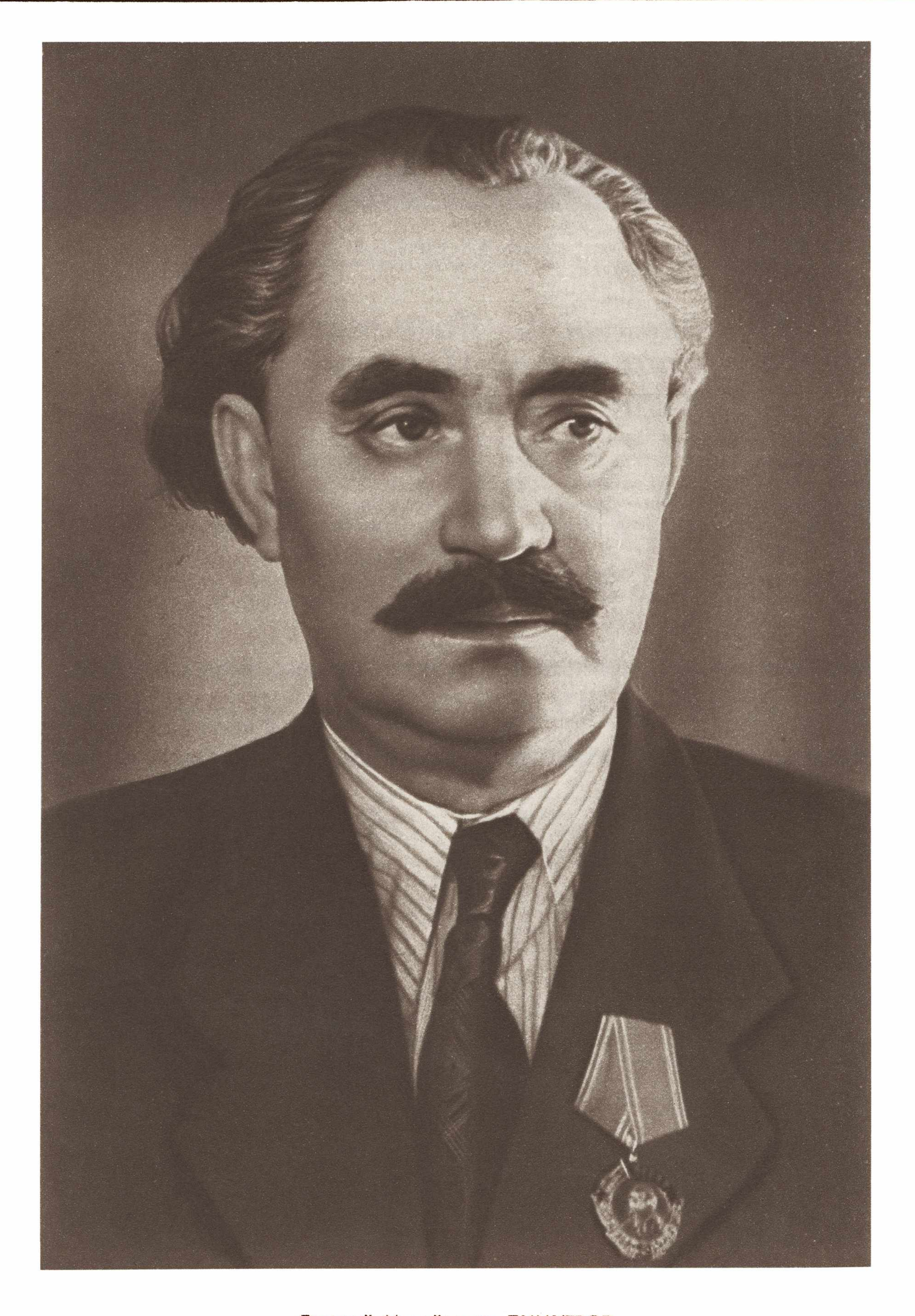
Фото Г. Борисова.

ОГОНЁК № 28 (1153) 10 ИЮЛЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Георгий Михайлович ДИМИТРОВ.

В Колонном зале Дома союзов 2 июля 1949 года (слева направо): Л. П. Берия, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Н. М. Шверник, Н. А. Булганин, А. И. Микоян и Л. М. Каганович в почетном карауле у гроба Г. М. Димитрова.

Фото А. Гостева и О. Кнорринга

От Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 2 июля в 9 часов 35 минут после продолжительной и тяжелой болезни (печень, диабет) в санатории «Барвиха», близ Москвы, скончался выдающийся деятель международного рабочего движения, Председатель Совета Министров Болгарской Народной Демократической Республики, Генеральный Секретарь Центрального Комитета Болгарской Коммунистической Партии, наш товарищ и брат Георгий Михайлович Димитров.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков)

СОВЕТ МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР.

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ДИМИТРОВ

2 июля после длительной и тяжелой болезни скончался Георгий Михайлович Димитров — Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии, Генеральный Секретарь Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии, выдающийся деятель международного рабочего движения, вождь болгарского народа, верный друг Советского Союза.

Георгий Михайлович Димитров родился 18 июня 1882 года в г. Радомире, в пролетарской революционной семье. Еще 15-летним юношей Г. М. Димитров, работая наборщиком в типографии, вступает в революционное движение и принимает активное участие в деятельности старейшего болгарского профсоюза печатников.

С 1902 года Г. М. Димитров — член Болгарской рабочей социал-демократической партии. Он ведет активную борьбу против ревизионизма на стороне революционно-марксистского крыла «тесняков», возглавлявшегося Дмитрием Благоевым.

Самоотверженная революционная борьба Г. М. Димитрова снискала ему горячую любовь революционных рабочих Болгарии, избравших его в 1905 году секретарем Союза революционных профобъединений Болгарии. На этом посту он остается бессменно вплоть до 1923 года, когда это объединение было разогнано фашистами.

Возглавляя борьбу болгарского пролетариата, Г. М. Димитров проявляет бесстрашие и стойкость в революционных боях, неоднократно подвергается арестам и преследованиям. В сентябрьском вооруженном восстании 1923 года в Болгарии Г. М. Димитров возглавляет Главный Революционный Комитет, показывает пример революционной неустрашимости, непоколебимой стойкости и верности делу рабочего класса. За руководство вооруженным восстанием фашистский суд заочно выносит Г. М. Димитрову в 1923 году смертный приговор. В 1926 году после организованного фашистами провокационного процесса против руководства компартии Г. М. Димитров был вновь заочно присужден к смертной казни.

Вынужденный в 1923 году эмигрировать из Болгарии за границу, Г. М. Димитров ведет жизнь профессионального революционера. Он активно работает в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала.

В 1933 году Г. М. Димитров был арестован в Берлине за революционную деятельность. В дни лейпцигского процесса Георгий Димитров стал знаменосцем борьбы против фашизма и империалистической войны. Его героическое поведение на суде, гневные слова, которые он бросал в лицо фашистам, разоблачая их гнусную провокацию, в связи с поджогом рейхстага,— сорвали маску с лица фашистских провокаторов и подняли на борьбу с фашизмом новые миллионы трудящихся во всем мире.

В 1935 году Георгий Димитров избирается Генеральным Секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала. Он ведет упорную борьбу за создание и упрочение единого пролетарского и народного фронта для отпора фашизму, против войны, которую готовили фашистские заправилы Германии, Японии и Италии. Он неутомимо призывал массы трудящихся всех стран сплотиться вокруг коммунистических партий для того, чтобы преградить путь фашистским агрессорам.

Г. М. Димитров проделал большую работу в рядах международного коммунистического движения по выковыванию руководящих кадров компартий, верных великому учению марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма, делу защиты интересов народных масс своих стран.

Во время второй мировой войны Г. М. Димитров призывал коммунистов возглавить национально-освободительное антифашистское движение и вел неустанную работу по организации всех патриотических сил для разгрома фашистских захватчиков. Он руководил борьбой Болгарской рабочей партии (коммунистов) и всех болгарских патриотов, поднявшихся с оружием в руках против немецко-фашистских оккупантов.

За свои выдающиеся заслуги в борьбе против фашизма Г. М. Димитров в 1945 году был награжден Президиумом Верховного Совета СССР орденом Ленина.

После разгрома фашистской Германии Г. М. Димитров руководит строительством новой народно-демократической республики Болгарии, закладывает основы вечной дружбы между болгарским народом и народами Советского Союза.

Неутомимо работая над укреплением единого антиимпериалисти-

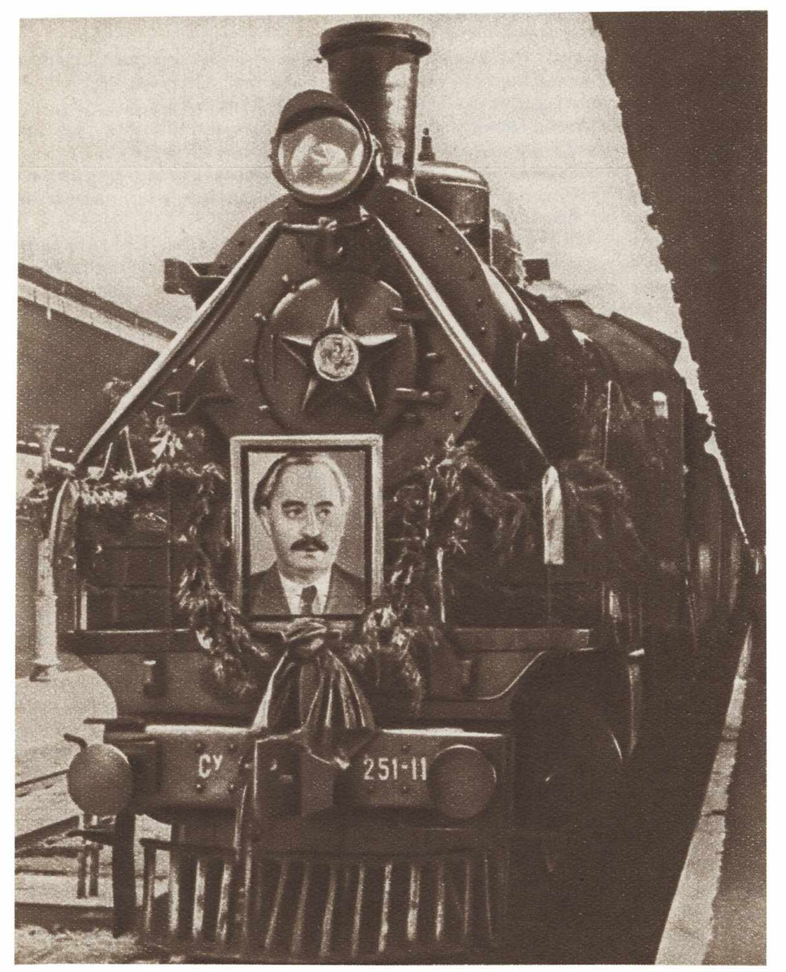
ческого лагеря и сплочением всех демократических сил, Г. М. Димитров беспощадно разоблачал измену националистической клики Тито делу социализма и единого антиимпериалистического фронта.

В лице Г. М. Димитрова трудящиеся всего мира потеряли пламенного борца, отдавшего всю свою героическую жизнь беззаветному служению делу рабочего класса, делу коммунизма. Смерть Г. М. Димитрова является тяжелой утратой для всего международного рабочего и коммунистического движения, для всех борцов за прочный мир и народную демократию. Своей самоотверженной борьбой в рядах рабочего движения, своей безграничной верностью великому учению Ленина — Сталина Г. М. Димитров снискал горячую любовь трудящихся всего мира.

Жизнь Георгия Михайловича Димитрова — верного соратника Ленина и Сталина, стойкого революционера и антифашистского трибуна будет служить вдохновляющим примером для всех борцов за дело мира и демократии, за коммунизм.

Прощай, наш дорогой друг и боевой товарищ!

А. АНДРЕЕВ	Г. МАЛЕНКОВ	И. СТАЛИН
Л. БЕРИЯ	А. МИКОЯН	М. СУСЛОВ
Н. БУЛГАНИН	В. МОЛОТОВ	Н. ХРУЩЕВ
К. ВОРОШИЛОВ	П. ПОНОМАРЕНКО	Н. ШВЕРНИК
Л. КАГАНОВИЧ	Г. ПОПОВ	М. ШКИРЯТОВ
А. КОСЫГИН	П. ПОСПЕЛОВ	

В 11 часов 5 минут утра поезд трогается в путь — в последний путь Г. М. Димитрова.

Стойкий революционер и антифашистский трибун

Не стало Георгия Михайловича Димитрова. Смерть вырвала из рядов великой армии мира и демократии, из рядов коммунистического авангарда трудового человечества одного из самых славных, самых выдающихся борцов. Трудящиеся Народной демократической республики Болгарии потеряли своего всенародно признанного, всенародно любимого вождя.

Шестьдесят семь лет прожил Георгий Михайлович Димитров. Из них пятьдесят два года он без остатка отдал революционному рабочему движению Болгарии и международному революционному движению. Пятнадцатилетним подростком он встал на путь революционной борьбы. Насколько Димитров уже тогда, в юношеские годы, был ненавистен буржуазии, ярко свидетельствует один эпизод, происшедший много позже в болгарском буржуазном парламенте.

С трибуны парламента Георгий Димитров, посланец рабочего класса, произносил гневную, обличительную речь. Во время речи с министерских кресел раздалась визгливая, злобная реплика министра Радиславова, матерого реакционера, статьи которого еще в 1899 году товарищ Димитров, будучи наборщиком, переделывал по-своему:

— Я знаю тебя давно, ты еще шестнадцатилетним мальчуганом был таким же дерзким, когда исправлял мои статьи!

Такой же неуемной, звериной злобой были наполнены слова другого врага рабочего класса, нюрнбергского висельника Геринга, когда на реплику товарища Димитрова на лейпцигском процессе:

— А ведь вы боитесь моих вопросов, господин министр-президент...— нацистский «рейхсмаршал» вопил вслед уводимому насильно узнику фашизма:

— Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только вы уйдете из зала суда!

Так Радиславов и Геринг, два отъявленных политических мошенника, два палача рабочего класса, в разное время и по разным поводам осыпали бесстрашного, самоотверженного борца-революционера бранным сквернословием, бессильные опровергнуть ту уничтожающую правду, которую он смело бросал им в лицо.

До 1923 года, когда было потоплено в крови героическое восстание болгарского рабочего класса, Георгий Михайлович жил на родной земле, вместе с другим славным сыном болгарского народа Дмитрием Благоевым выковывал кадры партии, которая ныне, облеченная безграничным доверием народа, ведет Болгарию по пути к социализму.

Болгарская реакция, в борьбе с которой пали три брата товарища Димитрова, двумя заочными смертными приговорами засвидетельствовала свою ненависть к мужественному революционеру, свой страх перед ним. Оказавшись в эмиграции, товарищ Димитров с головой окунулся в международное революционное движение, работая в Исполкоме Коминтерна.

Прогремевший на весь мир лейпцигский процесс, затеянный нацистскими поджигателями рейхстага, сделал имя Георгия Димитрова известным всему человечеству, принес ему глубокое уважение и восхищение миллионных масс трудящихся во всех странах света.

Мужество, большевистская несгибаемая стойкость, железная сила ума помогли товарищу Димитрову выиграть неравный бой с упоенной властью сворой немецких фашистов и превратить процесс в невиданный в истории суд обвиняемого над обвинителями.

На этом процессе он отстоял честь и достоинство болгарского трудового народа. На этом процессе его голос звучал как голос совести всего трудового человечества, как уничтожающий приговор фашистским авантюристам, замышлявшим свое кровавое преступление против человечества. На этом процессе товарищ Димитров сам назвал источник своей моральной силы, бросив в лицо своим тюремщикам незабываемые слова:

— Я действительно восторженный сторонник и поклонник коммунистической партии Советского Союза, ибо эта партия управляет величайшей в мире страной, одной шестой земного шара, и с нашим великим вождем Сталиным во главе, столь героически и успешно строит социализм!

Наша советская Родина после лейпцигского процесса дала товарищу Димитрову свое гражданство, и он более десяти лет жил среди нас, отдаваясь работе в международном коммунистическом движении и принимая участие в великом деле построения социализма в СССР. Высшей наградой — орденом Ленина — отмечены в нашей стране славные труды товарища Димитрова.

Работая в Москве, товарищ Димитров ни на минуту не терял живой связи с героическим коммунистическим подпольем Болгарии, руководил им, вселял в сердца болгарских коммунистов мужество, стойкость, веру в победу, давал им революционную, большевистскую закалку.

И когда, опираясь на вооруженную помощь Советской Армии, народ Болгарии прогнал фашистских поработителей, он доверил товарищу Димитрову руль государственного корабля, под его руководством сделал первые успешные шаги к социализму.

Горька боль утраты, которую несет в своем сердце трудовой народ Болгарии. Эту боль разделяют с болгарским народом трудящиеся нашей Родины, потерявшие в лице товарища Димитрова верного и преданного друга. Эту скорбь разделяют миллионы трудящихся во всех странах.

Но героическая жизнь, прожитая товарищем Димитровым, зовет к преодолению скорби, зовет к неустанной, кипучей деятельности во имя быстрейшего осуществления того, чему отдал он всю силу своего ума и весь жар своего сердца — к построению на земле единственно справедливого и единственно свободного общественного строя — коммунизма.

И мы, советские люди, и все трудящиеся мира, разделяя чувство глубокой скорби с нашими братьями в Болгарии, в эти дни повторяем слова руководителей нашей великой партии и советского правительства:

«Жизнь Георгия Михайловича Димитрова — верного соратника Ленина и Сталина, стойкого революционера и антифашистского трибуна, будет служить вдохновляющим примером для всех борцов за дело мира и демократии, за коммунизм».

РУБЕЖ ДВ

Ал. СУРКОВ

1. Пятнадцатого мая по всей Болгарии проходили выборы депутатов в народные советы. Выборы прошли в обстановке высокого подъема политической активности народных масс. День выборов стал всенародным праздником. На снимке: уличное выступление заводской бригады художественной самодеятельности.

2. В день выборов с рассвета на избирательные участки пришли трудящиеся города и деревни для того, чтобы отдать свои голоса за кандидатов Отечественного фронта, продемонстрировать свое морально-политическое единство, свою волю к построению социализма. 92 процента голосов было подано за кандидатов Отечественного фронта. На снимке: момент голосования на одном из избирательных участков.

3. Горячая страдная работа кипит на полях Болгарии. Новая жизнь властно вступает в права в болгарской деревне. Где еще недавно крестьяне копошились на своих узких индивидуальных полосках, ныне выходят на работу дружные коллективы молодых крестьянских кооперативных земледельческих товариществ.

4. Вместе с трудовой кооперацией на поля Болгарии вступает в помощь земледельцу агронаука. Химия становится помощником садоводов и виноградарей в борьбе с вредителями.

Маршруты месячника болгаро-советской дружбы привели меня в начале июня туда, где на склонах хребта Беласица сходятся границы Болгарии, Югославии, Греции.

Дорога от Софии до пограничного городка Петрич берет начало на юго-западной окраине болгарской столицы. До города Марич (Дупница) шоссе вьется между невысоких холмов, среди пшеничных и кукурузных полей, виноградников, табачных плантаций. За Маричем местность начинает бугриться. Шоссе вливается в долину Струмы.

Минуем живописно раскинувшийся над Струмой старый город Горная Джумая. Долина суживается. Река шумит в узкой теснине, стиснутая с обеих сторон высокими горами. Над ней поднимается мощная громада хребта Пирин. Шоссе замысловатыми зигзагами петляет по почти отвесным стенам теснины. Надо быть очень опытным и хладнокровным водителем, чтобы вести машину по этому лабиринту крутых подъемов и падающих спусков, на самом краю пропасти, в глубине которой лишь по глухому шуму угадывается мчащаяся по валунам река.

На всем более чем двухсоткилометровом пути перед нами сменяются картины дружного, мирного созидательного труда. Шагают с холма на холм металлические мачты высоковольтной линии, несущей в столицу ток с горной гидроэлектростанции. Справа и слева возникают одетые в леса стены новостроек. Дочерна загорелые, веселые дружинники из молодежных бригад роют ложе для будущей плотины большой гидроцентрали, чинят шоссе, наводят новые мосты.

На зеленых, еще не побуревших от зноя горных склонах пасутся стада и овечьи отары. Нет-нет и встретится в поле трактор, влачащий пропашной плуг. Взгляд различает среди множества одиночек-крестьян, работающих в поле, большие группы: это участники кооперативных трудовых товариществ.

Многие новшества вошли в жизнь болгарского народа за недолгие годы после сентябрьского восстания. Несмотря на яростное недоброжелательство и провокации империалистов и вопреки им, болгарский народ, освобожденный от фашистского ига Красной Армией, пережив несколько изнурительных, засушливых лет, твердо, уверенно, убыстряя шаг, идет по избранному им новому пути — пути к социализму.

Опираясь на тридцатилетний исторический опыт строительства социализма в Советском Союзе, трудящиеся Болгарии успешно ищут и находят новые формы производительного, творческого труда. Растет и крепнет национализированная промышленность, передовые рабочие успешно перенимают дерзания и опыт советских стахановцев. Возникают новые промышленные отрасли, возводятся новые индустриальные города. В деревне год от года множится число машинно-тракторных станций, крестьянство все увереннее переходит к коллективному труду на полях.

Народ поверил в новый образ жизни, принесенный его сентябрьской победой 1944 года, поверил и полюбил. Недаром на недавно прошедших в стране выборах в народные советы кандидаты Отечественного фронта получили при небывало высокой активности избирателей 92 процента голосов.

Все это видели мы воочию, в городах и селах Болгарии. Это же видим и сейчас по пути в пограничную Петричскую околию, куда едем по приглашению местного отделения Болгаро-Советского дружества.

...Миновав теснину Кресненска Клис, мы въезжаем в пограничную котловину перед городком Св. Врач. По дну котловины вьется умерившая свой бег Струма.

В синеватой дымке далеко к югу вырисовывается зубчатая цепь гор.

— Вот здесь, — говорит мой спутник, показывая на горы, — лежит граница между нашим и чужим миром. Там кончается жизнь, начинаются запустение и смерть...

Странно слышать эти слова, проезжая по долине, где женщины мирно сажают табачную рассаду, где юноши из бригад Союза народной молодежи под песню на знакомый советский мотив строят большой мост через Струму.

Здесь, в этой долине, протянувшейся к подножью хребтов Беласицы, Сенгельской планины, Али-Ботуша и Пирина, властвует жизнь, трудовая, воодушевленная верой в завтрашний день, озаренная дерзкой мечтой о большом человеческом счастье.

Это дыхание деятельной, полнокровной жизни сопутствует нам до крайнего рубежа на берегу небольшой, но бешеной от недавно прошедших дождей пограничной горной речки Пиринской Быстрицы. В нее упираются и полотно железной дороги и лента шоссе, по которому мы совершили свой путь из Софии.

Небольшое каменное здание в сени высоких деревьев. Раньше здесь была маленькая железнодорожная станция Кулата. Теперь в домике помещается пост болгарской пограничной стражи. Загорелые пограничники, свободные от наряда, выстраиваются, чтобы приветствовать посланцев болгаро-советской дружбы.

Вечереет. Мы обходим помещения, где живут пограничники. Над аккуратно заправленными койками портреты Ленина, Сталина, Димитрова. Лозунги, призывающие пограничников к боевой бдительности. Стенная газета. А рядом траурная «другарска жалейка»: извещение о гибели на боевом посту одного из молодых стражей границы.

История его гибели характерна для обстановки, сложившейся в последние годы на болгаро-греческой границе. Это было седьмого мая. Двое пограничников стояли в охранении в районе поста Драва. По ту сторону рубежа, как и на всем протяжении границы, не было постов греческой пограничной стражи. Болгарские пограничники имели строгий приказ: во избежание провокаций, даже при переходе границы монархо-фашистскими солдатами, не открывать огня без предупреждения. И вот, когда против поста появилась большая группа вооруженных монархо-фашистов, молодой пограничник, выполняя приказ, поднялся во весь рост и предупредительным окриком хотел остановить непрошенных пришельцев. В ответ раздался залп из американских автоматов. Верный долгу пограничник упал, сраженный насмерть несколькими пулями. Его тяжело раненному товарищу удалось отползти и поднять тревогу. Когда на место происшествия явился наряд болгарских пограничников, труп их убитого товарища был уже перенесен убийцами на греческую территорию...

Вечерело... Мы стояли на берегу Пиринской Быстрицы. Желтая вода кипела между сваями разрушенного пограничного моста. Совсем рядом — рукой подать, — на том берегу, лежала многострадальная греческая земля. Об этом напоминал тонкий бело-голубой флагшток, возвышающийся над кустами.

В болгарский город Петрич мы въехали в темноте. С невысокого плато, на котором он раскинулся, пограничная долина, усыпанная пунктирами огней, обозначающими расположение селений, видна на всю глубину. И резким контрастом с этой сверкающей

УХ МИРОВ

живыми огнями долиной на юг уходили склоны гор по ту сторону границы, погруженные в беспросветную темноту июньской южной ночи.

Когда я проснулся ранним утром, до моих ушей донесся знакомый с дней войны гул самолетных моторов. Время от времени в этот настораживающий гул, переходящий в нудный вой, вплетались сухие стуки пулеметных очередей. Это там, за рубежом, монархо-фашисты на американских самолетах с рассветом начали свою кровавую «работу», бомбя и обстреливая мирные греческие деревни и предполагаемые позиции отрядов Демократической армии Свободной Греции.

А здесь, на центральной площади болгарского городка, просыпающегося для деятельного труда, над входом в угловой дом напротив висела вывеска «Пушкинова Изложба». На меня, на город, на небо, в котором разбойничали крылатые пираты, смотрели со всемирноизвестного тропининского портрета живые глаза нашего великого земляка Александра Сергеевича Пушкина. Память о великом русском поэте граждане пограничного болгарского города Петрич почтили организацией скромной, но выразительной и любовно собранной выставки.

Через несколько часов мы встретились с Пушкиным уже у самого края болгарской земли. Его портрет и переведенные на болгарский язык книжки его стихов украшали скромный шалаш командира пограничного поста на гребне горы.

...Весь этот день мы носились на юрких, не боящихся никаких препятствий вездеходиках по головоломным козьим тропам, над пропастями и обрывами вдоль болгаро-греческой границы. Переезжая от одной заставы к другой, мы вели с крестьянами пограничных сел и со свободными от наряда пограничниками беседы о дружбе между болгарским и советским народами, о литературе, о Пушкине, о Христо Ботеве.

И весь день по ту сторону границы, сменяя друг друга, коршунами кружили американские самолеты. Трещали пулеметные очереди. Слышны были глухие выбухи бомбовых взрывов. За зеленым гребнем хребта Беласица рокотала орудийная канонада. Стоя в окопчике часового-пограничника, сопровождавший нас майор, начальник участка, показал влево, на одиноко возвышающуюся гору. На ее склоне невооруженным глазом была видна белесая полоска траншейного бруствера.

— В этом бункере сидят монархо-фашисты,— пояснил майор.— А вон вправо — видите? — белеет на восточном склоне: там бункер партизан. Третьего дня жарко там было. С утра до вечера монархо-фашисты долбили этот бункер артиллерией. Наверное, не меньше трех тысяч снарядов выпустили. Самолеты бомбили, и было по ветру слышно, как рычали танки... Только, кажется, вся эта баталия шла впустую. На другое утро наши в бинокль приметили, что окоп занимают его прежние хозяева.

Я спросил майора:

— Вы, как опытный военный, чем можете объяснить, что такая сила не могла совладать с кучкой партизан?

— Видите ли,— ответил майор, покусывая сорванную былинку,— всякий артиллерист тогда хорошо бьет, когда знает, во имя чего он это делает. Хорошему солдату, кроме сноровки и верного глаза, еще сердце нужно. А у них,— показал он в сторону монархо-фашистского бункера,— в том месте, где сердцу полагается быть, пусто...

Хозяева этих горе-артиллеристов,— продолжал майор,— на весь мир орут, что вся беда в «северных соседях». А вот вы сами сейчас на границе. Вы беседовали с нашими солдатами и офицерами. Что мы делаем на этой открытой границе? Мы, зная повадки этих провокаторов, часто жертвуя кровью и жизнью наших солдат, строго соблюдаем все правила пограничного режима. Граница у нас беспокойная и опасная. Монархо-фашистские банды часто и обдуманно нарушают наши рубежи, нападают на наших часовых. Они стараются спровоцировать нас на стычки, на ответные действия. И все-таки мы ни разу не поддались на провокации. Ни один наш солдат не нарушил греческой границы. Если вы внимательно приглядитесь к здешним местам, вы в лесу можете заметить свежие воронки от снарядов, найти гильзы от американских крупнокалиберных пулеметов. Все это свидетельства нарушений болгарской границы.

Бывают ли переходы границы с той стороны? Да, бывают. Когда вон там, в долинах, свирепствуют монархо-фашистские каратели и по ночам на небе пылают зарева горящих деревень, с той стороны границы идут сюда древние старики и женщины, спасающие своих детей от смерти. Принимаем ли мы этих «перебежчиков»? Да, принимаем. Надо иметь каменное сердце, чтобы отказать в праве убежища детям, за которыми, как за дикими зверями, охотятся эти люди, проклятые своим народом. Мы за эти годы ко всему привыкли. Но надо побеседовать с теми мирными тружениками, которые, спасая своих малолетков от смерти, покидают родной кров и страну, чтобы во всей обнаженной неприглядности составить себе представление о том, что́ творят эти «демократы» над греческим народом. Там поля заросли бурьяном, потому что всякого, вышедшего за околицу деревни, может застрелить любой «герой» с английской или американской винтовкой в руках. Бессильные против партизан, монархо-фашистские бандиты срывают свое зло на мирных тружениках.

Загорелое лицо майора потемнело... Мне стало понятно неприметное, будничное, геройское мужество этих сильных и смелых людей, вынужденных быть ежедневно молчаливыми свидетелями кровавых преступлений греческих монархо-фашистов против неистощимого в своем мужестве народа, истосковавшегося по мирному труду, по элементарной человеческой свободе. Зная обо всем этом, глубже понимаешь то трогательное внимание, каким окружил болгарский народ маленьких «перебежчиков» с той стороны границы в детских домах для греческих детей.

Солнце уже пересекло точку зенита, когда мы возвращались в Петрич из этой незабываемой поездки. Дорога крутыми зигзагами вилась по склону гор над тонущим в зелени городом. Снова с горы открывалась панорама широкой долины, покрытой пестрым ковром хлебных и кукурузных полей, табачных плантаций, виноградников, бахчей. На полях, куда ни кинешь взгляд, трудились люди, возделывая почву для жизни, для своего радостного завтра.

Табаковод или хлопкороб, возделывающий поле, останавливается на миг, чтобы перевести дух. И, закуривая трубку, он ловил ухом глухое урчанье канонады и голодный вой моторов заокеанских стервятников, описывающих круги над безжизненными, заросшими бурьяном полями по ту сторону границы.

Он слушал музыку смерти, этот человек, утверждающий своим трудом жизнь. И в глазах его загорался тот же огонь боли и гнева, который запал в мое сердце там, на пограничном посту Кулата, когда смотрел я в глаза молодым солдатам, этим честным и отзывчивым к человеческому горю труженикам.

5. Движение трудовых молодежных бригад, начатое по почину Союза народной молодежи, нашло отклик в сердцах десятков тысяч юношей и девушек. Все силы на строительство социализма, на выполнение пятилетнего плана! Во имя этой цели идут на стройку юноши, шагающие в рядах народной демонстрации по улицам болгарской столицы.

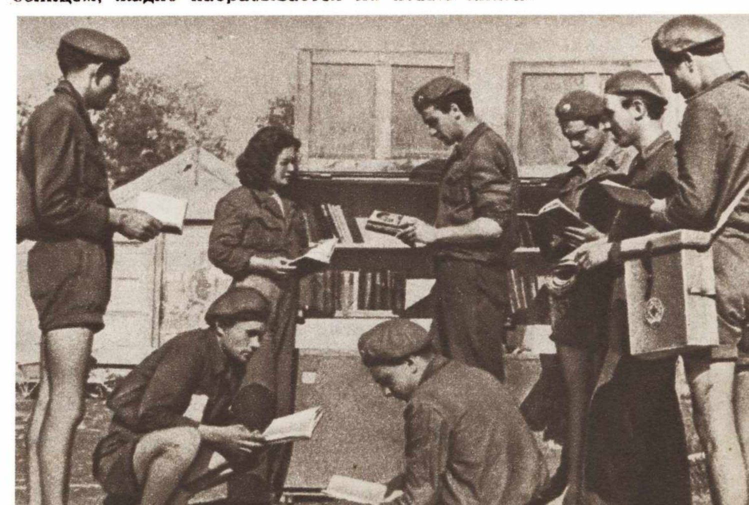

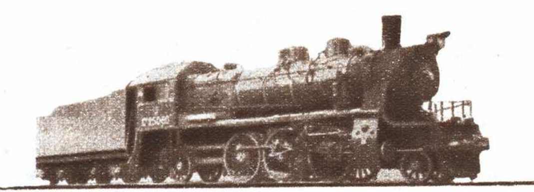
6. В какой бы уголок Болгарии вы ни попали, всюду вы встретите молодых бригадиров, веселых, жизнерадостных, покрытых бронзовым загаром. Они появляются всюду, где надо строить быстро, споро, добротно. Проезжая по дорогам Болгарии, вы увидите дружную трудовую семью молодых бригадиров, связывающих прочными пролетами бетонных мостов берега быстрых горных рек.

7. Проворные, сильные руки молодых бригадиров возводят корпуса новостроящихся заводов, прокладывают новые трассы железных дорог, ведут линии новых высоковольтных электропередач. Их руками воздвигаются новые индустриальные города и поселки. Они неутомимо трудятся на тяжелых землекопных работах, пробивая туннели, прокладывая новые шоссе, роя котлованы для плотин будущих гидроэлектростанций на горных реках.

8. А в свободные от работы часы в лагерях молодых строителей гремит музыка самодеятельных оркестров, звучат песни, идет большая культурная и политико-воспитательная работа. Вот на участок прибыл фургон передвижной библиотеки, и молодежь, целый день работавшая под палящим солнцем, жадно набрасывается на новые книги.

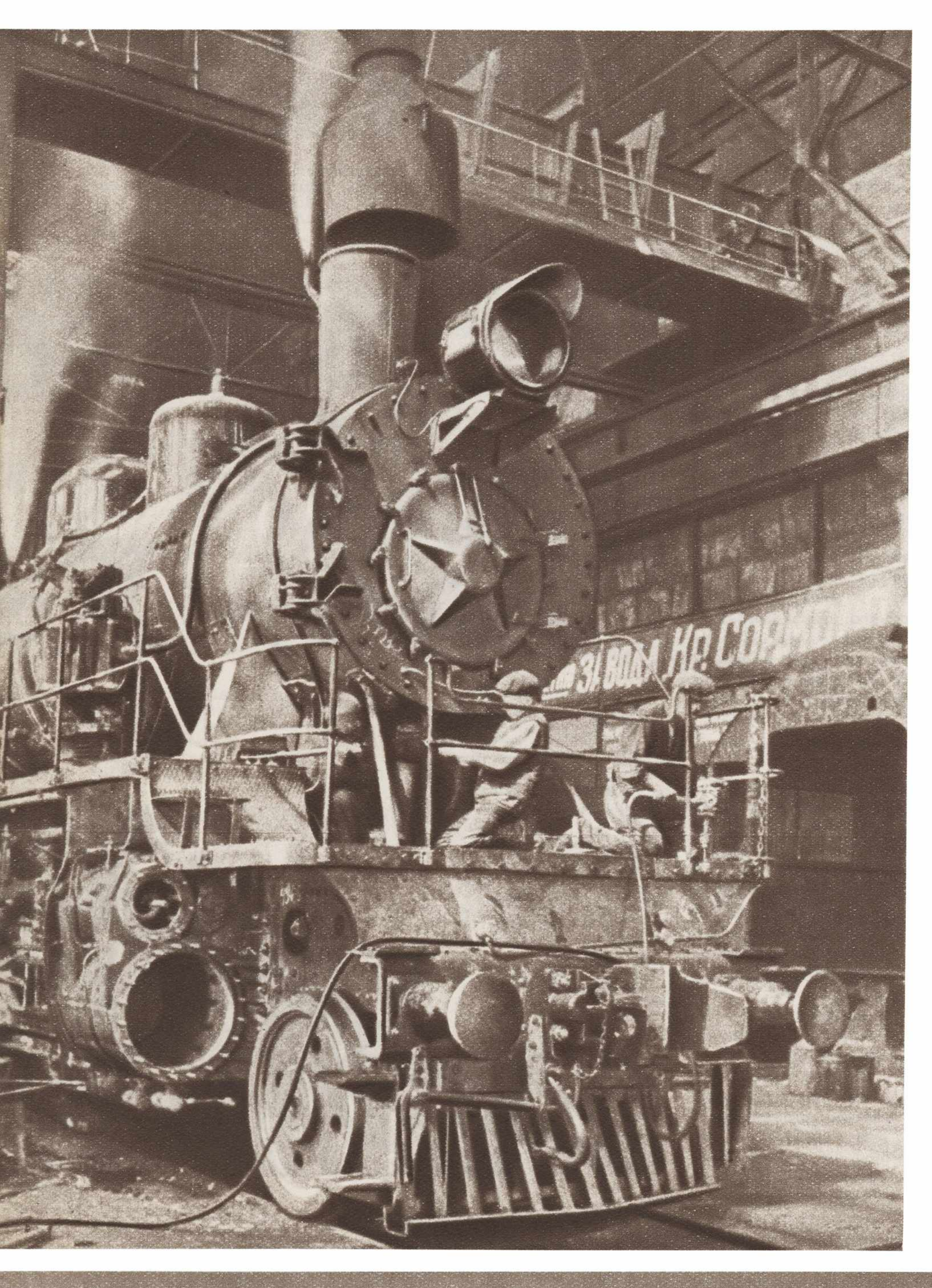

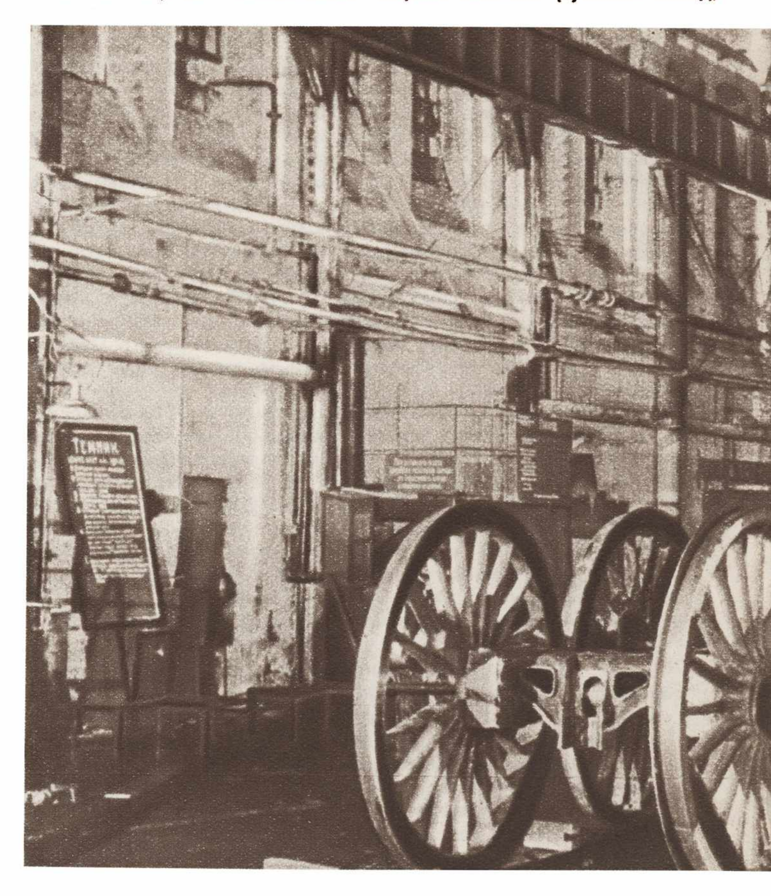
Завод –

В историю отечественной техники Сормовский завод вписал немало ярких страниц.

В 1870 году здесь, в Сормове, была пущена первая в России мартеновская печь. Завод первым в мире начал строить самоходные баржи с двигателями внутреннего сгорания, создал лучшие в Европе комфортабельные речные суда. И это несмотря на крайне тяжелые условия труда рабочих, на почти полное отсутствие механизации.

Волей партии большевиков старый славный русский завод,

Шумят листвой веселые березы,
Светлы просторы сталинской земли,
Бегут по ним родные паровозы,
Плывут по рекам наши корабли...

Так поют сегодня сормовские рабочие, гордые сознанием своей высокой роли в борьбе за пятилетку.

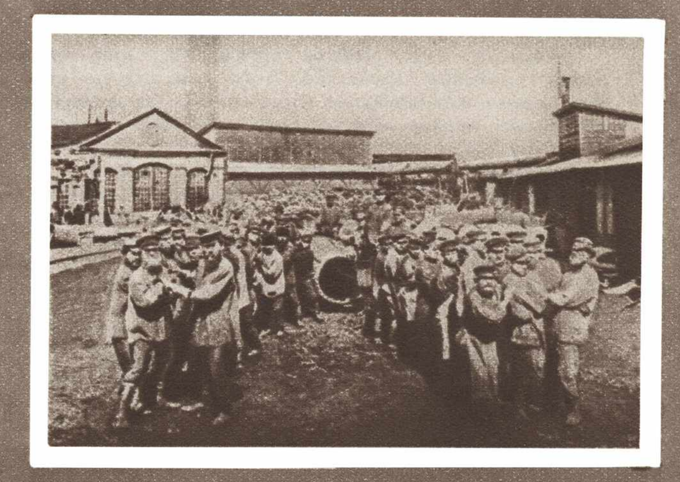
По всем железным дорогам нашей страны бегут выносливые и экономичные пассажирские паровозы «СУ».

На снимке в центре вы видите посадку собранного «СУ» на колеса. На снимке слева — новорожденный паровоз готовят к обкатке.

Первый сормовский пароход «Астрахань» (1850 год).

Буксирный теплоход выпуска 1948 года «Красное Сормово».

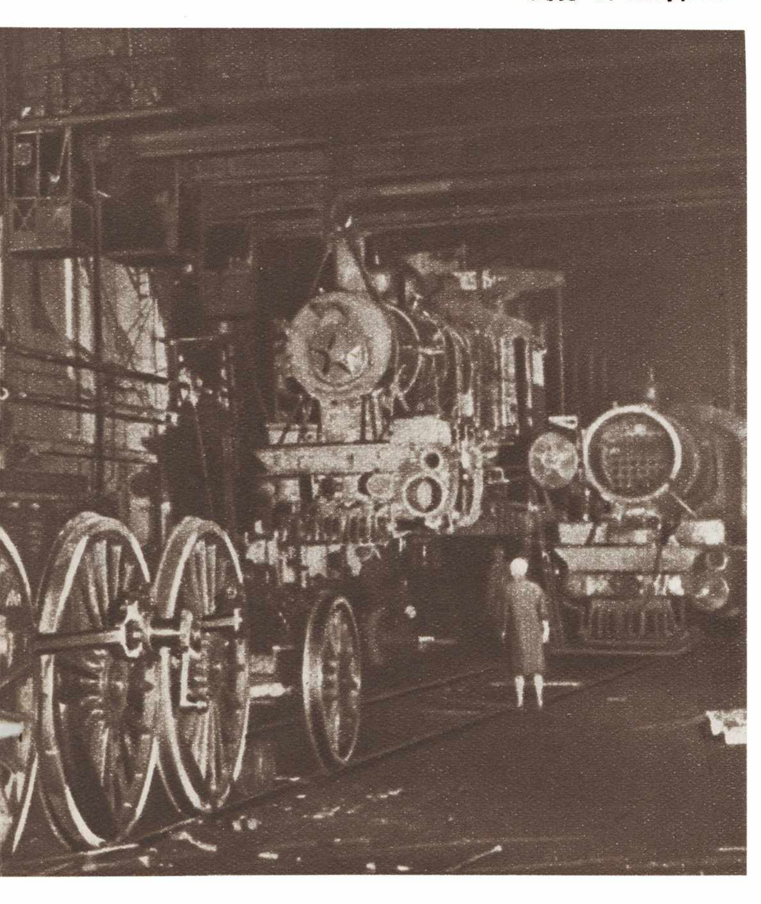
«Дубинушка» (Сормово, 1850 год).

богатырь

носящий ныне имя Андрея Александровича Жданова, вооружен могучей передовой техникой.

В суровые годы Отечественной войны сормовичи помогали Советской Армии одержать победу над фашистскими захватчиками. Ныне в цехах «Красного Сормова» имени А. А. Жданова создаются первоклассные суда и паровозы.

Фото О. Кнорринга

Рядом с паровозными цехами расположены судостроительные.

Сормовские речные суда — сухогрузные теплоходы и буксиры — отличаются совершенством конструкции и большой мощностью.

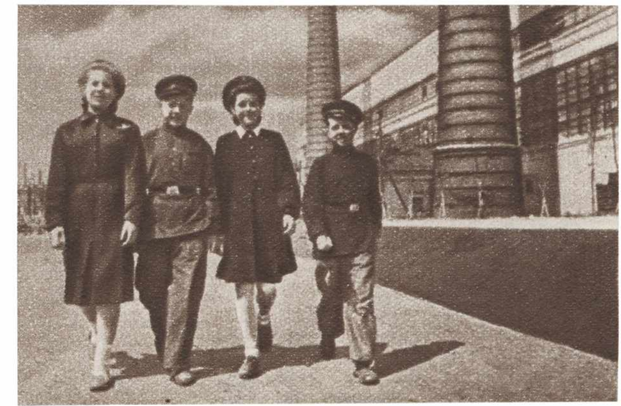
В отличие от прошлого времени, когда сборка кораблей производилась на стапелях под открытом небом, теперь собирают суда непосредственно в цехе (снимок вверху справа). На специальных тележках суда вывозятся из цеха на берег, где их спускают на воду (второй снимок справа).

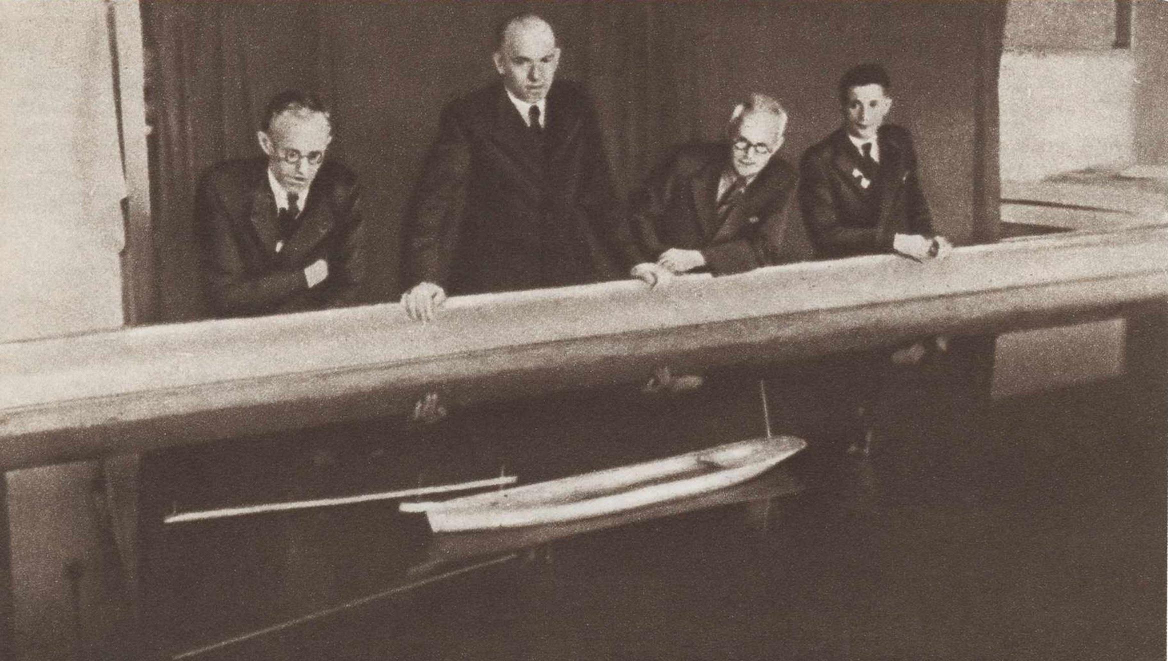
Башенный кран в заводской гавани (1949 год).

Сталелитейный цех Сормовского завода в 1870 году. Здесь была пущена первая в России мартеновская печь.

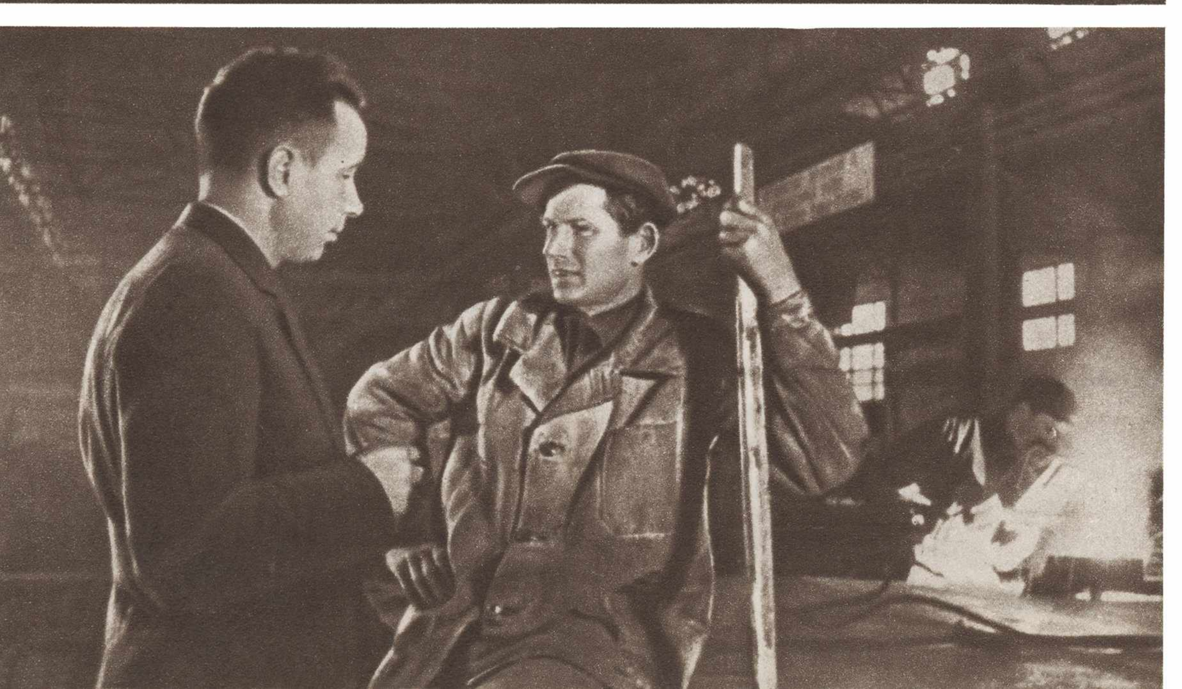
Молодые сормовичи возле мартеновского цеха (1949 год).

Замечательная черта сормовичей — новаторство. Напряженной творческой жизнью живут цехи, лаборатории и конструкторские бюро огромного завода.

Сормовские конструкторы и технологи в тесном содружестве создают новые типы речных судов — быстроходных, простых в управлении и дающих большую экономию топлива. На снимке слева: испытание модели нового теплохода в бассейне при заводском конструкторском бюро. Слева направо: лауреаты Сталинских премий конструкторы М. И. Воронин, В. М. Керичев, С. Н. Якимовский и технолог Л. Н. Краснопольский.

Строятся суда быстро и дешево благодаря широкому внедрению скоростной электросварки и других передовых методов. На снимках: электросварка корабельных секций (вверху); начальник судозаготовительного цеха лауреат Сталинской премии В. В. Московкин и сборщик-стахановец М. П. Черников (внизу); начальник судомонтажного цеха лауреат Сталинской премии П. А. Черноверхский (в круге).

ГЕРОИЧЕСКОЕ СОРМОВО

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

1. ДАРЬИНСКАЯ ПРОХОДНАЯ

Сормово просыпается рано.

Бас гудка певуче вибрирует в чистом воздухе, доносящем дыхание Волги.

Широкая асфальтированная улица, окаймленная деревьями, наполняется народом.

Пожилые мастера идут на работу по-двое, по-трое, степенно поглядывая вокруг, здороваясь со знакомыми. Их обгоняет молодежь — группы подростков из школы ФЗО, весело болтающие девушки, мускулистые, широкоплечие юноши. Доносятся обрывки разговоров: о вчерашнем спуске буксира, о футбольном матче, о субботнике в цехе, об отпусках, о спектакле во Дворце культуры.

Многие останавливаются у газетного киоска: продается свежий номер заводской газеты «Красный Сормович». На ходу просматривают, обмениваются репликами:

— Паровозокотельщики опять знамя взяли.

— Третий месяц держат!

С главной магистрали народ сворачивает в переулок, в конце которого «Дарьинская проходная» — одна из нескольких проходных огромного завода. О близости завода напоминают щиты с цифрами соревнующихся паровозных и судостроительных цехов, с большими портретами стахановцев.

Чем ближе к проходной, тем гуще толпа. К тем, кто живет в Сормове, присоединяются приехавшие в рабочих поездах из разбросанных вокруг поселков. Лотошники в белых халатах бойко торгуют пирожками, сайками и папиросами.

Глядя на оживленные, бодрые лица слесарей, сварщиков, токарей, литейщиков, вспоминаешь по контрасту картину рабочего утра в дореволюционном Сормове: этой картиной открывается горьковская повесть «Мать».

Вы помните первую страницу бессмертной повести?.. «Из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы». Горький писал о грязной, немощеной улице, ведшей к заводу, о тягостном чувстве, с каким начинали свой день рабочие: «Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух...»

Старого давно нет. Оно кануло в небытие вместе с гнусным эксплоататорским строем, уродовавшим душу рабочего человека. И здесь, у ворот завода, людям которого посвятил свою книгу великий писатель рабочего класса, приходят мысли о замечательном пути героического коллектива сормовичей.

2. ВЕХИ ИСТОРИИ

Некогда находилась на этом месте деревушка Дарьино: она слилась с Сормовым, как и еще два соседних селения — Мышьяковка и Починки. Землю вокруг заводских корпусов скупал ловкий делец, винный откупщик Бенардаки, потом и другие капиталистические хищники, владевшие заводом.

Хозяева выжимали все соки из согнанных в цехи бывших крестьян и бурлаков. Старейший сормович Михаил Григорьевич Боков — шестьдесят пять лет трудится он на родном заводе — помнит, как рабочих заставляли на плечах перетаскивать тяжелые листы металла, как вручную производилась навеска листов на шпангоуты кораблей.

Сормовские пароходы, самоходные баржи, пловучие доки, землесосы, пассажирские паровозы славились на всю Россию и доставляли огромные барыши владельцам предприятия. А рабочим в получку выдавали гроши. Рабочий день продолжался по пятнадцать-шестнадцать часов. Малейшая попытка сормовичей облегчить условия труда встречалась хозяевами завода в штыки.

В начале двадцатого века пролетарское Сормово бурлило.

Возле Дарьинской проходной совершил свой бессмертный подвиг сормовский рабочий Петр Заломов — прообраз горьковского Павла Власова. Именно здесь 1 мая 1902 года социал-демократ искровец Петр Заломов, шедший во главе демонстрантов, на глазах у царских жандармов поднял красное знамя с призывом: «Долой самодержавие!»

Заломов впоследствии писал об этом дне:

«...Мы шли по направлению к Дарьинской проходной. Пели «Варшавянку», а перед самым столкновением с солдатами — «Вы жертвою пали...» Мы шли по живому коридору среди сплошной толпы, заполнявшей обе стороны очень широкой улицы. Наше пение попрежнему сопровождалось криками: «Долой царя!», «Долой самодержавие!» Мы шли и пели. Расстояние между нами и солдатами быстро уменьшалось. Мы были безоружны против вооруженных до зубов солдат, но ни один товарищ не дрогнул и не вышел из рядов».

Героическое Сормово!

Традиции беззаветного революционного мужества проходят через всю его историю.

На красных кирпичных стенах школы № 82, где учатся дети сормовских рабочих, еще сохранились следы от снарядов: в 1905 году царские войска обстреливали это здание, ставшее штабом восставших сормовичей. На огонь артиллерии дружинники, возглавляемые большевиками, отвечали выстрелами из охотничьих ружей, револьверов и маленькой самодельной пушки, сделанной беспартийным рабочим Париковым. Эхо тех выстрелов навеки запечатлелось в истории. Откройте «Краткий курс истории ВКП(б)»: на 79 странице Сормово названо в ряду городов, бесстрашно поднявших знамя вооруженного восстания.

Памятен октябрь 1917 года. Вместе с нижегородскими рабочими и солдатами сормовские красногвардейцы разгромили юнкеров, укрепили власть Военно-революционного комитета.

В заводской гавани вам покажут причал, возле которого 24 августа 1918 года остановились корабли «Прыткий», «Прочный» и «Ретивый». Из Нижнего, из губкома партии, позвонили на завод: все три корабля срочно покрыть броней и вооружить. Была суббота, конец дня. Сотни рабочих не ушли с завода. Работали ночь, воскресенье и ночь на понедельник. Утром 26 августа три корабля, обшитые вокруг рубок стальными листами, с пушками и пулеметами у бортов, вышли на волжский фронт под Казань; через две недели Казань была взята Красной Армией.

Исконное мастерство сормовских рабочих лишь в советские годы достигло своего расцвета. Сыны и внуки горьковских героев познали высшее счастье рабочего человека — свободный труд стал делом чести и славы, делом доблести и геройства.

В заводоуправлении хранятся толстые альбомы со снимками. Баржи и комфортабельные пассажирские теплоходы, паровозы «СУ» и большегрузные вагоны. судовые котлы, дизели и буровой инструмент... Все это давал стране в годы сталинских пятилеток завод-ветеран. Вокруг него вырастали новые фабрики и заводы. У них была великолепная техника, самые совершенные станки, но им нехватало опытных мастеров. И вот, по призыву Андрея Александровича Жданова, руководившего в те годы нижегородской партийной организацией, сотни сормовичей уходили на Автозавод, Станкозавод, «Нефтегаз», становились бригадирами, начальниками участков, обучали молодежь. Сормово стало кузницей кадров молодой социалистической индустрии города Горького.

Таковы вехи биографии этого завода-бойца.

Совсем недавно, в грозную пору Великой Отечественной войны, люди «Красного Сормова» еще раз показали, на какие подвиги они способны.

3. ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ

Андрей Александрович Жданов.

Его имя носит завод.

Его имя живет в сердце каждого сормовича — старого и молодого, коммуниста и беспартийного.

Андрея Александровича близко знали сотни заводских людей. Одно время он состоял на партийном учете в дизельном цехе. Жданов подолгу дружески беседовал с рабочими, он вместе с ними решал вопросы на партийных собраниях, он учил их всегда быть впереди.

В тот день, когда «Красному Сормову» было присвоено имя А. А. Жданова, завод досрочно закончил годовую программу 1948 года.

— Мы, сормовичи, гордимся, что работаем на заводе, носящем имя товарища Жданова. Эту великую честь мы должны оправдать! Так говорили на митинге рабочие.

Через два месяца вся страна узнала о патриотическом почине сормовичей: вместе с коломенскими паровозостроителями они выступили на борьбу за выпуск сверхплановой продукции за счет экономии металла, топлива и электроэнергии.

На собрании в судозаготовительном цехе коммунист Александр Курицын предложил изменить размеры заготовок листов стали. Его дружно поддержали. Металл стали резать расчетливей, не на глазок, а по специальным «технологическим картам раскроя». Сэкономлены были десятки тонн металла.

Курицын принадлежит к новому поколению сормовичей — жадных к технической и художественной литературе, пытливых, сочетающих мастерство с глубокими знаниями; он еще очень молод, недавно окончил заводской машиностроительный техникум. Таков же и кузнец Федор Батаев, выступающий с лекциями в техническом кабинете Дворца культуры; по батаевским чертежам десятки деталей переведены с ручной ковки на штамповку. Такова же и комсомолка Зинаида Емелькина, которая первая в паровозокотельном цехе освоила скоростную автоматическую электросварку и научилась мастерски владеть новейшим сварочным аппаратом.

Творческая инициатива рабочих позволила заводу уже к апрелю построить из сэкономленного металла сверхплановые буксир «Тимур Фрунзе» и пассажирский паровоз «СУ».

Идеей борьбы за экономию пронизано и творчество заводских конструкторов.

Сормовские паровозостроители создали новый образец паровоза — «СУР». Этот локомотив снабжен механическим кочегаром, имеет много и других усовершенствований.

— Получили добрые вести от железнодорожников,— рассказывал рабочим конструктор Александр Матвеевич Русак.— Испытывали наш первый «СУР». Гоняли месяц от Горького до Петушков и обратно. Хвалят за высокую экономичность...

По всей стране идет слава о сормовских речных судах.

Здесь часто встречаешься с капитанами, штурманами, матросами речного флота, приехавшими принимать новые корабли. А сколько сормовских сухогрузных теплоходов и буксиров уже бороздят воды Волги, Днепра, Камы и других рек!

Ветеран революционных битв П. А. Заломов (прообраз горьковского Павла Власова из повести «Мать») среди передовых людей «Красного Сормова». Слева направо (стоят): сталевар И. П. Васляев, слесарь А. М. Лосев, технолог деревообделочного цеха С. С. Храмов, рабочий транспортного цеха В. А. Рыбаков, бригадир комсомольско-молодежной бригады литейного цеха В. Н. Арефьев и технолог сталелитейного цеха Н. А. Кудрин. На переднем плане (сидит) П. А. Заломов.

Фото О. Кнорринга

В апреле этого года правительство присудило Сталинские премии пятнадцати инженерно-техническим и руководящим работникам завода.

Весь завод гордится этой наградой. Премии присуждены за новаторство, за новые конструкции и новые методы скоростной стройки и сборки судов.

— Старик-завод,— говорят горьковчане,— а многих молодых опередил!

Завод с достоинством носит славное имя Андрея Александровича Жданова.

4. ВСТУПАЯ ВО ВТОРОЙ ВЕК...

Главный инженер Петр Павлович Маркушев, сын сормовского рабочего, отличный знаток судостроения, ведет группу студентов-практикантов в буксирный цех.

Буксиры тащат по Волге и по другим рекам нашей страны баржи с хлебом и лесом, рыбой и нефтью. В этих «неутомимых работниках» всегда была великая нужда, но еще никогда не требовалось на речном транспорте так много буксиров, как в наши дни.

Маркушев вспоминает интересные факты из прошлого. Первое судно, созданное сормовичами, был буксирный пароход «Астрахань» — громоздкое деревянное сооружение, делавшее не больше тридцати верст в сутки. «Астрахань» не могла идти против течения самостоятельно. Ее обслуживал маленький вспомогательный пароходик «забежка», который завозил вперед якорь с канатом; конец каната был укреплен на носу «Астрахани», и она передвигалась, подтягиваясь к якорю.

И вот студенты стоят перед правнучкой «Астрахани» — буксирным теплоходом «Лиза Чайкина».

Теплоход лежит на стапель-блоках всем своим свежеокрашенным черно-красным корпусом, ладным, округлым, готовым стремительно резать водную гладь. Идут последние отделочные работы: крепят на палубе белые надстройки кают, что-то подваривают внутри корпуса — в окошках иллюминаторов вспыхивает голубое пламя. Скоро теплоход вывезут на специальных тележках к берегу, а потом спустят на воду.

— Этот буксир потянет громадные баржи, тысячи тонн груза,— говорит Маркушев.— Не смотрите, что он такой маленький: его мощность — 600 лошадиных сил! А топлива он расходует почти в два раза меньше, чем прежние буксиры.

Маркушев называет имена тех, кто создавал буксир. Он рассказывает о Вячеславе Михайловиче Керичеве, ведущем конструкторе, посвятившем всю свою жизнь поискам наиболее совершенных форм речных судов. Об Иване Ивановиче Краковском, выдвинувшем идею буксирных лебедок. О замечательном специалисте по корпусам Михаиле Ивановиче Воронине. О многих других талантливых представителях заводской интеллигенции. Главный инженер вспоминает о жарких спорах конструкторов с технологами, о беспокойных минутах испытаний моделей судов в бассейне, об удачах и неудачах, о поражениях и победах.

— Партийная организация сплотила в творческом содружестве конструкторов, технологов и весь коллектив завода,— говорит Маркушев.— Вот что принесло нам успех.

Цех предельно механизирован. Повсюду мощные мостовые краны, транспортеры, подъемники, автоматические сварочные аппараты. Новаторство сормовичей опирается на прочную базу новейшей техники.

В трепетном свете электросварки возникают части все новых и новых теплоходов.

По существу, это поток.

На широких металлических стендах собирают секции — части буксира.

Весь буксир состоит из девяти крупных секций.

Готовые секции кранами доставляются в главный пролет. Здесь их «стыкуют», т. е. располагают по чертежу, и потом сваривают.

— Прежде каждый такой теплоход собирали на стапелях, под открытым небом,— рассказывает главный инженер.— Собирали из двух тысяч разрозненных деталей. Представляете, сколько это требовало времени! А теперь все производственные циклы протекают в пять— шесть раз быстрее.

Предки Маркушева работали «глухарями»: так назывались рабочие, клепавшие котлы и глохнувшие от вечного грохота.

— Теперь клепка у нас почти на всех операциях заменена сваркой. И не простой — автоматической. Это тоже дает колоссальное ускорение темпов!

Студенты выходят из цеха. Впереди на глади затона покачиваются готовые теплоходы. Как они хороши на воде! Из труб вьется легкий дымок,— работают дизели, буксиры проходят швартовые испытания.

Сверкают надписи на бортах:

«Иван Кожедуб».

«Александр Покрышкин».

«Виктор Талалихин».

Флотилия Героев Советского Союза! Флотилия сотой весны героического завода!

☆ ☆ ☆

13 июля Сормовскому заводу исполняется сто лет. Праздник славного отряда рабочего класса, идущего в передовых рядах борцов за пятилетку, радостно отмечается всеми советскими людьми.

В июне сормовичи проверили, как они выполняют свои социалистические обязательства, принятые в письме к товарищу Сталину. За пять месяцев они сберегли большое количество металла, топлива, электроэнергии. Но сормовские большевики призывают рабочих не довольствоваться первыми успехами, а еще напряженнее бороться за каждую каплю мазута, каждый огарок электрода и кусок железа.

Как солнце в капле воды, в истории «Красного Сормова» советского периода отражаются величайшие завоевания нашего народа, ставшего полновластным хозяином своей судьбы.

Изменился не только завод, вооруженный ныне самой передовой техникой и пролагающий новые пути в судостроении и паровозостроении.

Кто приезжает в Сормово, поражается красивым каменным жилым домам, выросшим по обеим сторонам асфальтированного шоссе, величественному, сверкающему огнями Дворцу культуры, обилию школ и библиотек. Сормовичи располагают своими домами отдыха на Волге, своими отлично оборудованными амбулаториями, родильными домами, детскими садами и яслями. В домах сормовичей — электричество, радио, книги, картины. Не осталось и следа от старого Сормова с его грязными, кривыми улицами, покосившимися домиками, трактирами и свалками.

Широк круг интересов сормовичей.

В горьковской повести «Мать» есть печальные слова о том, как люди фабричной слободки не видели другой радости, кроме кабака. «Одинокие искры неумелой, бессильной мысли едва мерцали в скучном однообразии дней».

Каким счастьем, какой гордостью переполнилось бы сердце Алексея Максимовича, если бы он побывал в сегодняшнем Сормове, где выходят книги, написанные стахановцами, где на «литературных понедельниках» рабочие обсуждают произведения литературы и искусства, куда приезжают с лекциями ученые, где собираются читательские конференции, где в драматических, музыкальных и художественных кружках воспитываются сотни талантливых людей.

Горьковский герой Павел Власов мечтал об этой счастливой поре. Мечта поколения Власовых стала реальностью в нашей стране, в нашем народе, идущем к вершинам коммунизма под знаменем партии Ленина — Сталина.

...В заводоуправлении «Красного Сормова» хранится толстая пачка писем и телеграмм, полученных со всех концов страны. Это поздравления заводу в связи с присуждением его работникам Сталинских премий. Есть в этой пачке маленький листок, исписанный ровным старческим почерком:

«Поздравляю от души. Горжусь родными сормовичами».

И подпись:

«П. А. Заломов».

Долго с волнением смотришь на этот листок. Бойцов пятилетки поздравляет старый большевик, который сорок семь лет назад возле Дарьинской проходной высоко поднял красное знамя с лозунгом: «Долой самодержавие!».

Одним из первых в Краснодарском крае начал уборку колосовых колхоз «Заветы Ильича», Белореченского района. Первые тонны зерна нового урожая сданы колхозом 19 июня. На снимке: звеньевая Любовь Шевченко и председатель колхоза Н. М. Семечкин проверяют влажность зерна.

Фото С. Косырева

УБОРКА УРОЖАЯ НА КУБАНИ

На Кубани идет массовая уборка урожая. Тысячи комбайнов, в том числе сотни самоходных, жатвенные машины, десятки тысяч жниц и косарей от зари до зари ведут уборку озимого ячменя и знаменитой кубанской пшеницы.

Все мысли, все силы колхозников сейчас сосредоточены на том, как лучше и быстрей убрать хлеб и досрочно выполнить первую колхозную заповедь.

Выборочная косовица, на которую в прошлые годы затрачивалось 7—10 дней, ныне сократилась втрое. В колхозах Гиагинского, Белореченского и Курганинского районов комбайны вступили в уборку на второй и третий день после начала жатвы вручную и простейшими машинами.

Быстрые темпы уборки значительно ускорили и начало хлебозаготовок.

Колхоз «Заветы Ильича», Белореченского района, получивший в прошлом году на элеваторе квитанцию № 1, нынешним летом также завоевал это право: он сдал государству первые тонны зерна нового урожая через день после начала косовицы. По его примеру ускорили начало хлебозаготовок гиагинские, северские и курганинские сельскохозяйственные артели. Курганинский колхоз имени Молотова, где председателем депутат Веl ховного Совета РСФСР тов. Табаков, начал хлебосдачу на четвертый день жатвы и обязался выполнить ее за 240 часов.

Таких темпов уборки и хлебопоставок край еще не знал. Три — четыре года назад даже лучшие колхозы сдавали государству хлеб в течение недель, нынче срок сдачи хлеба измеряется днями.

Колхоз имени Молотова вывел на поля три комбайна, несколько жаток и десятки косарей. Используя все имеющиеся средства и силы, он ведет уборку невиданными темпами. Между комбайнами и курганинским элеватором установился своеобразный конвейер, где каждая операция уборки, очистка, вывозка зерна, как на лучшем заводе, планируются по минутам. В сутки колхоз отгружает в государственные закрома по 6—7 вагонов зерна.

На уборке разгорелось живое, действенное соревнование. Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии на Кубань прибыли два виднейших мастера комбайновой уборки: депутат Верховного Совета РСФСР Герой Социалистического Труда К. Борин и А. Оськин.

В нынешнем году исполняется 15 лет, как Константин Борин сел за штурвал комбайна. Эту дату он решил отметить новыми трудовыми подвигами — убрать сцепом двух комбайнов «Сталинец-6» 3200 гектаров зерновых и масличных культур. Это равно 8 сезонным нормам.

* * *

Два десятилетия, отделяющие сегодняшнюю колхозную Кубань от Кубани единоличной, являются целой эпохой в развитии сельского хозяйства края.

Средний урожай озимой пшеницы—основной сельскохозяйственной культуры кубанских полей — 20 лет назад равнялся 46 пудам. В прошлом году с 870 тысяч гектаров был снят 120-пудовый урожай. В своем письме товарищу Сталину кубанцы дали слово вырастить в 1949 году 120-пудовый урожай озимой пшеницы на площади в 1 миллион гектаров и 100-пудовый урожай яровой пшеницы — на 125 тысячах гектаров.

Слово кубанцев — твердое слово. Богатый урожай выращен!

В нынешнем сельскохозяйственном году на Кубани еще раз победили высокая культура земледелия, упорный труд колхозников. Искра соревнования за отличное качество полевых работ, зажженная в полевом стане тракторной бригады Ивана Шацкого, разгорелась в мощное пламя трудового подъема колхозников, работников МТС и совхозов Кубани.

Приведем несколько цифр, каждая из которых звучит подлинной поэмой о творческом, вдохновенном труде советских людей. Боронование зяби и озимых весной было проведено на всей площади посевов. Яровая пшеница и технические культуры размещены по зяби. 700 тысяч гектаров земли под яровые получили предпосевную культивацию. Одна четверть посевов озимых была подкормлена местными и минеральными удобрениями. В два с половиной раза увеличена площадь, засеваемая перекрестным и узкорядным способом. Земля, обработанная по всем правилам советской агробиологической науки, щедро оплатила труд.

Урожай яровой пшеницы даст в этом году нашему народу столько хлеба, сколько Кубань не давала в самые лучшие предвоенные годы.

Особенно высокий сбор озимой пшеницы и озимого ячменя получен в Адыгейской автономной области и передовых колхозах ряда районов. Комбайнер Федор Сухинин на полях колхоза «Политотдел», Гиагинского района, с каждого гектара снимает по 140—150 пудов зерна, в колхозе имени Молотова, Курганинского района, убирают по 180 пудов, звеньевой Сулименко в колхозе имени газеты «Правда» и сотни других звеньевых и бригадиров вырастили такой же обильный урожай.

Колхозная Кубань, выполняя слово, данное великому Сталину, уверенно набирает темпы уборки и хлебосдачи.

В. ДАРМОДЕХИН

УСПЕХ СОВЕТСКИХ ПЛОВЦОВ

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ СПОРТСМЕНЫ В МОСКВЕ

Встречи чехословацких и советских пловцов, состоявшиеся на прошлой неделе в Москве, носили исключительно дружеский характер и представили большой спортивный интерес. Разнообразная программа: плавание, прыжки, водное поло — дала возможность пловцам проявить свои способности в полной мере.

Нужно сказать, что спортсмены обеих стран были хорошо подготовлены к этим ответственным соревнованиям и не случайно поэтому показали отличные результаты и установили несколько рекордов.

Во всех четырех женских заплывах неизменно первенствовали представительницы Советского Союза. Соревнование вольным стилем на кратчайшую дистанцию — 100 метров — выиграла Капитолина Васильева (СССР), опередив З. Бечваровску (Чехословакия) на несколько секунд.

В интересной борьбе прошел заплыв на 200 метров стилем «брасс». В нём участвовали одна из сильнейших спортсменок Чехословакии В. Прашилова и девушка из Винницы Мария Гавриш. Напряженное состязание закончилось победой украинки. Она проплыла 200 метров за 3 минуты 05,5 секунды. В. Прашилова отстала от нее всего на 1,3 секунды и установила новый рекорд Чехословакии. Соревнование в плавании на спине также выиграла представительница СССР — В. Малыгина.

Особый интерес представило соревнование мужчин.

Уже в первом, стометровом заплыве вольным стилем разгорелась увлекательная борьба между Ярославом Маржик (Чехословакия) и Анатолием Драпий (Киев). Драпий первым закончил дистанцию с результатом 58,3 секунды. Ярослав Маржик прошел 100 метров за 59,4 секунды и установил новый рекорд Чехословакии.

Еще более напряженно шла борьба в заплыве на 200 метров стилем «брасс». Здесь чехословацкие пловцы показали исключительное мастерство и непреодолимую волю к победе.

Л. Комадел (Чехословакия) прошел дистанцию за 2 минуты 45,6 секунды и установил новый рекорд своей страны. Вторым также был представитель Чехословакии В. Сковайса.

После краткого перерыва бассейн вновь ожил. Одобрительные, подбадривающие возгласы летели с трибун к водным дорожкам, где состязались за первое место М. Бартушек (Чехословакия) и В. Ушаков (СССР). Победу одержал представитель Советского Союза.

Совершенную технику в плавании стилем «баттерфлей» показал заслуженный мастер спорта Леонид Мешков. В заплыве на 100 метров он легко опередил своих соперников и закончил дистанцию с результатом 1 минута 07,6 секунды.

Эстафетный проплыв (4 по 200 метров) вольным стилем выиграла «Сборная команда СССР».

В эстафете для женщин (3 по 100 метров) также победила команда СССР.

После показательных прыжков в воду с трамплина и с вышки состоялся матч в водное поло между «Сборной Чехословакии» и «Торпедо» (Москва). Команды показали хорошую коллективную игру и уменье владеть мячом. Встреча закончилась победой торпедовцев со счётом 5 : 3.

Команда пловцов Чехословакии перед соревнованием.

Фото Э. Гутгарца

КОРОТКО

383 100 НОВЫХ ДОМОВ построено в селах БССР после освобождения республики от немецко-фашистских оккупантов. Возрождено свыше 10 тысяч сел. Из землянок переселилось более 2 миллионов человек. Советское государство выдало застройщикам около 450 миллионов рублей кредита. Семьям погибших фронтовиков выстроено за счет государства 2 тысячи домов.

«ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ» — так называется новый фильм, снимаемый в Сальском районе, Ростовской области, Московской студией документальных фильмов. Картина расскажет о ходе выполнения сталинского плана преобразования природы.

«ПАВЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» проводятся в Рязани, на родине великого русского ученого И. П. Павлова, в связи со столетием со дня его рождения. Юбилей этот, исполняющийся в сентябре, будет отмечать вся страна. Лекции читают виднейшие советские физиологи.

БОЛЬШАЯ СБОРКА

А. МАРЬЯМОВ

То, что поступает в механический цех из заводской кузницы, лишь очертаниями похоже на коленчатый вал. Поковка станет валом только после обточки, шлифовки, после кропотливой работы токарей.

Но когда закончится и эта работа, для глаза не посвященного, не искушенного в технике человека коленчатый вал все еще будет оставаться мертвым куском металла. Пусть этот металл уже имеет законченную форму, пусть он блестящ и гладок,— он все же кажется еще неспособным к механической жизни. Только рабочий или инженер представит себе этот вал частью будущей, еще не рожденной машины, увидит его таким, каким он станет в движении и в действии.

В литье, в кузнечных поковках зарождается будущая машина. Из механических цехов выходят сотни законченных, но еще не связанных друг с другом больших и малых деталей. А в сборочном сливаются в единое русло мысль и труд многих людей. Из деталей собираются узлы, а из узлов возникает станок, чтобы облегчить работу человека и сделать его жизнь изобильнее и счастливее.

По сборочному цеху московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» мы проходили большой группой. В этой группе был человек, который двенадцать лет тому назад сам работал на «Красном пролетарии» и теперь пристально отмечал все то новое, что появилось здесь за время, минувшее с тех пор.

Нового было много. Новым был, конечно, установившийся здесь метод поточной сборки. Но это не являлось неожиданностью. Поток укоренился везде. Поэтому было бы странно, если бы сборку станков продолжали по старинке.

Поток начинается со сборки шпинделя. Легко и быстро становятся на свои места сравнительно небольшие детали. Готовый шпиндель уходит дальше. Множество последующих операций разворачивается на пути длиною в сотни метров. И, наконец, в дальнем конце огромного цеха выстраиваются готовые, высотой примерно в два с половиною человеческих роста, махины-станки: шестишпиндельные полуавтоматы.

Давно уже знакомое сочетание букв «ДИП» вместе с трехзначным числом — марка этих станков.

— При мне «дипы» были другими,— замечает гость, работавший здесь двенадцать лет тому назад.

— Но ведь тогда марка эта и расшифровывалась по-другому,— улыбнулся в ответ начальник сборочного цеха лауреат Сталинской премии инженер Б. И. Кириллин.— В ваше время это означало еще «догнать и перегнать»...

— А теперь?

— Догнали и перегнали!..

Конечно, перегнали! Каталоги заграничного оборудования давно перестали занимать советских хозяйственников. Для любых нужд нашей промышленности изготовляются отличные отечественные станки. Советская конструкторская мысль решает успешно любые, самые сложные задачи, выдвинутые промышленностью. Об одной из таких решенных задач напоминает и звание лауреата Сталинской премии, которого удостоен инженер Кириллин.

Но мы перегнали Запад не только по уровню промышленной техники. Совершенно иной — не только более передовой, но и по самому своему существу недоступной для капиталистического строя — стала вся основа нашего производства. Поэтому нам по плечу теперь такие задачи, которых капиталистическая техника не в состоянии не только разрешить, но и поставить.

Примеры этого нового видны во всех цехах «Красного пролетария».

В 1-м механическом цехе на самом видном месте висит плакат. Крупными красными и синими буквами на нем написано:

Молния

ПОЗДРАВЛЯЕМ СКОРОСТНИКОВ
токаря т. СЕЛЬЦОВА,
строгальщика т. СЫЧЕВА,

завоевавших первенство во Всесоюзном соревновании станкостроительной промышленности по скоростным методам резания. Выражаем уверенность в том, что и в дальнейшем в своей работе вы будете совершенствовать скоростные методы резания металла.

«Молнию» подписали начальник цеха, секретарь партбюро и председатель цехового комитета.

Такие листовки органически вошли в заводской пейзаж.

Еще в годы первых пятилеток мы привыкли видеть «молнии», плакаты, «боевые листки» в заводских цехах и на лесах новостроек. К концу смены появлялись имена передовиков, выведенные крупными буквами на листах фанеры или картона. Заводские художники рисовали диаграммы, отражающие итоги работы бригад. Все это вросло в быт производства с первых дней социалистического соревнования.

Однако нынешнюю «молнию» в механическом цехе «Красного пролетария» не сравнить с плакатами прошлых лет. В ней отражаются новые, современные черты соревнования.

В 1918 году в первоначальном наброске статьи «Очередные задачи советской власти» Владимир Ильич Ленин писал:

«Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики,— не только потому, что здесь будут, может быть, следовать хорошему примеру, но и потому, что лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел».

Ленинский взгляд, устремленный вперед, ясно и точно видел то, что от других было скрыто завесой времени.

Уже на заре сталинских пятилеток значение силы примера действительно стало громадным. Советские люди тогда переступали пределы старых, еще при капитализме установленных норм. Нормы эти были рассчитаны на подневольный труд. Ради хозяина нечего было стараться. А когда человек понял, что трудится он на себя, на свою Родину, он почувствовал неведомое прежде вдохновение и никогда еще не испытанную им силу.

И все чаще стали появляться телеграммы в газетах: там бетонщики дали за смену невиданное прежде число замесов; на донецкой шахте забойщик, работая старинным, дедовским кайлом, выдал на-гора столько уголька, сколько прежде никому и не снилось; на большой новостройке в зимнюю, морозную непогоду комсомольцы вышли на штурм и сделали то, что раньше показалось бы фантастическим... Опыт передовиков становился достоянием сотен и тысяч людей, с одного завода он переходил на десятки других, из одного города распространялся по всей стране.

Когда стали появляться в газетах сообщения об этих первых трудовых подвигах, люди, что совершали эти подвиги и переступали за пределы тогдашних норм, многим казались богатырями. Причину побед искали в их исключительной физической силе, в особой, недоступной другим сноровке. Но ничего исключительного, невозможного для других в этих победах не заключалось,— была великая осознанная радость раскрепощения своих сил.

Стахановское движение, возникшее на базе новой техники, открыло новый, более высокий этап социалистического соревнования. Стахановцы, как сказал товарищ Сталин, «полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед».

И вот нынешний этап этого движения выражен в «молнии», вывешенной в цехе «Красного пролетария».

На этом этапе труд передового рабочего неразрывно связан с творчеством.

Упомянутый в «молнии» строгальщик Сычев сказал:

— Теперь одними руками не обойдешься, головой работать надо...

Стахановец сегодня двигает технику вперед не только темпами своего труда: он совершенствует ее, соучаствуя в работе инженеров, изменяя технологические процессы и придумывая новые, удобные ему, облегчающие и ускоряющие труд приспособления. И в этом проявляется одна из очевидных и важных примет близости торжества коммунизма: стирание граней между физическим и умственным трудом.

Рядом с «молнией» в 1-м механическом цехе висит еще одна доска с крупной надписью вверху:

«Работа наших изобретателей».

Здесь рассказано, что за двенадцать месяцев рабочие этого цеха внесли 321 рационализаторское предложение. 215 из них уже внедрены в производство. Они принесли экономию в 424 тысячи рублей. Некоторые предложения изложены здесь же и сопровождаются чертежами.

Вот одно из них:

Токари увеличивали скорости резания. Однако конструкция привода на тех станках, которыми оборудован цех, ограничивала развитие этих новых скоростей. Тогда токарь Кузнецов установил на станке двухступенчатую передачу. Благодаря этому теперь можно значительно ускорять ход ползуна и работать на повышенных скоростях.

Читаем дальше:

Заточник тов. Нефедов разработал новую технологию обработки резцов — экономия 4 тысячи рублей.

Рассказано здесь и о том, как один из инициаторов и передовиков скоростного резания, лауреат Сталинской премии токарь А. Н. Марков, работающий в 1-м цехе, использовал упор токарного станка для обточки деталей большого диаметра.

Таких предложений перечислено на доске много. А директор завода А. И. Воробьев вспомнил и о следующем эпизоде.

Нужно было ставить на серийное производство новый станок. Все было разработано. Не давалось лишь одно: рабочий ход у станка был нормальный, но при холостом ходе, когда вал возвращался в исходное положение, он цеплялся за зубцы. На так называемых «щечках» обрабатываемого вала оставались царапины. Дефект этот следовало устранить во что бы то ни стало.

— Долго бились,— вспоминает директор.— Работали, спорили. А выход нашел рабочий — слесарь Крюков из второго сборочного.

Выход этот оказался простым, он был подсказан Крюкову его практическим опытом.

— Когда вал идет обратно,— спросил Крюков,— мне же не нужно, чтобы он вращался?

Не нужно! Остановим его в таком положении, когда зубцы не царапают,— и пошел!..

Так и сделали. Принцип простой, а новый. Когда конструкторы начинают создавать новую модель станка, они с первых этапов конструирования привлекают к сотрудничеству и к консультации людей, которым предстоит на этом станке работать.

В то время, когда в сборочных из разрозненных узлов один за другим собираются уже известные и проверенные станки, в дальнем конце заводского двора, в тихом и строгом цехе-лаборатории проходит испытание другая, новая модель. Она знаменует собою завтрашний день промышленности, с его почти непостижимыми сегодня скоростями обработки металла.

Еще когда эта модель была выполнена в дереве, в цех-лабораторию приходили скоростники «Красного пролетария» — А. Н. Марков, Н. В. Угольков. Пригласили с другого завода и лауреата Сталинской премии токаря П. Б. Быкова. Из Ленинграда специально приехал Г. С. Борткевич.

Они осмотрели модель, выслушали инженеров и рассказали конструкторам о своих пожеланиях. Каждый из них сделал конкретные критические замечания. Их учли. Появилась на свет новая модель, выполненная уже в металле, оснащенная умными приборами. И тогда вновь сошлись скоростники. Они опробовали модель сами и вновь заметили еще не устраненные дефекты.

Теперь испытания станка приходят к концу.

Он стоит в лаборатории, нарядно окрашенный. Легкое нажатие кнопки приводит его в действие. Все управление осуществляется одной рукояткой. На станке есть электроглаз, который позволяет автоматически копировать любые, самые сложные фигурные детали. Автоматическая сигнализация сообщает рабочему о «самочувствии» станка во время работы. Токарю остается делать минимум движений — следить лишь за ходом станка. Рабочий превращается в капитана, который с мостика наблюдает за движением корабля.

Строгая тишина и чистота цеха-лаборатории — это, вероятно, прообраз завтрашних заводских цехов.

И рабочие, которые заняты здесь, тоже помогают понять, как социалистический труд изменяет технику, а новая техника, в свою очередь, изменяет связанных с нею людей.

В лаборатории работают универсалы — люди большого опыта и точного знания. Слесарь-наладчик Демидов и токарь-наладчик Абанкин помогли конструкторам изменить схему коробки подач в новом станке. Станочник - универсал, парторг цеха-лаборатории Кузьма Федорович Белов участвовал во всех испытаниях и в очень большой мере помог сделать новый станок таким, каков он теперь есть.

Кузьма Белов принадлежит к числу старых кадровиков завода. Его выдвинули на другую работу. Он успешно справлялся с ней, но затосковал: потянуло обратно к станку, и он возвратился в цех.

Это один из тех, о ком рассказывал директор:

— Работает сам, потом приводит сына. Проходит год — другой, на заводе появляется еще один сын кадровика. Потом смотришь — опять отец в директорском кабинете: «Принимай, Аркадий Иванович, и дочку. Институт окончила. Инженер!..»

Если раньше, случалось, завод называли «университетом», то имели в виду университет житейской практики, трудовую школу, которую проходили здесь рабочие. Теперь для всех, кто к этому стремится, завод становится университетом вовсе не в фигуральном смысле. В школах взрослых при заводе, на всевозможных вечерних курсах, в заочных вузах учится огромное количество людей.

На «Красном пролетарии» восемнадцать лауреатов Сталинской премии; из них трое рабочих, а остальные конструкторы, технологи и механики. Из них многие тоже были в свое время рабочими.

Вот благодаря чему сочетание букв «ДИП» стало расшифровываться иначе: «догнали и перегнали».

Мы не только перегнали технику капитализма, но и ушли вперед, на недоступные ей высоты, потому что рабский, подневольный труд в буржуазных странах неспособен на творческие взлеты, которые возможны лишь в свободном, вдохновенном, созидательном труде, устремленном к достижению всеобщего счастья.

Чтобы понять это, стоит вспомнить мрачные утопии буржуазной литературы. Лет пятнадцать тому назад английский писатель Олдос Хаксли написал роман с ироническим названием «Храбрый новый мир», в котором он попытался изобразить, куда придет капиталистический мир, увлеченный фордовскими теориями организации производства. Действие этой книги происходит в двадцать втором веке. Землю населяют люди, выведенные искусственно, в особых инкубаторах. Выпуск производится серийно и по потребности. Каждая серия обозначена буквой греческого алфавита и подготовлена для выполнения своих особых задач. Серия «альфа» выпускается в самом ограниченном количестве. Это мыслящие люди, и они не особенно нужны обществу, в котором библией стала книга Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения». Рабочие обозначены маркой «дельта-минус». Они производятся в наибольшем числе. Их кровь еще в инкубаторе отравлена алкоголем, а мыслительных способностей они лишены вовсе. Это уроды-автоматы. Они живут в казармах, и общение с ними высшим кастам запрещено.

Картина отвратительная. Автомат-рабочий — это мечта капиталиста-промышленника, точно так же, как автоматический солдат — мечта тех, кто затевает новую мировую войну.

Подлинный прообраз будущего, притом близкого мира можно увидеть не в буржуазных литературных бреднях, а в Стране Советов, в цехах наших заводов, на колхозных полях, в научных лабораториях.

Стремление к новым скоростям, осуществляемое во всеобщем творческом труде,— это стремление к скорейшему торжеству коммунизма.

Обращаясь к стахановцам в ноябре 1935 года, Иосиф Виссарионович Сталин говорил:

«Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства».

А дальше, в той же памятной, исторической речи товарищ Сталин сказал:

«Некоторые думают, что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения работников умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда, до уровня средне-квалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать о коммунизме только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда».

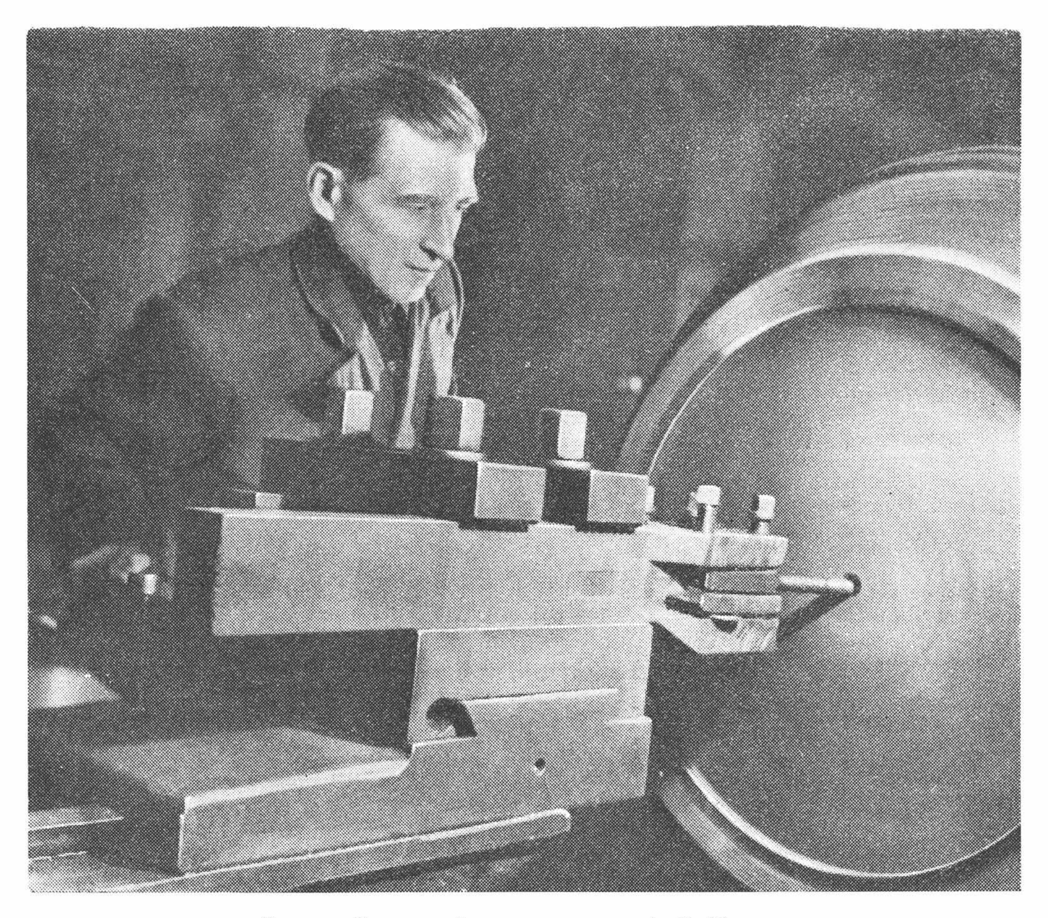
В цехах любого завода, точно так же, как в цехах «Красного пролетария», мы видим, как осуществляются эти замечательные слова, какую буйную поросль дают семена великого сталинского посева.

Потому и стали возможными такие победы, как та, например, которая отражена в письме рабочих, работниц, мастеров, инженеров, техников и служащих Москвы Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу И. В. Сталину.

Уже в апреле 1949 года промышленность Москвы по большинству важнейших видов промышленной продукции достигла среднемесячного уровня производства, запланированного на 1950 год — последний год пятилетки.

«Каждый из нас,— говорится в письме, — глубоко сознает, что послевоенный пятилетний план — это составная часть начертанной Вами величественной программы построения коммунистического общества в нашей стране. И поэтому все мы преисполнены постоянной заботы о досрочном выполнении пятилетки, о дальнейшем подъеме промышленности, о расцвете всего народного хозяйства, неуклонном росте экономического могущества Советской Отчизны. Для этого мы не жалеем ни сил, ни труда».

Участие рабочих «Красного пролетария» в работе конструкторов, доклады стахановцев перед академиками, точное знание, которое теперь приходит на смену случайным находкам рабочей смекалки, — все это отдельные узлы, из множества которых в огромном творческом потоке, разлившемся по всей нашей Родине, собирается великолепное здание всеобщего счастья — здание коммунизма.

Лауреат Сталинской премии токарь А. Н. Марков. Фото М. Савина

Старший из трёх

М. ИЛЬИН

Рисунки О. Верейского

1. ЦЕЛЬ И ПРИЧИНА

В зале Сельскохозяйственного музея было шумно. Но все разговоры мгновенно смолкли, когда профессор Лесного института и Петербургского университета Павел Андреевич Костычев поднялся на кафедру и начал свою первую лекцию.

Это было в начале девяностых годов прошлого столетия, когда небывалая засуха опустошила весь черноземный край и обрекла на голод и разорение миллионы крестьян. О неурожае говорилось и писалось тогда немало. Но чаще всего это были разговоры только о причинах бедствия, а не о том, как его устранить. Бедствие казалось неустранимым.

Одни говорили, что в засухе повинны пятна на солнце. А так как солнце не в нашей власти, то и с засухой ничего нельзя поделать.

Другие обвиняли во всем климат: неурожайные годы участились оттого, что климат черноземной полосы делается все суше и суше. Чтобы устранить причину неурожаев, надо было бы изменить климат. А так как это невозможно, то остается примириться с тем, что России очень часто или даже постоянно будет нехватать хлеба.

Такими рассуждениями были полны столбцы тогдашних газет. И людям, читавшим это, невольно приходил в голову вопрос: «Неужели наука не знает никаких средств против засухи?»

На этот волновавший всех вопрос и должен был ответить в своих лекциях профессор Костычев.

И в первых же словах, с которыми он обратился к слушателям в Сельскохозяйственном музее, звучала спокойная уверенность в том, что будущее совсем не так мрачно, как это кажется многим.

— Климат, — сказал Костычев, — считают главной и иногда даже единственной причиною наших неурожаев. Если бы это было справедливо, то мы находились бы в положении совершенно безвыходном... К счастью, положение наше не так бедственно...

И чтобы подкрепить свое мнение доказательствами, Костычев указал слушателям на одну из таблиц, которые висели на стене рядом с кафедрой.

На таблице было написано:

«Петербург. Зима. Весна. Лето. Осень. Год».

И дальше стояли цифры, которые говорили, сколько в Петербурге выпадает осадков в разные времена года.

А под этими цифрами стояли другие, показывающие, как обстоит дело с дождями и снегом в Воронеже.

Слушателям было понятно, почему на таблице даны цифры осадков в Воронеже: ведь Воронеж находится в черноземной полосе, как раз там, где так часто свирепствует засуха.

Но при чем тут Петербург? Даже и не глядя на таблицу, каждый сказал бы, что в Петербурге климат более сырой, чем в Воронеже.

Однако что за странность? Цифры говорили, что в Воронеже осадков выпадает за год гораздо больше, чем в Петербурге.

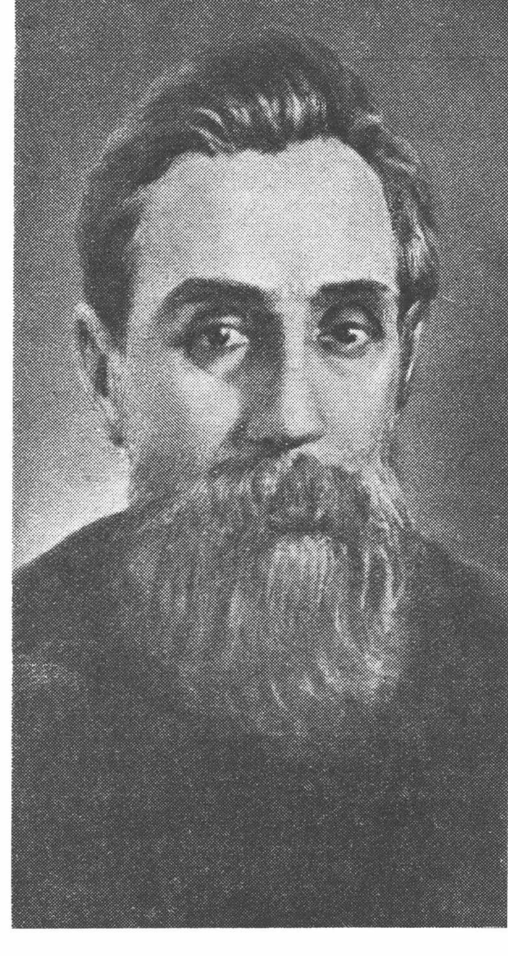
Если бы все дело было в климате, Петербургская губерния должна была бы страдать от засухи чаще, чем Воронежская. А на деле происходит обратное.

Отчего же в Воронеже, несмотря на большое количество дождей, неурожаи случаются гораздо чаще, чем в Петербурге?

Оттого, что в Петербурге совсем другая почва.

Слушатели еще не успели оправиться от изумления, как лектор снова поставил их перед, казалось бы, неразрешимой загадкой. Он указал им на вторую таблицу осадков. Здесь Воронеж сопоставлен был уже не с Петербургом, а с двумя другими городами: Ставрополем и Троицком.

В Ставрополе дождевой воды выпадает в полтора раза больше, чем в Воронеже, и в два с лишним раза больше, чем в Троицке. Казалось бы, растительность в этих трех местах должна быть совершенно различная.

Павел Андреевич Костычев.

А на деле, если посмотреть на непаханную степь во всех этих трех местах, то окажется, что она там совершенно одинаковая. Клочок Троицкой степи, перенесенный в окрестности Ставрополя, ничем не нарушил бы обычного вида ставропольских степей.

Отчего же это так?

И Костычев снова дает слушателям ясное и простое объяснение тому, что с первого взгляда показалось им непонятным:

— Есть только одно, в чем они — эти степи — вполне сходны: везде в этих местах находится одна и та же черноземная почва.

Значит, почва для растений важнее, чем климат, важнее, чем количество выпадающей дождевой воды. А почва в нашей власти. Мы не можем заставить дожди идти чаще. Но почву мы можем возделывать так, чтобы она больше накопляла и лучше сохраняла влагу.

Причина засухи не в том, что черноземному краю мало достается воды, а в том, что чернозем не удерживает всю эту воду для себя, а отдает ее обратно воздушному и водному океану...

Профессор Костычев заканчивает свою первую лекцию. Он установил подлинную причину засухи. А знать причину бедствия — это уже не так мало, когда хочешь это бедствие одолеть.

И профессор Костычев ясными и точными словами намечает три цели, которые земледелец должен поставить перед собой, чтобы победить засуху.

Первая цель — еще зимой заботиться о том, чтобы почва запасала как можно больше снеговой воды.

Вторая цель — так обрабатывать поля, чтобы по возможности вся снеговая и дождевая вода проникала в почву, а не стекала по верху.

Третья цель — мешать движению воды снизу вверх по волосным ходам, чтобы почва как можно меньше высыхала...

Профессор сошел с кафедры. Слушатели расходятся, разговаривая о том, что они услышали. Одним кажется, что профессор Костычев нашел правильный путь к победе над засухой. Другие с сомнением пожимают плечами.

— Интересно будет узнать,— говорят сомневающиеся,— какими же это способами собирается профессор Костычев осуществить свои три цели. Он хочет, чтобы вся или почти вся вода оставалась в почве. Конечно, в лаборатории можно любой опыт поставить: там с образцами почв все что угодно можно сделать. А как переделать почвы целого края, всего юга страны? Это, пожалуй, не легче, чем изменить климат...

Такие возражения многим представлялись справедливыми. У каждого, кто бывал в степи, возникал в памяти безбрежный простор, среди которого человек кажется таким маленьким.

Под силу ли человеку переделать степь, вмешаться в то, что происходит с каждым тающим сугробом снега, с каждой струйкой, бегущей по склону, с каждой каплей, пробирающейся из глубины наверх по извилистому, тонкому, как волос, ходу?

2. ВЕСЕННИЙ ПИР

Русские сказки часто кончаются присказкой:

И я там был,
Мед-пиво пил,
По усам текло,
А в рот не попало.

Степь часто оказывалась таким обойденным гостем на весеннем пиру природы.

Сколько питья запасала хозяйка-природа еще с зимы! Одного снегу было так много, что и степь могла бы вдоволь напиться и рекам досталось бы вволю.

Но наступала весна, и оказывалось, что на пиру, кроме степи и рек, есть еще и другие гости.

Вольный ветер являлся издалека, с юга, и принимался жадно пить воду, которая припасена была совсем не для него. Ветру помогало солнце. Они вдвоем быстро осушали широкую чашу.

А тут еще и дно у этой чаши было дырявое. Каждый овраг тянул, сосал воду из земли. Бурные ручьи мчались по оврагам и торопились напоить водой реки.

Рекам доставалось питья больше, чем следовало. И, словно пьяный на пиру, реки принимались буянить. Они сносили мосты, прорывали плотины, совершали набеги на села и города.

А степь и напиться-то как следует не успевала. На полях корни злаков старались перехватить и для себя хоть немного влаги. Но им доставались только немногие капли.

По усам текло,
А в рот не попало.

Так бывало из года в год. И вот люди призадумались: а как бы нам пересесть на хозяйское место, чтобы не природа хозяйничала за столом, а мы. Ведь в самом-то деле, на что это годится: люди пашут, люди сеют, а когда наступает время садиться за стол, так и есть нечего! Нет, довольно природе всем распоряжаться в степи. Пора нам, людям, сказать: мы здесь хозяева.

Профессор Костычев не говорил этого в своих лекциях. Но смысл того, что он говорил, был именно таков. Недаром он дал своим лекциям боевое название: «О борьбе с засухой».

В наши дни мысль о подчинении природы человеку никому не кажется слишком смелой. Но в те времена, когда засуха из года в год безнаказанно губила урожай, только очень немногие осмеливались думать так, как Костычев: мы ее одолеем!

И эта уверенность основана была не на одних только рассуждениях, а на огромном опыте, на точных фактах и наблюдениях.

Бывали ученые, которые изучали сельское хозяйство, не выходя из лаборатории. Профессор Костычев был не из их числа.

3. ПОСРЕДИ СТЕПЕЙ

Каждый, знавший его, легко мог представить себе профессора Костычева не на кафедре и не за лабораторным столом, а в бричке, посреди степи. Только что прошел сильный ливень с грозой. Колеса брички вязнут в размокшем черноземе. Лошади выбиваются из сил. А тут еще овраги, которые утром были совершенно сухими, превратились в бурные потоки, словно во время весеннего разлива. Приходится возвращаться домой по другой дороге, кружить по степи, объезжать неожиданно возникшие водные преграды.

День уже склоняется к вечеру. Ямщик хлещет лошадей по мокрым бокам. Но седок велит вдруг остановиться. Он выходит из брички. В руках у него лопатка, которую он возит

с собой. Ямщик уже знает: опять будет в поле яму копать. И на что это ему нужно?

А профессор, выкопав неглубокую яму, нагибается, берет на ладонь землю.

«Да, так и есть,— думает он.— Дождь промочил почву только сверху. Сколько воды выпало! И почти вся она ушла в овраги».

Профессор вытирает лопатку и руки о траву и снова взбирается в накренившуюся на бок бричку. Усталые лошади с трудом вытаскивают колеса из колеи.

И вот наконец перед тройкой раскрываются со скрипом ворота помещичьей усадьбы.

В домике управляющего имением профессора поят чаем, угощают деревенскими вареньями и наливками. Но профессор и здесь, на отдыхе, не забывает о том главном, для чего он ездит по степи. Он расспрашивает о видах на урожай, о почвах, о том, где лучше и где хуже родится хлеб...

В своих поездках по степи ему случается останавливаться и в крестьянских избах. Начинается разговор. И с первых же слов крестьянам становится ясно, что их гость хоть и одет по-городскому, да не из тех господ, которые знают о земле только понаслышке или из книжек. А гость внимательно слушает хозяев. У этих бородатых, загорелых от степного солнца людей есть о чем порассказать. У них за плечами не только их собственный опыт, но и опыт многих поколений земледельцев.

У народа зоркие глаза, он умеет наблюдать. Правда, из этих наблюдений не всегда делаются верные выводы. Но Костычев на то и учился, чтобы уметь делать правильные выводы из правильно подмеченных фактов.

Отдохнув, гость просит хозяев показать ему посевы.

— Вот здесь,— говорят ему крестьяне,— урожай будет хороший. На то примета есть — тут будяк растет. А будяк всегда растет там, где земля получше.

Костычев слушает и делает свои выводы. Не оттого тут будяк растет, что земля лучше. А, наоборот, земля стала тут лучше оттого, что будяк на ней вырос. У будяка высокие, крепкие стебли. Зимой эти стебли торчат над землей, собирают вокруг себя снег. Ведь иной раз и клочка травы бывает довольно, чтобы образовался сугроб. Ну, а где зимой снега больше, там и почва весной влажнее. Значит, и урожай выше. Наблюдение крестьяне сделали правильное, да только не сумели дойти до правильного вывода.

В другом месте Костычеву рассказывают о том, что в засуху вот это озимое поле дало девяносто пудов хлеба с десятины, а рядом, на соседних полях не собрали и того, что посеяли.

Костычев ходит по полю, смотрит: чем это счастливое поле отличается от других? Оно с трех сторон окружено лесом. В этом-то и все дело. Лес не давал ветру разгуляться, мешал ему сдувать с земли снег...

Из года в год изучает Костычев почву и в лаборатории и на просторе степей. Исследование чернозема для него — не самоцель. Он подбирает оружие для борьбы с засухой, для борьбы со всеми ворами и грабителями, которые отнимают у полей воду.

Ветру не скажешь: угомонись, перестань сметать с поля снег. Но можно сделать другое: поставить на пути у ветра живые изгороди, стебли кукурузы и подсолнуха. И ветер, наткнувшись на преграду, будет ронять добычу.

Талую воду не удержишь, когда она уже несется по склону в овраг. Но можно еще зимой пропахать снег поперек склона, собрать его в длинные гребни. Эти гребни и борозды между ними будут и снег задерживать на поле и воде не дадут весной сбежать по склону.

Почве не прикажешь: лови воду, впитывай ее, не давай ей уходить. Но можно так построить почву, чтобы вода сама в нее шла. Ведь вот же целина, распаханная в первый раз, не боится засухи.

Чем эта новь, эта в первый раз вспаханная степь, отличается от такой, которую пахали и боронили много раз? Тем, что почва на ней лучше построена. Она вся распадается при пахоте на мелкие комочки — с горох или орешину величиной. Эти комочки держатся, как бусы, на корнях трав. Такая комковатая почва лучше запасает и хранит влагу, чем та, которая уже вся обратилась в порошок. Вода легко проходит в нее сквозь щели между комочками.

А почва, обратившаяся в порошок, слипается от дождя, покрывается твердой коркой. И вода стекает по этой корке, не задерживаясь.

Чтобы почва лучше запасала воду, она должна быть комковатой, такой, как новь. А для этого надо на ней время от времени сеять многолетние травы, создавать новь искусственно.

Но вот вода укрыта в надежных подземных убежищах, в почве, построенной из комков. Надо теперь помешать воде подняться наверх по волосным ходам и улететь паром с порывами ветра.

Как это сделать?

Костычев находит решение и этой задачи.

Вода идет вверх по волосным ходам, как керосин по фитилю. Если подрезать фитиль, керосин не сможет добраться до горелки, и лампа погаснет, а расход керосина прекратится. Точно так же надо поступить и с почвой: подрезать ее каким-нибудь орудием на некоторой глубине, сделать верхний слой рыхлым. Тогда верхний слой не сможет сосать воду из нижнего: ведь те тоненькие, как волос, скважины, по которым шла вода, не будут больше соединяться с такими же скважинами нижнего слоя.

Значит, вот как можно помешать воде уходить из почвы в воздух: еще с осени отделить верхний слой от нижнего, разрыхлив его каким-нибудь орудием: гвоздевкой, волокушей, бороной.

Вода укрыта в своем убежище. Но можно ли на этом успокоиться? Нет, есть воры, которые способны пробраться и туда, в подземные кладовые. Эти воры — сорные травы. Своими

длинными, жадными корнями они пронизывают почву и крадут воду, которая припасена не для них.

Борясь с засухой, надо не забывать и о сорняках. Недаром говорит старая поговорка: «Сорную траву с поля вон!»

4. ВРАГИ-СОЮЗНИКИ

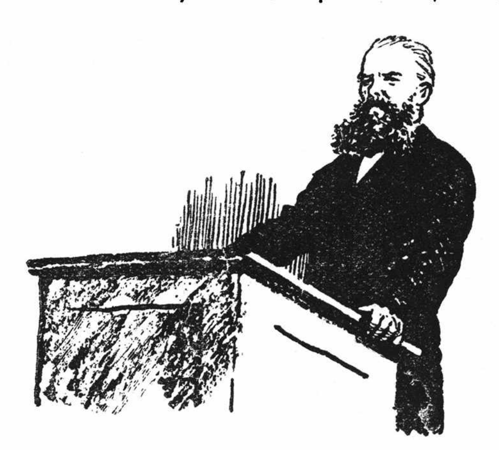
В то самое время, как Костычев подбирал оружие для борьбы с засухой, был в России и другой замечательный ученый, который тоже думал о том, отчего засуха все чаще приходит в степь и как положить конец ее набегам.

Этого ученого звали Василий Васильевич Докучаев. Он был профессором Петербургского университета. И ему нередко приходилось на заседаниях научных обществ вступать в споры с профессором Костычевым. Если после выступления Костычева поднимался с места Докучаев, все знали: сейчас будет жаркая схватка.

Этот спор начался давно — еще тогда, когда Докучаев защищал свою докторскую диссертацию о русском черноземе.

Докучаев доказывал, что в образовании чернозема из материнской породы участвует вся окружающая природа, что тут много значат климат, рельеф местности, возраст страны, мир растений и животных.

Костычев выступил тогда против Докучаева,

отстаивая укоренившееся в науке представление о том, что почва не зависит от широты места, а значит, и от климата.

Из этого первого спора победителем вышел младший из противников — Докучаев. Но бывало и так, что ему приходилось признавать правоту Костычева, который лучше знал нужды русского земледелия.

Костычев часто упрекал Докучаева в том, что его исследования слишком академичны, что он «теоретически желаемое» предпочитает «практически осуществимому».

Но вот нагрянула беда. Небывалая засуха опустошила весь юг страны. И вечные противники — Костычев и Докучаев — почти одновременно выступили с одним и тем же призывом: раз навсегда покончить с причинами, которые вызывают засуху. Перед лицом общего врага разногласия были забыты.

Давно ли Костычев упрекал Докучаева в том, что его исследования слишком далеки от жизни, от нужд русского земледелия?

А теперь Костычев, выступая в Сельскохозяйственном музее, ссылается в подтверждение своих практических выводов на теоретические исследования Докучаева.

Они делают одно общее дело, но и тут сказывается несходство их взглядов.

Костычев обращается к каждому, кто имеет дело с землей, и говорит:

— Вот способы борьбы с засухой, указанные практикой и подтвержденные наукой. Вы до сих пор не знали этих способов и потому блуждали в потемках. Но если бы все, что я рассказал, было известно всем нашим хозяевам — крупным и мелким,— то положение нашего земледелия и земледельца было бы лучше, чем теперь.

Докучаев смотрит на дело шире. Он знает, как мало может сделать в борьбе со стихией каждый отдельный человек, будь то крупный или мелкий хозяин. Почва, говорит он,— это часть великого целого, часть единой и нераздельной природы, где все связано. Мы изучаем порознь почву, климат, реки, раститель-

ный и животный мир. А в жизни одно зависит от другого.

Нельзя победить засуху, забывая об этой великой связи вещей. Надо перестраивать не одну только почву, а всю географию страны. А такая перестройка под силу только самому большому из всех хозяев — государству.

Это было ясно Докучаеву еще в те времена. Но могло ли государство, охранявшее интересы немногих, позаботиться об интересах всех?

Самый умный и добросовестный из чиновников такого государства не мог бы устранить зло, которое коренилось в самом строе.

Это лучше всего доказывала судьба Костычева.

5. ПОВЕСТЬ И ЭПИЛОГ

Необычен был жизненный путь Костычева. Люди, близко знавшие его, рассказывали, что он был родом из крепостных крестьян Шацкого уезда, Тамбовской губернии. Помещица обратила внимание на способного мальчика и послала его учиться в Московскую земледельческую школу, готовившую «ученых управителей». Нельзя сказать, чтобы агрономы были так уж нужны в крепостных поместьях. Случалось, что «ученому управителю», с отличием окончившему земледельческую школу, приходилось по возвращении домой прислуживать с салфеткой в руках за господским столом.

Но Костычеву повезло. К тому времени, когда он окончил школу, крепостное право было

уже отменено. Ему удалось сдать экзамен за гимназию и поступить в Петербургский земледельческий институт.

Скоро трудолюбивый и способный студент стал одним из любимых учеников известного химика профессора Энгельгардта.

В лаборатории Энгельгардта нехватало места для желающих в ней работать.

Делая анализ минеральных удобрений или почвы, присланной откуда-нибудь из пострадавшей от неурожая губернии, студенты толковали о том, наступит ли когда-нибудь время, когда русский народ сумеет покончить с неурожаями, с голодом.

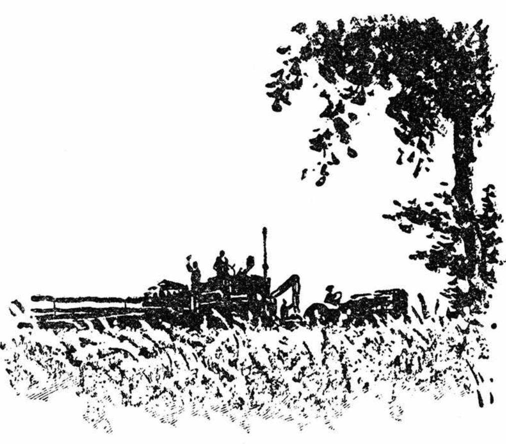
Костычева, сына крестьянина, такие разговоры особенно задевали за живое. Ведь он-то с малых лет знал, что такое крестьянская жизнь и работа.

Часто заходила речь и о том, что у крестьянина, кроме засухи и сорняков, есть и другие враги — в человечьем облике: помещик, становой, кулак-мироед...

Не удивительно, что лаборатория профессора Энгельгардта была на плохом счету у полиции. До властей не раз доходили слухи о том, что профессор-вольнодумец участвует в незаконных студенческих сборищах и произносит перед своими слушателями противоправительственные речи.

Над Энгельгардтом и его учениками собирались тучи...

Между тем занятия шли своим ходом. Студенческие споры и сходки не мешали Костычеву упорно работать, овладевать наукой. Профессор сделал его своим лаборантом. Никто не сомневался, что Костычев будет по окончании курса оставлен при институте для научной и преподавательской работы.

Но тут разразилась гроза, которая давно уже давала знать о своем приближении.

Началось с того, что однажды утром в коридорах института появились на стенах листки, на которых было большими буквами написано:

«ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВУ»

В этом обращении студенты Земледельческого института, Военно-Медицинской академии и Университета с возмущением писали о произволе полиции, о бесправии студентов. В ответ полиция произвела налет на институт... На лестницах и в коридорах загремели сапоги и шашки городовых. Костычева и другого лаборанта, его товарища, арестовали и увезли в тюрьму. Через некоторое время арестовали и Энгельгардта.

В лаборатории на столе Костычева покрывались пылью приборы, собранные им для опытов. Не скоро привелось ему возобновить работу за этим столом. Когда он вышел из тюрьмы, оказалось, что путь в науку для него закрыт, если не навсегда, то надолго. Оставалось только одно — поступить на службу. Потянулись серые дни. Каждое утро Костычев отправлялся в Пробирную палату, где ему приходилось заниматься скучным и однообразным делом: определением пробы золотых и серебряных изделий. Только через три года после ареста удалось ему вернуться в институт и взяться за любимое дело—исследование почв.

С тех пор Костычев уже не прерывал научной работы. Он ездил по стране, изучая почвы и способы обработки земли. Он написал много статей и книг, стал магистром сельского хозяйства, профессором, членом научных обществ и даже, под конец своей жизни, директором департамента земледелия.

В наши дни никто не удивляется, читая в биографии профессора, академика, государственного деятеля: «Родился в семье колхозника» — или: «Родился в семье рабочего». В Советской стране это в порядке вещей.

А в царской России было редчайшим исключением то, что сыну крепостного крестьянина удалось стать не только профессором, но и директором департамента.

Казалось бы, тут-то и начать ему борьбу с неурожаем по всем правилам сельскохозяйственной науки.

Но Костычев должен был сразу же почувствовать, что он руководитель русского земледелия только по имени, а не на деле.

Разве в его власти было заставить помещиков обращаться с землей так, как этого требовали расчеты? Разве он мог заставить крестьянина-бедняка покупать усовершенствованные плуги и минеральные удобрения, когда этот крестьянин знал только одну заботу: как бы с голоду не помереть?

Костычев мечтал о том, чтобы «свет знания дан был по возможности всем нашим хозяйствам, крупным и мелким». Он занимался устройством земледельческих школ, опытных станций и полей. Это было полезным делом. Но могли ли эти несколько станций и школ остановить грозное наступление засухи на весь юг страны?

Судьба Костычева казалась завидной тем из его сослуживцев-чиновников, которые выше всего ставили положение на служебной лестнице. Директор департамента занимал одну из верхних ступеней этой лестницы. Но какие горькие чувства должен был испытывать этот сын землепашца, этот бывший бунтарь, когда он думал о том, как мало он может сделать для русского земледелия!

Нам в 1949 году легче дать оценку тому, что сделал Костычев. Кто не знает у нас три имени: Костычев, Докучаев, Вильямс? Костычев был старшим из этих трех богатырей науки.

Учение Докучаева — Костычева — Вильямса стало в социалистической стране не только достоянием миллионов земледельцев, но и руководством в борьбе за высокий и устойчивый урожай. Это учение легло в основу того сталинского плана преобразования природы, осуществление которого даст нам окончательную победу над засухой.

Когда колхозники засевают землю многолетними травами, или задерживают на полях снег, или разрыхляют почву волокушей, чтобы укрыть от испарения влагу, они, эти колхозники, делают то, чему научил их Костычев.

Необычайна была судьба Костычева. Если бы такую повесть сочинил писатель, она казалась бы неправдоподобной. Но еще необычнее эпилог, который рука истории дописала только сейчас, через полвека после смерти этого замечательного русского ученого.

В. Н. Яковлев

На всем протяжении своего творческого пути известный советский художник Василий Николаевич Яковлев — страстный поборник реалистического искусства.

Яковлев работает в самых различных жанрах. Он и мастер сложной композиционной картины, и портретист, и любитель натюрморта, и интересный пейзажист, как это показали его последние подмосковные пейзажи.

Широко популярны его картины «И. В. Сталин на выпуске слушателей Военной академии», «Старатели пишут письмо творцу Сталинской Конституции», «Голова партизана», «Портрет Героя Советского Союза В. Н. Яковлева», «Бой в Сальских степях», «Бой под слободой Стрелецкой» и многие другие.

В последние годы художник обращается к тематике труда советских людей. О рыболовецком колхозе рассказывает его «Весенняя путина» (1946 г.), артельному животноводству посвящено полотно «Колхозное стадо» (1948 г.).

Картина «Колхозное стадо» — ценный вклад художника в развитие советского изобразительного искусства. За создание этого произведения В. Н. Яковлев удостоен Сталинской премии.

Это полотно славит зажиточную жизнь советской деревни. Полдень. Низко, у самого горизонта, скопились предгрозовые кучевые облака, отражаясь в зеркальной глади реки. На сочной пойме, у самой воды расположилось тучное колхозное стадо. Поблескивают лоснящейся шерстью молочные ярославки. Жарко. Словно слышишь в горячем, недвижном воздухе, пронизанном запахом земли и молока, назойливое жужжанье оводов, от которых лениво отмахиваются коровы. Колхозницы с полными ведрами парного молока идут сливать его в бидоны.

В картине все говорит о новом, советском отношении к сельскому хозяйству. Это наше сегодня. Это славный труд советских колхозников, вдохновивший художника на создание эпического произведения.

В. Н. Яковлев

КОЛХОЗНОЕ СТАДО.

«Огонек» 1949.

СТАРИК

Рассказ

С. ШАТРОВ

Рисунки Г. Балашова

Они сидели на бочке из-под солидола. Невдалеке, на поле, расчерченном синими линиями арыков, фыркал трактор.

— Отец, я хотел поговорить с тобой!

Старик не ответил. Он наблюдал за птицами. Стайка грачей неотступно следовала за тяжелой машиной. Выклевав червей из только что поднятой, дышащей испарениями земли, они взлетали, чтобы через секунду — другую снова опуститься на свежую борозду. Грачи насыщались молча и споро.

Старик рассмеялся:

— Приноровились! Понимают!

— Отец, я решил уехать отсюда!

Абдулла Хакимов удивленно поднял глаза на сына:

— Куда уехать?

— В Мирзачуль, в Голодную степь.

— Зачем?

— Работать.

Старый Абдулла подергал мочку уха. Жест этот обозначал у него крайнюю степень изумления.

— Разве ты ходишь без дела?

— Нет.

— Тебе здесь плохо?

— Хорошо.

— Кто-нибудь тебя обидел, Хафиз?

— Никто.

— Ты болен, мой сын, — заключил Абдулла, слезая с бочки.

Они пошли в кишлак по дороге, обсаженной молодым урюком. Горячее солнце Ферганы только начинало свой путь. От неразогревшейся еще земли, от арыков, садов и виноградника тянуло утренней свежестью. Они миновали хлопковые сараи, двухкамнезую мельницу, сушилку, новенькое, с иголочки, здание колхозной гидростанции. Поровнявшись с бригадными яслями, откуда доносился щебет детворы, Абдулла Хакимов сказал:

— Жену с собой возьмешь?

— Возьму.

— Мирзачуль, Голодная степь, — забормотал старик. — Какая муха тебя укусила?

Хафиз молчал. Он украдкой взглянул на отца. Сильно сдал старик за годы войны. Обрюзг, резче обозначились морщины у носа и глаз, и ходит он совсем иначе — мелкими, птичьими шажками. Хафиз вздохнул. Хороший у него отец. Ясный ум, открытое сердце труженика! Жалко его оставлять. Тяжело! Как это попонятней объяснить старику, что в Голодную степь зовет его, Хафиза, долг комсомольца.

Они вошли во двор. Рыжий кобель, дремавший на солнцепеке, бросился к ним, истово выражая собачью преданность. Старик толкнул пса коленом и просеменил в дом.

— Какая муха тебя укусила? — повторил он, снимая глубокие галоши, надетые на шерстяные носки домашней вязки.

— В пустыне нужны люди, отец.

— Работники везде нужны.

— Но там больше, чем здесь!

Старый Абдулла покосился на сына. Как это легко у них, молодых, получается! Бросить отца, мать, братьев и уехать на новые земли. Хоть бы поссорились. А то ведь жили дружно, в пример всему колхозу. Старик обиженно хмыкнул. Дети, дети!..

— Я поеду не один, — донесся до него голос сына. — Послушай, отец, что пишут об этом в газете.

Старик не слушал. Дети, дети... В годы войны осиротел его дом. Война разбросала его сыновей. В письмах, прибывавших издалека, не были обозначены ни города, ни кишлаки. Одни номера... Номера полевой почты. Но разве хоть единое слово жалобы издали его уста? Разве не он сердился на старуху, когда она бессонной ночью терзалась слезами и страхами? Сыновья на войне — где же им еще быть. Кому, как не им, защищать колхозную жизнь? Но теперь... незачем пустеть его дому.

— Мы, комсомольцы и молодежь Андижанской области, — читал Хафиз, — считаем своим долгом включиться в борьбу за дальнейшее освоение новых земель, за превращение Голодной степи в край изобилия...

Старик не слушал.

...Что и говорить, учености у Хафиза хватит на троих. Читает так, что и не уследишь за словами. Старик вспомнил муллу Имама. Покойник взял с него бутыль хлопкового масла, чтобы написать письмо величиной с ладонь. Ну и ловкач! Все тогда думали, что мулла — великой учености человек. Как бы не так! Хафизу он бы и в подметки не годился.

— Мы уверены, что вслед за нами, — читал Хафиз, — на новые земли поедут тысячи отважных и смелых юношей и девушек Узбекистана.

...Хафиз, Хафиз, уедешь ты на пустынные земли Мирзачуля, и, быть может, не доведется увидеть тебя старому Абдулле. Жизнь ведь подходит к концу. Мог бы обождать, пока отец закроет глаза. Да! Не так уж долго пришлось бы ждать!

Старик сдвинул чалму и нахохлился, как птица.

— Ты понял, отец, почему я решил поехать в Голодную степь?

— Понял, понял, иди! — сказал старик, закрывая глаза. — Ничего я не понял! — крикнул он вслед сыну.

Весь день старый Абдулла сидел дома. Сидел на цветастом ватном одеяле и пил кок-чай из треснувшей, скрепленной проволочками пиалы. Чайная посудинка была куплена давно, еще до рождения Хафиза. Старик не заводил новой: он был бережлив и любил говаривать, что и каждая вещь должна служить человеку по возможности долгий срок. Он пил зеленый чай, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Обида, тяжесть предстоящей разлуки сжимали его сердце.

В предвечерний час он вышел из дома. Солнце заходило за сады, и сиреневые тени опаутинили улицу. Он засеменил в правление колхоза. В правлении было пусто. Дежурный, Асам Шадыбеков, учетчик третьей бригады, подобострастно приветствовал знатного садовода.

— Новости, новости, кругом новости, — затараторил Асам.

— Какие еще новости?

— Уезжают Нурмат, Насрулла, Али, Раимжан, уезжает ваш Хафиз!

— Не знаю. Не слыхал! — отрезал старик.

Он недолюбливал Асама. Он давно подозревал, что этот узколицый, щеголеватый, болтливый парень чурается кетменя. Лодырь он!

— Как! — воскликнул Асам. — Вы не знаете! Хафиз переселяется в Мирзачуль! Честное слово!

— Не кричи. Я не глухой.

— Нет, вы и вправду не знали? Шутите, наверно? Ребята уже заявки на вагоны подали. Колхоз из неделимого фонда им скот выделяет! Все об этом только и говорят... Вы, наверно, сердитесь на Хафиза. Да? Но что поделаешь? Посылают!

— Кто посылает?

— Комсомол! Хочешь не хочешь, ехать надо. Дисциплина! Между нами говоря, ничего там нет хорошего. Пустыня! Голое место! Собачья дыра. Хлебнешь горя там — ой-ой! Мне тоже предлагали поехать, — соврал Асам, — но я отказался. Я не комсомолец. Меня не заставишь. Ха-ха-ха!

— Да, тебя не заставишь, — сказал старик.

— Еще бы! Нашли дурака! Кого посылают, пусть тот и едет. Без дураков!

— Лодырь ты, — тихо сказал старик и направился к двери.

Старик провел невеселую ночь. Да, таких не заставишь. Умники! Сидят на колхозной шее. А вот работяга Хафиз поедет. Что и говорить, районные власти дали промашку. Почему не посылают туда бездельников, вроде Асама. Подходящее для них место. Пусть поработают. Нет, он не будет молчать. Он поедет в район, к самому товарищу Кротову...

Утром старик оседлал жирную, застоявшуюся ишачиху и тронулся в путь. В районный центр он прибыл в полдень. В райкоме шло бюро. Старик терпеливо просидел на стуле два часа, думая о своем.

Наконец дверь открылась, из кабинета выползло облако табачного дыма, за ним показался и секретарь.

— О, с приездом! Знатному садоводу почет и уважение! — весело сказал Кротов, пожимая руку старику. — Как здоровье? Как семья?

— Спасибо, здоровье хорошее, — хмуро ответил старик. — Мне с тобой, секретарь, говорить надо.

— Вот как! Важное дело? Что ж, прошу!

Они прошли в кабинет.

Старик сел на краешек стула, отодвинул телефон, мешавший ему видеть Кротова, и без обиняков спросил:

— Зачем посылаете Хафиза?

— Куда? — удивился секретарь.

— В Голодную степь.

— Ах, вот оно что! И он туда же. Не знал.

— Комсомол его посылает...

— Так ли? Не думаю. Переселение в Голодную степь — дело добровольное. Хочешь — поезжай, не хочешь — сиди дома. Понял, отец?

Они помолчали.

— Старик я, — деловито начал Абдулла. — Скоро помирать буду.

— Это еще зачем? Жить надо!

— Нет, помирать буду, — упрямо сказал старик. — Уходят силы... Третьего дня поднял канар — пять пудов — ноги дрожат...

— М-да, — улыбнулся Кротов, — пять пудов я бы, пожалуй, и вовсе не поднял.

— Года два проживу — не больше, — спокойно продолжал старик.— Не спорь. Знаю, что говорю.

— Тебе виднее, отец, — уклончиво заметил Кротов.

— Хочу умереть в родном колхозе, и чтобы вокруг дети были и внуки. Вот что я хочу, секретарь. Прикажи Хафизу не ехать!

— Нет у меня таких прав, чтобы приказать. Посоветовать могу. Дело ведь, повторяю, добровольное. Он сам решил переселиться..

— Сам? — старик обиженно засопел. — Сам?.. Не пойму... Жили дружно... Кругом почет. Зачем ему уезжать, скажи, пожалуйста?

— Как же тебе объяснить, отец?.. Бывал ли ты, старик, в Голодной степи? Нет? Я там немало побродил.

Кротов взял стул и сел напротив старика. Воспоминания зажгли его глаза:

— Эх, и земля! Весной пригреет солнце, выползут из нор черепахи, забегают муравьи, землерои начнут перекапывать почву, и зацветут осочка-ранг и мятлик конгур-баша, и скроется Голодная степь под зеленым ковром. Глядишь — и нет пустыни!

— Овце бы там жировать, — вставил старик.

— Жируют! Жируют отары. Но долго ли? Полоснет майское солнце — выгорят травы, пропадут. Уйдут чабаны, угонят отары. И все живое зароется в землю, затаится до следующей весны. Девять месяцев в году стоит в Мирзачуле великая сушь! Беда!

— Да... Без воды нет жизни, — сказал старик.

— Сушь! Пустыня! Сотни лет ходил вокруг нее узбек-дехканин, глядел и думал: хороша земля, ей бы воду! Как бы ее напоить, чтобы могла родить хлопок да рис и расцвести садами?!

— Помню, старики говорили об этом...

— Узнал о думах дехкан Ленин и приказал провести воду в пустыню.

— Ленин... Владимир Ильич... Великий он был человек, — сказал старик, светло улыбаясь.

— В тысяча девятьсот восемнадцатом году, — продолжал Кротов, — был издан декрет...

— Почитай, — попросил старик, — хочу знать, что писал о воде Ленин.

Кротов открыл сейф, извлек из него папку, нашел декрет «Об организации оросительных работ в Туркестане», аккуратно перепечатанный на машинке, и прочел его от строки до строки.

Старик потер виски под чалмой и сказал, продолжая все так же светло улыбаться:

— Выходит, где бы ни жил дехканин — в Узбекистане ли, Таджикистане или на земле казахов,— Ленин Владимир Ильич знал, о чем он думает?

— Выходит, знал...

— Рассказывай дальше, — попросил старик.

— С тех пор год от года стала получать пустыня все больше воды. А во время войны, по совету Сталина и с его помощью, построили узбеки Фархад. Дала эта станция не только ток, но и много воды.

— Есть вода — нет пустыни, — закивал старик.

— Нет, пустыня еще есть. Много земли, много воды, мало людей. Вот как получается, отец!

Старик молчал. Он видел необозримые массивы тучной земли, покрытой сетью каналов, земли, ждущей не воды, а пахаря! Хорошо попасть молодым в такие края!

— О чем задумался? Что скажешь, отец? — спросил Кротов.

— Скажу: нельзя оставлять землю пустой...

Домой старик приехал затемно. Нехотя пожевал плов, запил его чаем и лег под ватное одеяло. Да, поздно для него пришла советская власть. Ей бы пораньше. Весь его род, словно землерой, копался на жалких клочках байской земли. А где-то, совсем близко, лежала бескрайняя степь и ждала воды и пахаря. Справедливо ли это?.. Теперь уж поздно: ни на что он не годен, разве что приглядывать за садами да лежать под ватным одеялом и ждать, когда согреются ноги, чтобы пришел сон. Что ж, пусть едет Хафиз. А быть может, и ему поехать? Быть может, он проживет еще с десяток лет?..

Старик встал рано, как обычно, раньше всех. Солнце еще не показывалось. Кишлак спал. Абдулла вышел во двор. Рыжий кобель, радостно урча, подкатился к его ногам. Старик потрепал пса за ухо и просеменил в сад. В воздухе носились запахи весны. Деревья стояли голые, с набухшими почками, готовые брызнуть молодой листвой. Старик сел. Хороший сад. Хороший двор. Хороший дом. Каждое дерево посажено им самим. Каждый гвоздь забит его руками. Здесь он родился, здесь и умрет.

Старик собственноручно собирал в дорогу сына. Молодость беспечна. Приедет Хафиз на новые места, а там хвать — того не взял, другого, ходи проси у людей. Чего доброго подумают голодностепские дехкане, что приехал к ним лодырь, который не смог дома нажить и казана. Так долго ли замарать славу родного колхоза? Абдулла ушел в хлопоты. Ездил на базар, пропадал в сельмагах, закупал посуду, утварь, обувь, мануфактуру. Требовал самое лучшее, дорогое и добротное, вгонял в пот продавцов.

— Куда это все дену? — ужасался Хафиз. — Мне и вагона нехватит!

— Молчи! Учен ты учен, а не все понимаешь! Молод еще!

Вечерами Абдулла сбивал из шалевок длинные, прочные ящики для багажа, ссыпал зерно в новые, крепкие, как железо, канары. Пусть видят люди, как приезжают в Голодную степь лучшие бригадиры прославленного на всю Фергану колхоза «Путь к социализму»!

Старик был по горло занят новыми заботами. И хоть ему казалось, что твердо решил остаться на насиженном месте, мысли о Голодной степи его не оставляли. Абдуллу тянуло на новые земли. Но стоило ему вспомнить о трудах долгой своей жизни, о доме, что был полной чашей, и желание поехать вместе с сыном пропадало.

Как-то вечером, сажая на цепь рыжего кобеля, он подумал: все, что он нажил, только ли плоды его собственных трудов? Только ли его?

Тридцать шесть лет работал он на бая, трудился так, что со спины сходило семь потов, однако был гол и нищ. Выходит, не только его трудами нажито богатство. На него трудилась и советская власть. Вот в чем штука, оказывается, если говорить по-честному. А чем он отблагодарил ее за почет, за старость, не потревоженную заботами о хлебе и о будущем детей и внуков? Ничем. Вот оно что получается.

Рано утром следующего дня старик облачился в парадный халат, намотал на голову снежнобелую чалму и поехал в райцентр, в райком партии.

— Мне доктор требуется, — сказал он Кротову после обычных приветствий. — Самый что ни есть ученый доктор в районе.

— Заболел, отец?

— Зачем болеть? Всю жизнь не болел и теперь не собираюсь. Что я лодырь, чтобы болеть!

— Для чего же врача требуешь? — удивился Кротов.

— Хочу знать, когда помирать буду, — просто сообщил Абдулла.

— Стóит ли? — улыбнулся секретарь. — Нужно ли тревожить себя мыслями о смерти?

— Мне для дела знать надо... Надумал я, товарищ Кротов, переезжать в Мирзачуль... Сады там развести надо...

— Хорошее дело, — прочувственно сказал Кротов. — Спасибо, отец!

— Хорошее-то оно хорошее. А вот приеду и помру. Что же тут хорошего? Стало быть, мне знать надо. Понял?

— Понимаю, — серьезно сказал секретарь, глядя с любовью на старика. — Врача мы вызовем. И самого лучшего.

Врач явился сразу же после телефонного звонка. Он долго вертел, выстукивал и выслушивал старика и, наконец, сказал:

— Уникальный у тебя организм, старик. Идеальное сердце, чудесные легкие. Готов хоть сейчас меняться. Баш на баш!

— Лет пять еще проживу? — спросил Абдулла, с надеждой глядя в глаза доктору.

— Ты о смерти, отец, думать брось! — строго сказал врач.

— А вот канар поднял — ноги дрожат, — вспомнил Абдулла.

— Учтите, что в канаре том было пять пудов веса,— вставил, улыбаясь, Кротов.

— Ты что, с Григорием Новаком вздумал потягаться? Не выйдет. А жить тебе еще положено лет двадцать!

— Рахмет! — сказал старик. — Значит, буду переселяться... В Мирзачуль... Приезжайте, дорогими гостями будете.

Старик попрощался и вышел.

— Что он, и впрямь в Голодную степь собрался? — спросил врач, складывая нехитрый свой терапевтический инструментарий.

— Да. Переселяется.

— Позвольте! С чего бы? Живет он замечательно, дом полная чаша, приусадебный сад — 200 деревьев, к тому же знатный человек, районная, можно сказать, знаменитость. Зачем ему ехать? В пустыню-то?

— Видите: едет!

— Странно! Что же заставляет его бросить насиженное место?

— Пожалуй, я сумею рассказать, о чем думал старик, когда решался на этот шаг... Вы не торопитесь?..

В это время старый Абдулла садился на ишака. Он думал о том, что доктор, видимо, — большой учености человек и что теперь не следует тревожиться и думать о смерти, а надо думать о том, как доставить в сохранности багаж, и главное, саженцы, которые, того и гляди, засохнут дорогой. А этого допустить нельзя. Потому что, если нет саженцев — нет и сада. А сад должен быть, уж он-то постарается вырастить в пустыне такой сад, чтобы не было стыдно показать его самому товарищу Сталину!

Весна

Рассказ

Юрий ЯНОВСКИЙ

Сжатость, с какой обычно описываются события, должна иметь границы, потому что часто ее положительные свойства могут обернуться против нее самой: схема неспособна передать трепетное биение жизни. А нередко бывает, что художественная ткань оживает только под конец: создается определенное настроение, формируется ритм после длинного предисловия, которое и оказывается тогда совсем не предисловием, а подлинным действием.

Три девушки были неразлучными подругами, хотя и учились они на разных факультетах. Возраста они были не вполне преклонного: около шести десятков, если брать общее число их лет. Звали их Воля, Рада и Алина, причем первая была математиком, вторая — биологом, а третья училась на филологическом. Высокомерие, с которым они открестились к проблеме любви, и единодушие, которое они проявляли, высмеивая мужской пол, создало им среди товарищей печальную славу «старых дев» — понятие, заимствованное, как известно, из архаического лексикона.

Возможна ли в университетские годы любовь? Одна лишь постановка вопроса заслуживала, по их мнению, сурового осуждения. Да и полезут ли в голову нашему занятому студенчеству какие-то сверхпрограммные дисциплины? Тут бы лишь поспеть с одной лекции на другую, из общежития в столовую, из библиотеки в книжный магазин. А концерт в Колонном зале Филармонии? А Владимировская горка при лунном свете? А Голосиевский лес с весенними соловьями? Где уж тут студентам до любви, ведь на это не отведено ни одной секунды в программе!

Воля родилась в профессорской семье. Дед — математик, отец — астроном. Она сама высчитала, основываясь на теории вероятности, сколько у нее шансов на то, чтоб не осточертела математика с детства, и получила весьма ничтожную величину, порядка бесконечно малых. Но этот подсчет она сделала, находясь уже на математическом факультете.

— Понимаете, девушки,— признавалась иногда Воля Алине и Раде,— говорят, что девушке неудобно любить математику, но я не представляю себе ничего более поэтического! И берусь вам доказать, что сильнее всего можно выразить чувства только формулой. Я уверена, что Шекспир был математик!

Воля была красива, хоть слегка и курноса,— в представлении ребят, ее внешность никак не вязалась со страничками головоломных формул. Сколько раз, словно мотыльки на огонь, летели на свет ее синих глаз разные заинтересованные личности. Но стоило ей прочитать жертве сжатый реферат о поэтических качествах уравнений, как мотылек отчаянно взмахивал обожженными крылышками и улетал прочь на другие факультеты...

Деду-математику льстила такая внучка, но и он подчас ворчал и раздраженно пожевывал белый ус, когда Воля, сидя у окна, распахнутого прямо в куст цветущей сирени, с увлечением писала какие-то формулы. Профессор ползал тогда по палисадничку, поддерживая пенсне, падавшее с носа, ловил лягушку, и, потихоньку подкравшись, клал перед Волей на бумагу. «Спасите! — взвизгивала внучка, вскочив на стул.— Ну и страшная у тебя, дедушка, манера!»

Дед первый стал задумываться над волиной судьбой. Вернувшись в Киев из эвакуации, он таил гордую надежду покачать на руках правнука, перед тем как закончить свой жизненный путь. Он любил, чтобы к Воле приходили гости, особенно Рада и Алина, торжественно вносил им в комнату кипящий самовар, запевал песни и совсем не походил на традиционного профессора-математика. «О, племя молодое,— декламировал он, протягивая вверх руку с зажатым в пальцах пенсне,— мой век давно минул, но бьется в унисон стареющее сердце!»

Напрасно под окнами флигелька, где жил профессор с сыном-астрономом и внучкой, раздавались по вечерам звуки гитары, напрасно неизвестные личности бросали в окна цветы, сорванные тут же на профессорской клумбе,— девушки неумолимо закрывали окна, опускали занавески и пытались игнорировать то, что стучало уже (еще как!) в их юные сердца...

— Девчата,— говорила серьезно другая подружка, Рада,— научно доказано (биология — наука точная, и я отвечаю за свои слова) — никакой любви вообще не существует, все это выдумали поэты. Правда, Волька?

— Мы уже и так, как белые вороны,— откликалась Воля, не поднимая глаз и рисуя рядом с формулами крылышки и ромашки. — Мы такое нехарактерное явление, что университет смело может считать нас юными нулями. Что касается меня, я, может, и вышла бы к этим гитарникам, которые топчут под окном дедушкины цветы... но Алина...

— Да, Алина возражает,— заканчивала Алина, говоря о себе в третьем лице,— Алина имеет смелость считать себя достаточно взрослой, чтоб развлекаться подобными вещами!..

— Ты права, Алина,— Рада сделала паузу, потому что за окном с новой силой запела гитара,— мне больше нравится рояль.

Радина мама (отец у нее умер) была учительницей музыки и преподавала с давних лет, когда сама еще училась в гимназии. Рада избрала биологию, можно сказать, с детских лет. Не каждого ребенка, с увлечением обрывающего крылышки у жука или подбивающего воробья из рогатки, можно отнести к категории будущих биологов. Радочка никогда не проходила равнодушно мимо всего, что ползало, жужжало, летало, кружилось по земле с задранными вверх лапками, что прыгало ей на грудь, пытаясь лизнуть в нос, что беспомощно чирикало, выпав из гнезда. Гербарии уступали место коллекциям птичьих яиц, яйца — витринам разноцветных бабочек, бабочки — коллекциям из царства жуков.

Немецкая оккупация тяжело повлияла на подростка. Они с матерью лишены были возможности своевременно выехать из Киева, и Рада жестоко корила себя за недостаточную настойчивость. «Пешком нужно было,— говорила она строго, разрывая этим маме сердце,— ползти надо было, а выйти!..» И только позднее, догадавшись, что мама связана с подпольщиками, Рада перестала касаться этой темы. Мерзость, жестокость и зверства, принесенные в город оккупантами, заставили ее душу окаменеть, и Рада замкнулась в себе, помогая маме продавать на базаре домашние вещи, чтобы не умереть с голоду. Мать пошла работать уборщицей в управу: ей нужно было, как подслушала однажды Рада, доставать различные бланки для работников подполья.

С гордо поднятой головой шла Рада выполнять первую мамину просьбу — отнести ноты, среди которых лежали и другие бумаги. Так же гордо возвращалась домой, чувствуя, что ненавидит захватчиков с каждым днем все сильнее и сильнее. Выполнив опасное поручение, Рада маршировала по Киеву, громко декламируя:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

...Теперь ее мама снова преподавала музыку и мечтала написать воспоминания о киевском подполье. Долго выбирала время, вытаскивала из старичной шкатулки с двойным секретным дном клеенчатую тетрадь, ходила из угла в угол, тяжко вздыхала, садилась за стол и, не прикоснувшись к перу, долго сидела неподвижно. Товарищи и подруги проходили перед глазами, и каждый ранил сердце,— так недавно это было, такие они еще живые и любимые! Писать о подполье — это оживлять друзей, бороться с ними рядом и еще раз терять, переживая с ними смертные муки. Нет, лучше в другой раз, когда зарубцуются раны. И учительница музыки кончала тем, что, не написав ни строчки, ложилась на кровать среди белого дня и плакала, облегчая душу. В таких случаях Рада врывалась в комнату, падала рядом с мамой, и долгое время они всхлипывали вдвоем и вспоминали страшные потери подполья. Клеенчатая тетрадь так и оставалась нетронутой.

Другая тетрадь с клеенчатым переплетом (сестра той, маминой) заполнялась в отличие от первой удивительно быстро, и исключительно стихами. Рада переписывала их старательно и могла читать наизусть в любое время и в неограниченном количестве. Студент-геолог, с которым Рада собиралась летом отправиться на Карпаты,— в составе соответствующей экспедиции, конечно! — имел множество хлопот с этими стихами. Не успевал он выучить одного поэта, как Рада ошеломляла его новыми ямбами и хореями, и бедный геолог проклинал судьбу, проклинал типографии, переводящие бумагу на такую непонятную расстановку строк! Впрочем, Рада была уверена, что он искренно любит всех поэтов.

— Девочка,— сказала ей как-то Воля,— не заставляй его читать стихи! Он так страшно щелкает зубами, что меня охватывает ужас... Пусть уж липнет к тебе без стихов...

— Алина все слышит,— отчитывала Алина,— что у тебя, Волька, за отвратительная манера употреблять такие слова, как «липнет» по отношению к людям?!.

У Алины, третьей подружки, был твердый характер, и она всегда усмиряла своих подруг. По утверждению биолога Рады, она напоминала робкую лань с огромными печальными глазами. Математик Воля оспаривала этот образ и придумывала всеобъемлющую формулу, способную полностью охарактеризовать подругу. Только дед-профессор, присутствовавший во время разговора, ничего не выдумывал и искренно вздыхал. В его молодые годы такую Алину непременно сравнили бы с Суламифью из «Песни песней».

В общежитии (у девушки не было родных) Алину считали приятной девушкой, несколько своеобразной в вопросах чистоты языка. «Ничего не поделаешь, — вздыхал кое-кто, — филолог!» Может быть, кто-либо из студентов и хотел бы высказать свои взгляды по поводу ее бронзовых волос, агатовых глаз, загадочной улыбки, но заранее впадал в панику и немел, зная, как сурова Алина к нарушителям законов языка. «Что это должно означать,— спрашивала девушка смельчака,— прибит соленою волною к берегу ваших вод? Морской фольклор, да?..»

Алина была из рабочей семьи, отец ее участвовал в Октябрьской революции, матери она не помнила, старший брат служил в войсках на китайской границе. Случилось так, что накануне Отечественной войны Алина уехала с отцом на экскурсию в Ленинград, и там их застала война. В Киев они не смогли вернуться, и отец-пенсионер сразу же пошел на завод, где работал еще в дни молодости. Время блокады Алина прожила в городе Ленина. Похоронила отца и чуть не погибла сама, но боролась за победу, как могла, и с гордостью чувствовала себя ленинградкой. Поступила на завод, не имея еще и пятнадцати лет, и самоотверженно работала там до конца войны. Потом вернулась на Украину.

Теперь над Киевом стояла всепобеждающая и радостная весна: крупные клейкие почки на каштанах превратились уже в нежные семилистники и выпустили свечечки будущих цветов. Из-за Днепра через Печерск к самому университету долетали запахи ожившей земли, в Ботаническом саду изощрялись на все лады соловьи, а под окнами волиной квартиры, помещавшейся во флигельке на первом этаже, взошла масса всякого добра: лопушки, мята, петушки, тюльпаны, развесила свои гроздья сирень.

Девушки сидели в комнате с открытым окном и томились. Через окно лилось на них синее киевское небо, а им казалось, что на дворе

подлинная осень. Вот пишут и рассказывают о студенческой жизни, как она насыщена работой и движением. Рисуют, как студенческое племя, молодое, задорное, горячее, штурмует крепости знаний. А когда наступает перерыв? Почему этот период не привлекает внимания пишущих?

Вот завтра отплывает ежегодная традиционная экскурсия по Днепру до Канева, на могилу Тараса Шевченко, а о них позабыли. Пригласительных билетов не прислали. Как не грустить? Не пойти же выяснять, почему их обошли? Не хотят, чтобы мы присутствовали,— и не надо. Тут, конечно, без Кости Хмеля не обошлось. За что он их так ненавидит?

— Когда я слышу его невозможный жаргон,— сердито сказала Алина,— я готова бежать без оглядки! Просто медведь какой-то!

— Но на тебя он поглядывает настоящим ягненком,— съязвила Воля,— и, честное слово, я видела, как он записывал в книжечку разные благородные слова, чтоб тебе угодить!..

— Вы знаете, где он воевал всю войну? — отозвалась Рада.— В морской пехоте. Когда я клеила стенную газету, знаете, что он мне крикнул? «Проверните операцию к двадцати ноль-ноль!» Вы думаете только это? «За невыполнение буду драить на бюро за неоперативность...» Как вам нравится?

— Ты, Радка, не лезь в филологию,— примирительно сказала Воля.— А как же он должен был выразиться? Твой геолог, думаешь, не ругается, когда имеет несчастье заучивать длиннющее стихотворение?

— А политехник? Что-то он слишком часто приносит твоему деду разные забытые им на лекциях в институте вещи: зонтики, галоши,— целый универмаг!

— Хватит, девчата! — остановила Волю и Раду Алина.— Пускай называют нас старыми девами, мы не нуждаемся в обществе этих людей. Обойдемся очень легко...

— А мне жаль, девчата. Я б охотно поехала, это — замечательное путешествие! И хоть бы знать, кто нам подложил такую свинью... Неужели мы должны из-за твоего Кости Хмеля сидеть на берегу, когда все поплывут в Канев?

— Если ты еще раз посмеешь сказать «твой Костя», я не отвечаю за себя! — заявила Алина.

— Девчата! — умоляюще сказала Рада,— я не могу больше слышать об этом Косте Хмеле...

— Правильно,— согласилась Воля,— я уверена, что Алина первая произнесет это имя — и тогда она заплатит штраф!..

Алина пошла в атаку и непременно хотела наказать Волю собственноручно, но Воля была очень увертлива, и жертвой оказалась Рада, не успевшая из-за близорукости заметить, откуда надвигается опасность. Она в свою очередь погналась за Волей и налетела на шкаф. Суматоха поднялась невообразимая, и она лишь приняла организованную форму, когда Воля вытащила из шкафа охапку старой семейной одежды и швырнула на кровать.

— Предлагаю профессорскую свадьбу!

Это была их любимая игра еще с детских лет, когда главным режиссером была волина мама. Алина неизменно играла роль жениха, Воля — невесты, а Рада — отца-профессора, оркестра, извозчика, милиционера и младшей сестры, в зависимости от обстоятельств. Игра имела множество вариантов, в нее вовлекались другие персонажи, квартира превращалась в сумасшедший дом, отец-астроном поспешно убегал, а деда-математика посылали на кухню, откуда он должен был тащить самовар на свадебный стол, изображая трактирного полового на гастролях в порядочном доме.

И вот Алина еще раз «жених», а Воля — невеста в фате из рыболовной снасти. В процессе перевоплощения невеста щипала жениха, а жених визжал и замахивался на всех зонтиком, «профессор»-Рада сооружала трибуну с помощью табуретки, ящика, ковра и кричала, чтоб ей не мешали. Визг, хохот и шум наполнили комнату...

Неожиданно, в самый ответственный момент, в окне вдруг вырос молодой парень. Девушки, увидев его, попадали прямо на пол, реквизит рассыпался, воцарилась тишина.

— Девчата,— произнес спокойно Костя Хмель,— я вам принес приглашения на пароход. Сбор в одиннадцать ноль-ноль. Провиант обеспечен, но разные там елки-булки можете захватить. Какую это вы пьесу репетируете?..

Когда пароход отходил от пристани, Алина сидела в женской каюте и ни за что не решалась подняться на палубу. Она краснела при одной мысли о том, что Костя видел их маскарад. Рада нацепила темные очки и решила никого вообще не узнавать. Одна Воля без всякой неловкости поздоровалась с Костей и даже лукаво ему подмигнула:

— Товарищ капитан, вы, кажется, не выспались?

Это стало традицией: экскурсантов неизменно провожал из Киева дождь. Небо затянулось серой пеленой, сквозь которую брызнули первые капли. Но весна брала свое, и даже дождь украшал ее: силуэты киевских гор то возникали, то скрывались за сеткой весеннего дождя, и вдруг солнце ударило поверх тучи в гребень горы, там вмиг засияла мокрая трава, заблистали окна строений, а затем улыбнулось голубое, омытое небо.

Потянулась широкая водяная равнина, рощи по берегам, затопленные половодьем деревья, рыбацкие лодки, дубки с дровами и прошлогодним сеном, плывущие против течения. На пароходе понемногу устанавливался ритм кочевой жизни. Организовалось два хора — мужской и женский; они пели у противоположных бортов, пока по требованию слушателей не объединились в единый ансамбль. Рада, опознанная и в очках, получила от Кости распоряжение «провернуть» стенгазету. Воля растворилась в хореографическом кружке, который готовился к выступлению на вечере самодеятельности. По странному стечению обстоятельств танцами руководил упомянутый выше студент-политехник, непонятно, каким путем попавший в чужой коллектив. Алина сидела на корме и откровенно грустила, делая вид, что читает юмористический журнал.

— Прошу разрешения нарушить чары одиночества,— произнес кто-то рядом, и Алина увидела Костю Хмеля, севшего подле нее с трещоткой в руке, выданной ему как участнику шумового оркестра.

— Садитесь, товарищ Хмель,— сказала Алина, хотя ей очень хотелось назвать юношу по имени.

— Сел. Вы видели когда-нибудь такую красоту?

— Я думала, что вас интересует только море, вы ж не речной пехотинец?..

Красота была и впрямь исключительной. Полноводный Днепр, широкая долина, заполненная водой, вдоль левого берега затопленные по пояс деревья. Синели далекие, похожие на морскую даль леса. Пароход шел прямым курсом, на весенней воде повсюду был фарватер..

— Внимание! — крикнул Костя рулевому.— Обойди левее! Разве не видишь, как подозрительно крутит водоворот?

Рулевой даже не оглянулся. Что они понимают, эти студенты? По такой воде ничего не страшно. Там, где летом опасаешься мели, идешь, как циркач по проволоке,— по весенней воде плыви и песни пой! И рулевой замурлыкал какую-то песенку. Но пароход вдруг ударился обо что-то килем, потерял ход и резко повернулся... Выбежал из рубки капитан: это был такой редкий случай на Днепре, что его еще долго будут вспоминать. Сесть неизвестно на что и когда?.. Тогда, когда в Днепре полые воды!.. На что же напоролись? Не то на мель, не то на какие-то затопленные деревья? Что делать? Машина не берет, надо вызывать буксир. Задержка несколько огорчила экскурсантов, но вскоре все занялись своим делом: кто начал чинить рыболовную снасть, кто уткнулся в книгу, кто разлегся на палубе.

Костя еще раз появился на корме вблизи Алины. Не говоря ни слова, он бросил весла в лодку, привязанную за кормой, вскочил туда сам и начал отвязывать чалку.

— Счастливого плавания! — сказала Алина, не глядя на него.

— Вон там неподалеку морячки вирают посудину из Днепра,— ответил Костя,— поеду взгляну...

— Я могу сесть за руль,— неожиданно для самой себя предложила девушка.

И вот они поплыли по голубой громадине Днепра. Костя размашисто греб, его лицо, повернутое к Алине, было спокойно и радостно. Он молчал, иногда кивая девушке в знак правильного курса. Могучая река катила им навстречу свои воды. Времени было много, для того чтобы выяснить все невыясненное, уточнить неуточненное, высказать недосказанное. Впрочем, ничего этого не случилось. Алина щурила на солнце свои агатовые глаза и бесстрашно встречалась ими с костиными. Это случалось все чаще и чаще, им казалось, что плывут они лишь несколько минут, как вдруг впереди четко обрисовалось над водою судно с пристройками, окруженное понтонами.

— Знакомые места,— значительно сказал Костя.

Они пристали к понтону, нашли местечко, где не бурлила вода. Костя пришвартовал лодку, выбрался наверх и, ловко балансируя, побежал по цилиндрической поверхности понтона, перескочил на второй и достиг мостика, свисавшего над водой с борта судна. С мостика опускалась в Днепр лестничка с перильцами. Нигде не было видно ни души, все словно вымерло, только журчала вода, и все сооружение слегка колыхалось.

— Полундра! — закричал Костя.— Хозяева дома?

Из трюма на палубу выглянула голова с длинными усами, косматыми бровями, солидным носом и жующим ртом.

— Какого чорта горланить? — спросила, жуя, голова.

Костя начал беседу, в результате которой голова высунулась еще немного, показались плечи с боцманскими погонами, и сам боцман — босой, без пояса — вышел на палубу. Они разговаривали громко и в то же время медленно. Алина слышала все — от слова до слова. Появился водолаз в комбинезоне и тоже босиком. Пришел с носовой части механик в замасленной гимнастерке. Остальная команда, если она и существовала, находилась под палубой, ленясь пошевелиться, и слушала разговор издали. Была полуденная пора, люди только что отобедали.

— Значит, студенты плыли на Канев и стали на якорь,— резюмировал боцман,— к примеру, скажем, придется вам ночевать на воде. Удивляюсь только, как угораздило вас при такой высокой воде найти мель?

Костя спросил, что это они поднимают со дна. Боцман взглянул на водолаза и механика, лукаво им подмигнул и ответил Косте бравым покашливанием, долженствующим обозначать, что на его судне не разглашают военной тайны. Костя наклонился к боцманскому уху и громко произнес название затопленного корабля. Это смахивало на колдовство, потому что посудина еще была под водой. А может быть начальство приехало с ревизией? На всякий случай боцман вытянулся и звонко откашлялся в кулак.

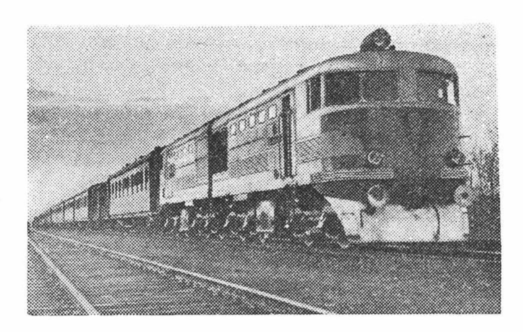
— Был такой момент, друзья мои,— просто и печально сказал Костя.— Вы спросите, откуда я это знаю?.. Как же мне не знать, если пришлось своими руками затопить, чтоб не досталось врагу...

Косте доложили, что под корпусом затонувшего корабля уже продуты соответствующие колодцы для продвижения стальных полотенец, готовы к потоплению цилиндрические понтоны,— они лягут на дно по обе стороны судна, к ним прицепят концы полотенец и накачают воздух в понтоны, чтоб подъем был медленным и равномерным.

Костя выслушал и спросил водолаза, не пробовал ли он пролезать во внутрь корабля. Водолаз пожаловался, что там все забито и заржавело, сам нечистый дверей не оторвет.

— На твое счастье, дружок,— сказал Костя,— там немаленькая мина припасена. Был приказ потопить, но с перспективой поднятия после войны. Чтоб не вытащили чужие руки, мы приготовили сюрприз...

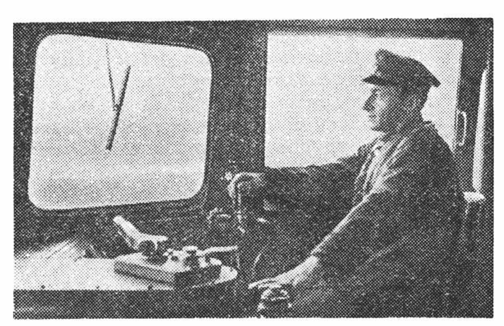
Новый мощный советский тепловоз

Новый тепловоз в пути.

У дебаркадера Курского вокзала, в Москве, стоял скорый поезд № 27, готовый отправиться в очередной рейс до Минеральных Вод. Пассажиры заняли места, вокзальная горячка несколько улеглась. Внимание людей на перроне привлек большой красивый тепловоз во главе состава. У лесенки, по которой машинист поднимается на тепловоз, прикреплена пластинка. На ней выгравированы буквы «ХЗТМ» (Харьковский завод транспортного машиностроения) и изображены три ордена, которыми награжден завод,—Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Этот недавно построенный красавец поведет в дальний рейс скорый поезд № 27. Тепловоз прошел недавно эксплоатационные испытания. Он сделал уже более 15 тысяч километров, возил курьерские, скорые, почтовые поезда и тяжелые товарные составы. Сегодня один из таких испытательных рейсов. Поэтому в кабине, кроме машиниста и двух его помощников, находится ведущий конструктор Харьковского завода Александр Михайлович Хрычиков, сопровождающий тепловоз во всех его рейсах.

Если, побывав когда-нибудь на паровозе, вы попадете на тепловоз, вас здесь прежде всего поразит чистота. Машинное отделение почти ничем не отличается от машинного отделения небольшой электростанции, и роль помощников машинистов, наблюдающих за работой дизельных моторов, сводится к роли механиков.

Машинист тепловоза Г. А. Чиликин.

Инженер Хрычиков рассказывает нам о новом тепловозе. Состоит он из двух секций и имеет два двигателя внутреннего сгорания, работающих на дизельном топливе. Тепловоз в четыре раза экономичнее паровоза. Московско-Курская железная дорога, заменив часть паровозов тепловозами, сэкономила за весьма короткий срок 11 миллионов рублей.

Инженер с любовью показывает моторы тепловоза, генераторы, отдельные детали этой, по словам Хрычикова, «электростанции на колесах». Он подходит к окошку, откуда открывается вид на Москву, и приводит еще один довод в пользу тепловозов:

— Как видите, Курский вокзал находится чуть ли не в центре столицы. Паровозы задымляют этот район города. Жители соседних с вокзалом домов будут рады, когда Курская железная дорога полностью откажется от паровозов.

Приближалось время отправления поезда. На перроне появился дежурный по станции, раздался свисток. Машинист Георгий Александрович Чиликин повернул рукоятку контроллера, точно так же, как это делает вагоновожатый трамвая. Раздался гул заработавших моторов, — поезд медленно и плавно тронулся с места.

Кабина, в которой мы находимся, напоминает кабину самолета. Она остеклена со всех сторон. Когда двери в машинное отделение закрыты, гула почти не слышно. Машинист сидит у окна с правой стороны, его помощник — у окна с левой стороны. Помощник машиниста наблюдает за сигналами и состоянием пути. Увидев вдали светофор, он объявляет:

— Зеленый!

— Зеленый! — повторяет вслед за ним машинист.

Так продолжалось весь путь: поезд всюду встречал «зелёную улицу».

Погода испортилась. Все время дождит. Автоматический «дворник» работает непрерывно. Такие «дворники» нам хорошо известны по автомобилям.

Поезд мчится мимо подмосковных дачных станций. Публика с любопытством рассматривает новый локомотив. Впереди раскрывается картина знакомых мест. Вот мост через реку. Машинист берется за ручку тормозного крана, плавно тормозит, поезд замедляет ход. Мост переезжаем на маленькой скорости, но вот новый поворот рукоятки контроллера — и скорость поезда доходит до 50 километров в час. Это далёко не предел для мощного тепловоза: рукоятка контроллера не доведена даже до половины круга.

Впереди подъем. Тепловоз легко, без малейшего увеличения нагрузки, преодолевает его. Едва тепловоз взял подъем, как машинист выключил моторы, поезд понесся на холостом ходу. Машинист хорошо знает профиль пути и, экономя топливо, часто выключает моторы. По его подсчетам, почти половину пути от Москвы до станции Скуратово поезд идет на холостом ходу. А на обратном пути и того больше.

Снова дождь. В кабине становится прохладно. Машинист закрывает боковое стекло.

— Замерзли? — спрашивает он, нажимая кнопку. Струя горячего воздуха приятно согревает ноги: машинист включил колорифер.

Вот и Серпухов. Здесь первая остановка. Тепловозу она не нужна: он может и дальше мчаться без остановок, без набора воды и топлива, хотя бы до Баку. Остановка в Серпухове сокращена до пятнадцати минут вместо прежних 25. Тепловоз повсюду экономит время. Так, на перегоне от Москвы до Орла, протяжением в 382 километра, раньше тратилось на остановки курьерского поезда 105 минут, теперь — только 25.

Гудок — и тепловоз плавно берет с места. Он довезет поезд до станции Скуратово и затем вернется в Москву.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Водолаз понемногу бледнел и покрывался обильным потом. Машинально засунув руку под робу, он вытащил оттуда серебряные часы.

— Возьми, моряк. Как раз сегодня я собирался лезть в середину. Носи, браток, за спасение души!

Костя подержал часы и вернул их водолазу. После этого боцман притащил водолазный костюм, появились помощники. Костя напялил на себя водолазное снаряжение, улыбнулся Алике, натянул шлем на голову, сапоги и спустился вслед за водолазом по ступенькам в воду. Алина почувствовала себя беспомощной щепкой, которую уносит сильное течение. Когда костина голова скрылась под водой, ей показалось, что сердце ее выскочит из груди. Боцман, держа возле уха телефонную трубку, покрикивал на помощников и ежеминутно вопрошал в трубку:

— Ну, как, ребятки? Дыхание нормальное? Крокодилов поблизости не замечено?

Алина не отрывала глаз от ступенек, уходивших в воду. Сколько можно ждать, они захлебнулись на дне! Ей пришло в голову, что она могла бы сказать напутственное слово. Зачем он вообще полез, неужели не понимает, как она волнуется? Тысячи сомнений и укоров одолевали девушку. А вдруг запутается воздушный шланг и их не успеют вытащить? Алина вылезла из лодки, стала на покачивающийся понтон. Она не умела плавать, боялась воды, но теперь храбро стояла на шаткой поверхности, отблески солнца на реке слепили ее, у нее кружилась голова.

Вдруг из воды вынырнул круглый предмет. Водолаз поднимался по ступенькам, у него быстро отстегнули и сняли с головы шлем. Алина увидела побледневшее лицо Кости. Второй водолаз тоже вынырнул на поверхность. Алина почувствовала, как рука, сжимавшая ей сердце, понемногу разжала пальцы. Она едва удержалась, чтоб не крикнуть.

Водолаз сказал, что Костя нашел провод к мине и перерезал его; когда судно будет на плаву, нетрудно вытащить и самую мину. Костю начали обнимать и подбрасывать кверху, рискуя уронить в воду, после чего боцман решительным голосом приказал «вирать якоря», отшвартовываться от понтонов и всего вспомогательного хозяйства, потому что буксир водолазной базы должен помочь студенчеству. Костя не заикнулся даже о помощи, но и они ведь не намекали, чтобы Костя лез под воду! Какие могут быть разговоры, когда у нас такое студенчество!

— Полный помалу! — крикнул боцман в машинное отделение.

Алина сидела с Костей на носу буксира, ей хотелось положить руку ему на плечо, но, к счастью, к ней вернулось самообладание. Буксир бодро гудел, подходя к пароходу, лихо повернул и, дав задний ход, приблизился к корме. С буксира бросили тонкий конец, за ним на пароход был перетянут стальной трос, его приспособили к кормовым кнехтам, плицы буксира взмутили воду, студенты, высыпав на палубу, запели «Дубинушку», трос натянулся и дрожал, как струна. И вот пароход снова способен двигаться. Буксир подобрал свой трос, дал приветственный гудок и отправился обратно, сопровождаемый благодарными возгласами и песнями пассажиров.

Далекие берега, то зеленые, то белые, как молоко, от расцветающих садов, медленно изменяли свои очертания.

Алина, Рада и Воля впервые после Киева остались одни.

— Мне кажется, никому не скучно,— произнесла Воля и подумала о том, в какой красивой формуле рисуется ей студент-политехник и какой прелестный танец покажет она в паре с ним на вечере самодеятельности.

— Правильно,— отозвалась Рада, держа в руке темные очки,— если глаза не устали, зачем закрывать их этими дурацкими стеклами?

Она умолчала о том, что ее геолог принес в газету стихотворение собственного сочинения, которое она вынуждена была забраковать, так как оно не имело никакого отношения к теме экскурсии. «Но все же какие милые строки там были, надо обязательно переписать для себя»,— решила Рада, не подозревая, что стихотворение полностью переписано у Фета.

— Он успешно исправляет свой язык... — отозвалась Алина, и подруги похолодели от нежности, прозвучавшей в ее голосе.

Возможно, дальнейшие детали плавания излишни, так как девушки, говоря правду, не замечали многого. Только потом, когда-нибудь, на склоне лет, отыщут они в своей памяти то, что казалось им позабытым или незамеченным, что проходило в стороне на фоне торжественной песни души: солнце, садившееся за высокий правый берег, розовые, полупрозрачные облака, охватившие полнеба и разлившие в воздухе нежное сияние; запахи росы, упавшей на теплую землю, дыхание распустившихся садов, ночь на Чернечьей горе у могилы поэта, яркие звезды — мигающие, задумчивые, падающие огненными каскадами в Днепр; утро, загоревшееся над далекими заднепровскими лесами, торжественный, обнимающий весь мир, новый день; и самое главное — ощущение радостной весны, молодости, дружбы, будущего труда на благо любимой Отчизны...

На пристани в Киеве подруг встретил волин дедушка в чесучевом ослепительном пиджаке и белой шляпе. Он стоял рядом с извозчиком с тремя букетиками в руках — для каждой из подруг. Но Воля, Рада и Алина, приняв цветы, отказались воспользоваться таким допотопным способом передвижения, как извозчик. Они пошли пешком, а профессор торжественно ехал впереди на пролетке. Старик усмехался в белые усы, он кое-что подметил в пароходной суете, когда его внучка долго прощалась с политехником.

Подруги шли медленно, словно не желая расставаться.

— Конечно,— задумчиво произнесла Алина,— нельзя говорить так, как он выражается: «елки-булки»,— но разве филология не должна интересоваться всеми формами изложения мыслей?

О, филология!..

Авторизованный перевод с украинского
Татьяны СТАХ.

В стране большого богатства и большой нищеты

А. ДОГМАРОВ

Адская жара царит в столице Бразилии Рио-де-Жанейро. Солнечная энергия, — пожалуй, единственный в этой стране вид продукции, который не успели захватить в свои руки дельцы одной державы. Только на солнце еще не поставлена вездесущая здесь марка: «Сделано в США». Пользуясь этим, небесное светило печет без всяких ограничений.

Общеизвестно, что вода — предмет первейшей необходимости, особенно для людей, живущих в тропиках. Бразильцы готовы поглощать воду с жадностью губки. Но беда в том, что питьевой воды в Рио-де-Жанейро катастрофически мало и подается она с большими перебоями. В рабочих кварталах водопроводные краны по целым дням только урчат, и из них не выжать даже капли воды. В благоустроенных же квартирах богатых людей трещат, как цикады, специальные моторчики, накачивающие воду.

«Водяной вопрос» давно уже переливается из пустого в порожнее в различных официальных инстанциях. Не так давно бразильские власти открыли «верный» способ обеспечить население водой: для этого, оказывается, нужно лишь... перенести столицу на другое место и выстроить новый город. Только и всего. Тогда холодной, живительной влаги будет сколько угодно.

Этот мудрый проект жители Рио-де-Жанейро ругают в автобусах и трамваях, ругают дома, в канцеляриях и конторах. И когда один бразилец говорит другому: «Нет мочи, как пить хочется»,— то неизменно слышит в ответ: «Потерпи. Правительство уже приняло меры. Не пройдет и сотни лет, как ты напьешься вволю...»

* * *

У самой бразильской столицы шумит и пенится могучий Атлантический океан. Океан, конечно, не придерживается расистской теории: в случае, если кому-либо доведется утонуть, он принимает с одинаковым равнодушием на свое дно людей любого цвета кожи. Иное дело газеты Рио-де-Жанейро, которые в отделе полицейской хроники ведут аккуратный счет утонувшим: после каждой фамилии утопленника обязательно указывается в скобках: «белый», «коричневый», «черный». Эти краски никогда не смешиваются на бразильской государственной палитре. Реакционный расизм процветает здесь вовсю.

Между тем люди, которых по цвету кожи зачисляют во второразрядную категорию «коричневых» и «черных», составляют большинство населения Бразилии. Это они создают богатства страны, начиная с 1730 года, когда здесь впервые стали разрабатывать крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота. Колонизаторы развивали одновременно и плантационное хозяйство ценных тропических культур. Они нуждались в дешевой рабочей силе, и Бразилия стала обширным рынком рабов. Пираты под английским, голландским, португальским и испанским флагами везли сюда негритянских невольников. Следует отметить, что рабство официально существовало в Бразилии до 1888 года.

В наши дни цветным людям в Бразилии, если верить заявлениям правительственных газет, предоставлена «полная свобода». Они могут выбирать любую профессию: чистильщика обуви, уборщика мусора, в лучшем случае — посыльного при магазине, принадлежащем белому. Что касается других, более достойных профессий, то... здесь «свобода выбора» и кончается.

Заработок неквалифицированного бразильского рабочего колеблется между 300 и 400 крузейро в месяц, добрая половина которых уходит на оплату пристанища. И простые бразильцы на оставшиеся крузейро «свободны» вести в этой богатой стране полуголодное существование.

Простому человеку в Бразилии предоставлена еще одна «свобода»: кто имеет склонность к туберкулезу,— болеет туберкулезом, кто расположен к тропической лихорадке,— дрожит в лихорадке. Болезней при здешнем климате много: от простого ревматизма до экзотической проказы. Благодаря «отеческой» заботе властей, которые пальцем о палец не ударяют, чтобы бороться с эпидемиями и массовыми заболеваниями, здешние люди избавлены от излишнего долголетия. Бразилец умирает в расцвете сил, среди благоухающих магнолий, осененный ласковыми лучами солнца.

На традиционный карнавал трудящиеся Рио-де-Жанейро вышли с лозунгом «Требуем жилищ и воды».

* * *

Как известно, во время второй мировой войны из Бразилии в фашистскую Германию доставлялись на самолетах технические алмазы. В порядке дружеского обмена, особенно к концу войны, двигались в «гостеприимный» Рио-де-Жанейро морским и воздушным путем всяческие коронованные особы, не удержавшиеся на троне, штатские правители и парламентарии, не рискнувшие остаться один на один с народами своих стран, разного рода авантюристы и, разумеется, в неограниченном количестве беглые нацистские палачи и «фюреры».

В Рио-де-Жанейро можно увидеть на каждом перекрестке этих субъектов с хорошим берлинским выговором, облачившихся в костюмы белого цвета. Все эти «гости» за приличное вознаграждение безотказно зачислялись местными властями в бразильцы.

Приезжие заполнили бразильскую столицу. Население ее возросло до двух миллионов. Возник острейший жилищный кризис. Сдача в наем квартир стала настолько прибыльным делом, что некоторые промышленники принялись даже сносить свои заводы, делить освободившуюся территорию на участки и продавать их под застройку доходными домами. Сейчас в Рио-де-Жанейро появляется все больше готических, островерхих домиков, внешность которых напоминает новоявленным «бразильцам» любезный их сердцу вид на Берлин с западной стороны.

Мне на время пребывания в Рио-де-Жанейро пришлось снимать квартиру. Я нашел ее с большим трудом, на окраине. Домовладелец объявил:

— В месяц 1500 крузейро. Такая чудесная квартира стоит, конечно, дороже, но я не хочу переступать норму, установленную правительством. Мебель вам придется приобрести в собственность. Кроме того вам необходимо внести некоторую сумму за ключ от квартиры.

Условия были драконовские. Однако делать было нечего. Я заявил, что квартиру снимаю, и добавил:

— Ключ я мог бы заказать сам, чтобы не утруждать вас.

— Нет, нет, таков обычай,— улыбнулся домовладелец.

Нащупывая в кармане мелочь, я спросил:

— Сколько же я должен уплатить слесарю за ключ?

— Не слесарю, а мне.

И он назвал сумму, равную трехмесячной квартирной плате.

Мне сказали потом, что это вымогательство было еще божеским...

* * *

Городской транспорт Рио-де-Жанейро не блещет удобствами. Старинные вагончики открыты со всех сторон и даже сверху: американская трамвайная компания не утруждает себя ремонтом крыш, во время дождя пассажиры сидят под зонтиками. Приходится пропускать несколько поездов, прежде чем удается повиснуть на подножке, тянущейся вдоль всего трамвайного вагона. Троллейбусов в Рио-де-Жанейро нет, а автобусы с зажженным сигналом «лоттадо» («занято»), не останавливаясь, проносятся мимо длинных, унылых очередей.

Джунгли вплотную подступают к бразильской столице. Змеи, скорпионы и прочие ядовитые гады — нередкие гости в городе. Но еще страшнее — автомобили: они мчатся по улицам с официально разрешенной скоростью в 60 километров. Обгон впереди идущих машин не только не запрещен, но считается особым шиком. Число жертв уличного движения очень велико.

* * *

Величественная и глубочайшая из всех рек мира — Амазонка — протекает по территории Бразилии на протяжении 2600 километров. В ее бассейне, где раскинулись огромные леса, чередующиеся с джунглями, ютятся ничтожные остатки коренного населения этой страны — 120 тысяч индейцев. Люди эти, не-

когда имевшие свою национальную культуру, отброшены правителями Бразилии на ступень полуживотной жизни и обречены на вымирание.

Недавно один из индейцев, желая обратить внимание общественности на жалкое положение своих сородичей, добрался по железной дороге до Рио-де-Жанейро. На груди у него была приколота записка: «Индеец из племени Шадрез желает попасть в Рио». На вокзале полицейские избили исконного хозяина Бразилии резиновыми дубинками.

В XVI веке португальские авантюристы, католические монахи, иезуиты и крестоносцы, колонизируя страну, истребляли местное население со свирепой жестокостью. Один французский историк так рассказывает о тех временах: «Монахи и священники обнаруживали ужасающее усердие. Они разрушали храмы, разбивали священные изображения туземных племен, уничтожали иероглифы и мешали струи святой воды с морями крови».

Сейчас за индейцами не охотятся, как за дичью, но вымирание туземного населения идет исключительно быстрым темпом.

* * *

Это звучит как выдумка, но Бразилия, самая большая из стран Латинской Америки, в 15 раз превышающая по территории Францию, обладающая плодороднейшими землями, зависит от ввоза продовольствия извне. В Бразилии можно снимать два, три урожая зерновых в год, но своей пшеницы страна не производит. В Бразилии возделывается лишь кофе и в меньшей степени — какао и хлопок. На все население (около 50 миллионов) завозится в течение года из Аргентины один миллион тонн пшеницы. И получается, что если бы все бразильцы ели поровну, то на долю каждого пришлось бы немногим более пуда хлеба на целый год. Таковы «правила поведения», предписанные Бразилии иноземными дельцами.

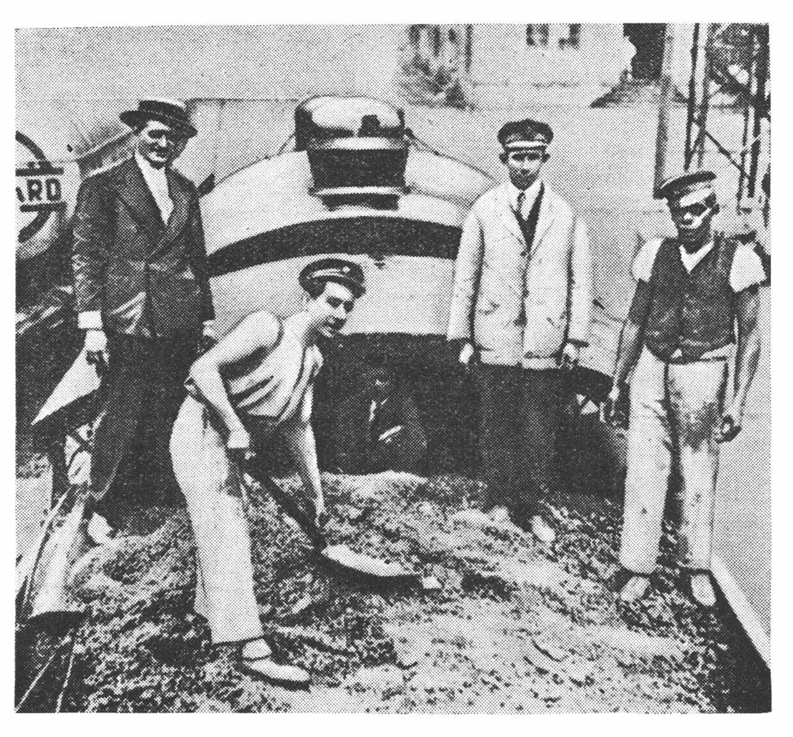
Помимо очень благоприятных возможностей для организации сельского хозяйства, помимо лесных богатств и огромных запасов водной энергии, уступающих только запасам водной энергии Советского Союза, Бразилия богата цветными металлами и другими полезными ископаемыми. В ее недрах, кроме золота и алмазов, находится огромное количество марганцевой руды, никеля, нефти, а запасы высококачественной железной руды составляют, по некоторым подсчетам, около 23 процентов мировых запасов.

Природные ресурсы и плодородные земли Бразилии, как утверждают экономисты, могут прокормить не менее 500 миллионов человек. И хотя в Бразилии проживает людей в десять раз меньше, они влачат нищенское, полуголодное существование, на которое обрекает их праздящая клика ставленников американских монополистов. Услужая своим хозяевам, бразильские правители избавляют американских империалистов даже от необходимости самим посылать депеши с распоряжениями в Рио. Правая рука президента Дутра — генерал Гоэс Монтейро — безвыездно проживает в Вашингтоне на тот предмет, чтобы получать приказы на месте.

Импорт продовольствия в Бразилию так разнообразен и всеобъемлющ, что со стороны может показаться, будто бразильцы любят только все заграничное. Хлеб они едят аргентинский, картофель — голландский, оливковое масло — испанское. А некоторые говорят: «Хорошо, что мы еще кофе не ввозим».

Сравнительно не так давно — в 1935 году — 70 процентов всей мировой продукции кофе приходилось на долю Бразилии. Но вот возник, разумеется, не без участия американцев, специальный «институт кофе», который стал проводить «политику постоянной защиты кофе». Бразильцы долго не могли разобраться, кого и от чего этот «институт» защищает. Но после того, как за 13 лет было сожжено 78 миллионов 200 тысяч мешков кофе, чтобы удержать высокие цены на внешнем рынке, и кофейные плантации уменьшились на 500 миллионов деревьев, а цена кофе в самой Бразилии поднялась больше чем в три раза, стало ясным, что представляет собой сие учреждение.

Затем в бразильских газетах появилось сообщение об открытии нового «института сахара». «Институту» в короткий срок удалось добиться уничтожения плантаций сахарного тростника во всех штатах Бразилии, кроме Пернамбуко, и «научно» обосновать необходимость разрушения многих сахарных заводов. И теперь сахар выдается в городах Бразилии по карточкам, а цены на рынке «вполне приемлемы» для сахарных дельцов.

Из «деятельности» бразильского «института кофе». Зерна кофе вместо топлива для паровоза

Горожане уже думают: не начать ли запасаться туфлями? Ведь поговаривают о создании в Рио-де-Жанейро «института обувной промышленности», и уж очень усиленно стали американцы скупать бразильские обувные фабрики.

* * *

Американцы уверяли, что их миссия состоит в том, чтобы развивать бразильскую индустрию. Во время второй мировой войны началось строительство близ Рио-де-Жанейро сталелитейного завода «Вольта—Редонда», и был сооружен завод авиационных моторов. Однако ни одного мотора завод не выпустил. После окончания войны было объявлено, что завод станет изготовлять тракторы. Но и это была только реклама, а тракторов нет. Что касается металлургического завода, который правительство Дутра усиленно выдавало за «первую ласточку бразильской индустриализации», то он уже попал в силки Уолл-стрита и все больше сокращает свое производство.

Шумиха вокруг мнимой индустриализации Бразилии давно утихла. В связи с закрытием многих текстильных, обувных и других предприятий из двух миллионов рабочих, которые были заняты в бразильской промышленности в годы войны, в настоящее время работает около одного миллиона. Миллион человек выброшен на улицу. Эта половина рабочего класса Бразилии живет в условиях самой невероятной нищеты и лишений.

Но пределом жалкого прозябания является жизнь бразильского крестьянства. «28 миллионов обреченных» — под таким заголовком бразильская буржуазная газета «Диарио де нотисиас» опубликовала материалы комиссии, обследовавшей условия жизни крестьян. «Обследование показало,— писала газета,— что крестьянин живет в состоянии хронического недоедания и голода, уносящего в могилу миллионы людей, и что, как правило, крестьяне ходят в лохмотьях и босиком. 85—90 процентов из них совершенно неграмотны. До сих пор крестьяне живут в лачугах и хижинах дикарей, не имея представления о гигиенических жилищах. Крестьяне спят на полу, обрабатывают землю мотыгой, почти никогда не моются и одержимы всяческими суевериями. Бразильский крестьянин отстал в своем развитии на сотни лет. Средняя продолжительность жизни бразильского крестьянина просто потрясающа — она не превышает двадцати пяти лет».

Капиталистам США нужны в Бразилии не передовая индустрия и процветающие крестьянские фермы, а воздушные и военно-морские базы, дешевое сырье. Особенно такие базы, как Наталь и Ресифе. И особенно такое сырье, как нефть.

В свое время под руководством бразильских коммунистов весь народ поднялся на защиту нефти, которой пытались завладеть североамериканские монополии. Генерал Дутра делал все, чтобы передать бразильскую нефть в руки «Стандарт ойл». Но народ оказался сильнее уоллстритской марионетки и отстоял свое национальное богатство. Однако представители американских нефтяников Герберт Гувер и Артур Куртис, или, как их называют в Бразилии, «нефтяные джентльмены-янки», отнюдь не потеряли надежды завладеть этим ценным стратегическим сырьем.

Настроения рядовых бразильцев можно наблюдать, в частности, в кино, где показывают либо американские боевики либо президента Дутра. Однажды этот кофейный генерал двигался, как обычно, по экрану своей особой, дергающейся походкой. Сосед-бразилец, заметив наше недоумение, охотно объяснил:

— Это рефлекс. Ведь к ногам нашего президента привязаны ниточки, за которые весьма часто дергают представители одной державы.

И, не закончив объяснения, бразилец закладывает два пальца в рот, свистит и топает ногами, присоединяясь к общей нелюбезной встрече, оказываемой публикой генералу Дутра.

Для ареста лиц, освистывающих президента, во всех кинотеатрах Рио-де-Жанейро установлено постоянное дежурство агентов политической и специальной полиции. Но это мало помогает. Поэтому генерал Дутра стал появляться на экранах значительно реже.

* * *

Борьбой трудящихся за национальную независимость, против нынешнего профашистского правительства, которое ведет страну к полной потере самостоятельности, попрежнему руководят коммунисты, хотя деятельность компартии была запрещена специальным декретом генерала Дутра.

Созданная в 1922 году, в период подъема рабочего движения, коммунистическая партия Бразилии почти 24 года провела в подполье. В 1945 году, к моменту выхода ее из подполья, она едва насчитывала четыре тысячи человек. Но это были закаленные в боях революционеры. За два года легального существования компартия Бразилии выросла до 200 тысяч членов. К ней потянулась наиболее сознательная часть пролетариата, крестьянства и лучшие представители интеллигенции. В ее рядах находятся известные бразильские писатели Грасилиано, Рамос, Жоржи Амаду, живописец Кандидо Портинари, архитектор Нимайер, музыкант Франсиско Миньон, известный физик профессор Марио Шенберг.

«Компартия,— как заявил генеральный секретарь компартии Бразилии Престес,— не может исчезнуть в результате декретов. Ее существование — историческая неизбежность, и все репрессии против нее ведут лишь к ускорению движения народа по пути к демократии и социализму».

Жизненный путь Ивана Кожедуба

Жанр литературных произведений «бывалых людей», этот жанр, успевший уже заслужить любовь и признание советского читателя, пополнился еще одной примечательной книгой. Вслед за «Крыльями истребителя» Александра Покрышкина вышла большая книга Ивана Кожедуба «Служу Родине».

Имя автора известно всему народу. Прославленный истребитель, трижды Герой Советского Союза И. Кожедуб совершил за время Великой Отечественной войны 330 боевых вылетов, провел 120 воздушных боев, лично сбил 62 вражеских самолета.

Понятно, какой интерес для нашего юношества (да и не только для него) представляет описание жизненного пути такого человека. Этот интерес основан не на одном лишь ожидании картин воздушных схваток, хотя без них такая книга была бы просто немыслима. Читатель ждет еще и яркого показа того, как из рядового советского паренька вырастал народный герой, человек большевистской закалки, нерушимой верности воинскому долгу и своей Родине.

И книга оправдывает эти читательские ожидания.

Первая часть — «В родной Образжеевке» — посвящена детству и ранней юности автора. События, описываемые в ней, внешне как будто далеки от тех лет геройства и славы, которые принесли широкую известность И. Кожедубу. А между тем эта часть вполне органически, закономерно входит в книгу. В простых, но верно схваченных эпизодах показывается, как в самой обыденной жизни деревенского мальчика содержится много возможностей для того, чтобы закалить не только тело, но и волю. Испытание храбрости в ночном, рискованные поездки в ветхой лодке по разлившейся Десне и многое другое, что не прошло бесследно, развивало в мальчике волевые черты характера. Но еще важнее, конечно, было влияние школы, пионерского отряда, всего уклада новой колхозной жизни, воспитывающих будущего летчика в духе товарищества, трудолюбия и дисциплины.

Особенно убедительно значение коллектива, общественной среды для всей судьбы человека раскрывается во второй части — «По путевке комсомола». Со сдержанной, но искренней теплотой рисует автор образ комсомольского вожака Мацуя. Скольными своими хорошими качествами обязан летчик этому физически немощному, но духовно крепкому, с цельным характером юноше! Только в нескольких местах книги говорится о Мацуе, а запоминаешь его до последней страницы, надолго.

По путевке комсомола И. Кожедуб попадает сначала в аэроклуб, а потом, успешно окончив его,— в авиационное училище. Страницы, посвященные этому времени, живо передают жизнь, быт, мечты и стремления курсантов, обстановку упорной учебы будущих летчиков. Читатель проникается глубоким уважением и симпатией к инструктору Калькову и другим наставникам курсантов — скромным, самоотверженным труженикам. Они, как хорошо показано в книге, любовно формируют в неумелом новичке качества будущего истребителя и часто на всю жизнь наделяют его своими чертами характера, своими привычками, своим «почерком» в воздухе.

Самые сильные главы книги посвящены, безусловно, войне. Весной 1943 года молодой летчик, комсомолец, старший сержант Кожедуб начал на фронте свой славный боевой путь. Он шел по нему стремительно и неотступно. И только сейчас из книги узнаешь, каких трудов, какого напряжения стоили Кожедубу его победы.

Вначале не обходилось без горячности. Опытные командиры помогали исправлять ошибки. Сплоченный коллектив полка, его коммунисты неустанно поддерживали в молодом летчике бодрость, настойчивость, веру в победу. Немногими словами, но очень проникновенно рассказывает автор о самом большом дне в его жизни:

«Однажды ко мне в землянку пришел посыльный из штаба и передал:

— Звонили из политотдела: вас завтра утром вызывают на парткомиссию.

Я долго не мог уснуть. С юношеских лет я испытывал благоговейное уважение к высокому званию члена партии. И сейчас, готовясь к важному для меня дню, думал об одном: примут ли меня? Достоин ли я?»

Пилот был принят в члены большевистской партии. Взволнованно отвечал он на поздравления:

«Спасибо! Надеюсь, что смогу оправдать доверие, оказанное мне партией... Сделаю все для этого».

И после он записывает: «На душе у меня светло».

Светло и ясно на душе у того, кто честно служит нашей великой Родине, высоко несет звание коммуниста! Такова одна из главных идей книги И. Кожедуба, и выражена она в наглядной, убедительной форме. Читая описания многочисленных воздушных схваток, мы вместе с автором испытываем радость побед, вместе с ним переживаем горечь тяжелых утрат.

Эпизоды воздушных боев переданы динамично и сжато. Чувствуется, что каждый из них рассказан не просто, как «случай», а непременно подчинен определенной цели. Иногда он подчеркивает героизм и мастерство советских летчиков, иногда служит иллюстрацией тактического приема.

Кстати сказать, книга дает много ценных сведений об особенностях воздушного боя и знакомит со многими порядками и правилами, принятыми в летном деле. Несомненное достоинство ее состоит, в частности, в том, что, очень точно передавая наиболее яркие события боевой деятельности героя-летчика и его товарищей, она вместе с тем дает и широкую картину хода военных действий на фронтах.

Язык книги отличается краткостью и простотой, хорошо гармонирующими со стремительным развитием событий. Строго, даже суховато выписанные картины боев сменяются живыми бытовыми сценками, меткими характеристиками офицеров — сослуживцев и друзей автора.

Интересна переписка И. Кожедуба с колхозником Коневым, на средства которого был построен самолет прославленного летчика. Запоминаются его встречи с односельчанами, с конструкторами Лавочкиным и Шпитальным, с офицерами родного училища. Из каждого эпизода, с каждой страницы смотрит на нас прекрасный образ советского человека, неустрашимого борца, пламенного патриота. Повествование заканчивается описанием первых послевоенных месяцев. Кожедуб принят в Военно-воздушную академию. Он летит в столицу. Перед ним снова открывается широкий, большой жизненный путь.

Ощущение жизнерадостности, творческих устремлений пронизывает книгу И. Кожедуба. Пусть не все главы и страницы ее написаны одинаково ровно. Пусть не все персонажи обрисованы достаточно ярко, а иные из них, едва успев заинтересовать нас своей судьбой, вдруг бесследно исчезают. Пусть автор несколько перегрузил рассказ авиационными терминами и не всегда их объясняет читателю. Все это погрешности, не умаляющие больших достоинств биографической повести знаменитого летчика.

Книга И. Кожедуба учит жить, бороться и честно служить Родине.

М. КАРПОВИЧ

Иван Кожедуб «Служу Родине». Литературная редакция А. Худадовой. Детгиз. 1949. 285 стр. Цена 11 р. 50 к.

«Перевал молодежи»

— Молодежь, на Хаинбоаз!

Хаинбоаз означает «Медвежий перевал». Так прозвал его народ, потому что здесь горная глушь, медвежье царство, куда не ступала еще нога человека.

Теперь молодые патриоты должны проложить дорогу, которая превратит Хаинбоаз в удобный для транспорта перевал, и перевал этот будет назван именем Республики.

Откликнется ли молодежь на этот призыв?

Командир будущей строительной бригады ждет на станции добровольцев. Он встречает поезда все более тревожным взглядом. Опять никто не сошел...

Третьего августа с поезда сходят наконец восемь юношей из Павликенского района. Они с интересом оглядывают голые склоны близких предгорий. Восемь юношей, а нужно на первое время две тысячи!

Но вот у маленького вокзала тяжело и устало останавливается пассажирский поезд. На перрон высыпало четыреста добровольцев. Потом еще и еще... Командир уже хватается за голову. Он шлет в области телеграммы: «Прекращайте вербовку». Но остановить лавину невозможно.

Решено ввести ограничение: в бригаду принимать только с семнадцатилетнего возраста.

Автор спрашивает: откуда эта восторженная готовность молодежи? Что это: преходящее настроение или же глубокая идейная убежденность? Ответ дается всей книжкой: молодежь свободной страны зачинает трудовое соревнование, пафос которого открывается ей как счастливое откровение.

Дело происходит осенью 1946 года в Народной республике Болгарии, где труд, как и у нас в Советской стране, стал свободным и где слово «ударник» звучит теперь настолько же возвышенно и благородно, насколько звучало оно и у нас уже в памятные годы первой пятилетки.

По примеру советской молодежи, строившей заводы и целые города, молодежь нынешней Болгарии ответила на призыв своего правительства и коммунистической партии тем, что взялась построить своими силами Димитровград, гидростанции на Тундже и в бассейне реки Марицы, железную дорогу Перник — Волуян, канал для орошения долин Средней Горы и много других не менее важных объектов, преобразующих экономику страны. В числе их и Хаинбоаз — дорога через горный перевал, связующий между собой плодородные южные и северные долины Болгарии.

Сто с лишним тысяч добровольцев республики вышли на стройки. И для них, этих юных патриотов, открылся «восторг деланья» на благо свободной Родины.

Рождение свободного творческого труда в народе не проходит бесследно для литературы. Она откликается на это общественное явление раньше всего жанром героического очерка, в котором в качестве литературных героев выступают герои живые и реальные. Сама литература в этом случае является прямым участником народного похода в счастливое будущее.

Болгарский писатель Георгий Караславов до сих пор был известен как романист и автор беллетристических рассказов. Участвуя в героической стройке горного перевала, он создал книгу очерков о живых, невыдуманных героях и тем утвердил этот боевой жанр в своей отечественной литературе. Книга его сама стала агитировать и звать молодежь на стройку.

Когда юные строители прибывают на намеченные места среди глухих гор, на берегу невзрачной, заросшей речушки, возле которой вьется узкая и пыльная дорога, они видят только камни, бурьян, терновник и ямы.

Две тысячи юношей и девушек засучивают рукава. Они берут в руки кирки, топоры, лопаты. Механизмов пока нет, но есть юность, желание и трудовая сноровка. А главное, есть энтузиазм. Ребята быстро обмениваются опытом. Это уже не одиночки, это коллектив.

Строители молоды, но они уже понимают, что за ними следят в тысячи глаз не только друзья, но и враги. Стоит им потерпеть неудачу — реакция завопит: «Вот оно, ваше новое! Провалилось!» Однако новое рождается, живет и побеждает.

Вместе с радостью труда приходит новаторство. Юноши Христо Максимов и Савва Черкезов предлагают свой способ дробления скал. Становятся известными первые имена ударников. Сначала их немного, потом все больше, и, наконец, ударной становится вся стройка.

«Здесь нет и не может быть места эгоизму. Зато открывается безбрежный простор для благородного соревнования, для открытых, честных усилий на глазах у всех и в пример всем».

Молодежь берется построить железобетонный мост на Хаинбоазе за полтора месяца. Старые инженеры скептически усмехаются: на строительство нужно вдвое больше времени. Однако не проходит и двух недель после закладки — и мост готов.

Однажды глубокую тишину хаинбоазской ночи потрясли страшные взрывы. Варненцы выскакивают из своих палаток: «Что это?» Кто-то вдруг догадывается: «Пловдивцы вышли работать ночью».

С каким-то ожесточением варненцы отбрасывают одеяла, бегут к своим скалам.

— Что случилось?—тревожно окликают их по дороге.

— Пловдивцы работают! — отвечают на бегу варненцы.— Пловдивцы нас обгоняют!

Жители города Хаскова присылают на Хаинбоаз делегацию с подарками. Когда надо было уезжать, одна из делегаток попросила разрешить ей остаться.

— Зачем? — спрашивает командир бригады.

— Уж очень здесь хорошо работают,— ответила она.

Не правда ли, как все это нам, советским людям, знакомо и близко?

«Хорошо здесь работают»,— соглашается автор. О, да! «Нет ничего лучше, чем жить с сознанием, что творишь благо и трудишься не на тупых дармоедов и хищников, а для всего народа, для грядущих поколений, для будущего».

Придя к такому выводу, писатель чувствует, что он имеет полное право выразить уверенность: «Народ, познавший свободный творческий труд, заглянет в богатые недра своей земли, распашет плодородную, благодатную почву, прорежет горы железными дорогами и шоссе, запрудит реки и заставит их орошать нивы и луга, сады и виноградники, будет давать драгоценную электрическую энергию, он пустит по бескрайним полям тракторы и комбайны... Свободный творческий труд — гарантия прогресса и культурного возрождения нашей молодой республики!»

Книжку очерков Караславова с интересом прочтет наш советский читатель.

К. БУКОВСКИЙ

Георгий Караславов «Перевал молодежи». Перевод с болгарского. Издательство иностранной литературы. 1949. 111 стр. Цена 2 р. 80 к.

В ДОМЕ КОМПОЗИТОРА

Выступление хора под управлением С. Попова в Доме композитора.

Фото С. Шингарева.

Недавно в Союзе советских композиторов происходила дискуссия о советской программной музыке. Прослушивались записанные на пленку новые музыкальные произведения.

В докладе музыковеда профессора С. Скребкова значительное место заняло творчество молодого композитора А. Муравлева: его симфоническая поэма «Азов-гора», раскрывающая в звуковых образах сюжет сказки П. Бажова «Заветное имячко».

«Азов-гора», как и произведения других композиторов — Кабалевского, Арутюняна, Новикова, Филиппенко, Гасанова,— подверглась тщательному анализу и критике.

Недавно закончился также просмотр произведений композиторов Свердловска. Были обсуждены две оперы композиторов В. Трамбицкого «Дни и ночи» (К. Симонов) и К. Кацман «Хождение по мукам» (А. Толстой), фортепианный концерт В. Гевиксмана. В последние месяцы прослушивались работы композиторов Башкирии, Бурят-Монголии, Куйбышева, Саратова, Тамбова, Воронежа.

Музыкальные произведения, звучащие в стенах Дома композитора, многонациональны и многоязыки. Шесть дней продолжалось обсуждение новых произведений композиторов Советской Эстонии: оперы Г. Эрнесакса «Берег бурь» на тему о революционном движении эстонского крестьянства в начале прошлого века; балета Л. Аустер «Тиина», в основу которого положено народное поверие о волках-оборотнях, использовавшееся реакционной церковью в борьбе против лучших сынов и дочерей народа; двух симфоний старейшего композитора Эстонии, ученика Римского-Корсакова, Э. Каппа; фортепианного концерта, трио, фортепианных пьес для детей, романсов, песен Э. Аарме.

Участники дискуссии отмечали высокий профессиональный уровень эстонской музыки, одаренность эстонской композиторской молодежи.

В текущем году в Москву, в Союз советских композиторов, приезжали музыкальные деятели из союзных республик: белорусские композиторы Е. Тикоцкий, Н. Аладов, П. Подковыров, показавшие произведения крупных и малых форм; армянские композиторы А. Степанян (опера «Нунэ» на народно-историческую тему), Г. Егиазарян (концерт для скрипки с оркестром); молдавская творческая группа, демонстрировавшая преимущественно песенную и хоровую музыку.

Интересной и показательной была встреча композиторов Латвии Я. Медыньша, А. Скульте, Я. Иванова и Н. Грюнфельда с композиторами и музыковедами Москвы.

Из произведений крупных форм наиболее яркое впечатление оставляет балет А. Скульте «Играл, плясал» по мотивам одноименной драматической поэмы классика латвийской литературы Яниса Райниса. Причудливые образы, порожденные народной фантазией и гением поэта, сообщают этому новому советскому балету глубокий общественный смысл.

В своей музыке композитор А. Скульте следует великим традициям русского классического наследия, художественным принципам Чайковского и Глазунова, насыщавших свои балеты глубоким психологическим содержанием, драматизмом, яркими характеристиками персонажей.

Музыкальный язык балета А. Скульте, простой и ясный, приближается к интонациям народной музыки. Хорошее впечатление оставили его песенные произведения «Наш колхоз» и особенно «Цвети, золотая рожь», а также хоровая музыка «Сегодня».

Опера Н. Грюнфельда «Дайна» развивает полуисторический, полуфантастический сюжет, в основу которого положен эпизод борьбы между свободолюбивым латвийским народом и Тевтонским орденом.

В опере много арий, дуэтов. Но в ней недостаточно выпуклы характеристики действующих лиц.

Приятное впечатление оставили небольшие вокальные миниатюры Н. Грюнфельда, особенно «Утренняя песня» и фронтовая песня «Две ночи».

С большим интересом воспринимается Шестая симфония композитора Яноса Иванова. Его новая симфония убедительно говорит о том, что композитор успешно преодолевает свои прежние формалистические увлечения.

Значительно более удались Я. Иванову вариации для фортепиано и концерт для виолончели с оркестром (особенно 2-я часть)— произведение глубокое, насыщенное мелодическим материалом, доступным для восприятия широкой аудитории.

Я. Медыньш — один из выдающихся представителей музыкального искусства Латвийской ССР. Высокой похвалы заслуживает его фортепианная сонатина, отличающаяся простотой и народностью языка, интересной гармонической разработкой, а также народные песни («Цвели мак и розы» и «За горою сеял лен») в обработке композитора, предельно ясной и выразительной.

Встреча с композиторами Латвийской ССР показала, что их музыкальное творчество находится на подъеме.

Крепнут связи Дома советских композиторов с музыкальными деятелями братских республик. Однако недостает еще систематического общения композиторов со слушателями, с народом. А Дом композитора мог бы стать организатором таких встреч, что еще больше оживило бы творчество советских композиторов.

С. КОРЕНЕВ

«Чудесный край»

Свердловский государственный театр музыкальной комедии показал на своей сцене новую оперетту — «Чудесный край» драматурга Л. Юхвида и композитора А. Рябова.

Оперетта «Чудесный край» рассказывает о простых советских людях, рисует их характеры, героику трудовых будней нашей Родины.

Место действия — один из колхозов цветущей Украины. Бывшие товарищи по фронту — подполковник в отставке, ныне партийный работник Остап Гончар, инженер Вера Емельянова и бывший сержант Сафар — встречаются на строительстве колхозной гидроэлектростанции. Вместе с агрономом Галиной Луговой, председателем правления колхоза «Чудесный край», они организуют колхозников на борьбу за электрификацию родного села. В этом помогают им фронтовой опыт и боевая дружба.

Либретто, насыщенное народным юмором, и музыка, органически связанная с действием, помогают раскрытию образов наших современников, отдающих свои силы созидательному труду.

Спектакль «Чудесный край»— творческая удача Свердловского театра. Яркие образы агронома Луговой и ее сестры комсомолки Сани создали лауреаты Сталинской премии заслуженные артистки РСФСР М. Викс и П. Емельянова. Выразительно играют заслуженный артист РСФСР А. Маренич (Сафар) и артист А. Матковский (старик-колхозник).

Оперетта «Чудесный край» поставлена режиссером Затонским, оформление художника Ситникова. Зрители тепло встретили правдивый и жизнерадостный спектакль.

А. НЕКРАСОВ

Свердловск.

«Чудесный край» в Свердловском театре музыкальной комедии. Комсомолка Саня — П. Емельянова, Сафар — А. Маренич.

Фото И. Тюфякова

Сокровища Грузии

Текст В. Викторова, фото С. Фридлянда

Сокровища, о которых пойдет речь, хранятся не в недрах гор — они доступны всем, и народ широко пользуется ими.

Грузинские танцоры, певцы, артисты — слава их давно перешла границы родной страны.

Когда мы были в Тбилиси, из большой и триумфальной поездки по Венгерской республике вернулся Государственный ансамбль грузинского танца, выступающий под руководством народного артиста Грузинской ССР лауреата Сталинской премии И. Сухишвили и заслуженной артистки Грузинской ССР лауреата Сталинской премии Н. Рамишвили (фото вверху). На отчетном вечере ансамбля в переполненном Театре оперы и балета имени З. Палиашвили, тбилисцы не только отмечали возвращение своего любимого ансамбля, но и чествовали его руководителей в связи с присуждением им высокой награды.

Это был красочный вечер, на котором перед зрителями предстало все неисчерпаемое богатство грузинского народного танца.

А на следующий день в том же здании Театра оперы и балета мы увидели блестящего представителя классического хореографического искусства. В тренировочном зале народный артист Грузинской ССР лауреат Сталинской премии В. Чабукиани занимался со своей партнершей лауреатом Сталинской премии В. Цигнадзе. Они репетировали балет «Синатле» (фото слева).

Воспитанник Ленинградского хореографического училища, затем солист Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, В. Чабукиани последние восемь лет живет и работает в Тбилиси. За это время он осуществил выдающиеся балетные постановки: «Сердце гор», «Синатле». В этом году он поставил на сцене Тбилисского театра «Лауренсию».

25 лет тому назад В. Чабукиани десятилетним мальчиком стал постигать в Тбилиси искусство танца. И теперь, уже признанный артист, он попрежнему пользуется сокровищницей народного танцовального фольклора. Поэтому так жизненно и молодо его мастерство, поэтому продолжается непрестанный расцвет его таланта.

Для грузинского искусства характерна преемственность. От дедов к отцам, от отцов к сыновьям передается прекрасное искусство народного танца, музыки, резьбы, чеканки.

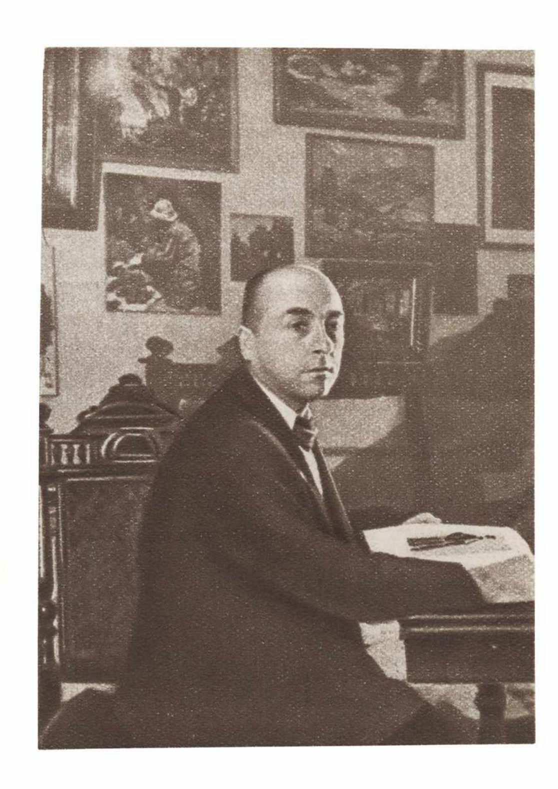
В учебном комбинате грузинского народного изобразительного искусства старые мастера — чеканщики, филигранщики, инкрустаторы, резчики — учат своему мастерству молодежь.

Не случайно поставили мы рядом со снимком старого чеканщика Т. Джикия (фото внизу, слева) фотографию одного из популярнейших художников Грузии лауреата Сталинской премии — Уча Джапаридзе (фото внизу, справа). Вот таким же мальчиком, как Т. Цихисели, ученик чеканщика, Джапаридзе впервые взял в руки карандаш, чтобы запечатлеть красоту своей родной деревушки Гари. По окончании Тбилисской академии художеств Джапаридзе целый год изучал в этнографическом музее народные костюмы, орнаменты, близкий ему быт грузинских крестьян. Первая его картина называлась «На поле». С тех пор основной темой работ художника стал творческий труд его народа, изумительная красота родной природы.

Последние десять лет Джапаридзе упорно работает над образом товарища Сталина. За это время он написал множество портретов вождя и наконец создал замечательное произведение — стенную роспись в зале заседаний Тбилисского филиала института Маркса — Энгельса — Ленина — «Первомайская демонстрация в Тбилиси в 1901 году под руководством товарища Сталина» — произведение, удостоенное Сталинской премии.

Из высокогорных отдаленных районов съезжаются в Тбилиси одаренные маленькие музыканты. Для них при консерватории создана школа-десятилетка. Построен интернат, в котором живут на полном пансионе 70 девочек

и мальчиков. Лучшие педагоги занимаются с учениками этой школы, готовящей основные кадры для тбилисской консерватории имени В. Сараджишвили.

Тбилисская консерватория считается одним из лучших высших музыкальных учебных заведений Советского Союза. Здесь вырос ряд выдающихся композиторов и музыкантов-исполнителей. Преподает здесь один из старейших композиторов Грузии, создатель первой грузинской оперы — «Сказание о Шота Руставели» — Д. Аракишвили. Знаток народной музыки, собиратель старинных национальных напевов и песен, он занимается с молодыми музыкантами (фото вверху).

В Тбилиси нам удалось посетить интересную выставку — «Древнегрузинское искусство и театр», показывающую, какие глубокие корни имеет в этой стране искусство и, в частности, театральное.

Там мы познакомились с любопытной картиной. На полотне изображено маскарадное шествие по улицам старого Тбилиси. Это знаменитая «кееноба». Каждый год грандиозное зрелище, посвященное борьбе грузинского народа против азиатских завоевателей, захватывало весь город. В шествии участвовали ремесленники, трудовой люд Тбилиси, актеры, певцы. «Каена» (хана), плененного грузинскими воинами, провозили на верблюде по всему городу и под хохот толпы сбрасывали в Куру.

— Побывайте обязательно на опере «Лашкара»,— сказали нам на выставке.— Вы там увидите «кееноба».

Комическая опера «Лашкара» композитора А. Андриашвили пользуется у тбилисцев заслуженным успехом. Занимательный сюжет, яркие костюмы, музыка, прекрасные декорации — все способствует этому. Завершается опера сценой «кееноба». Народное шествие, которое вошло в историю народной театральной культуры, возродилось на сцене Театра имени Палиашвили (фото справа).

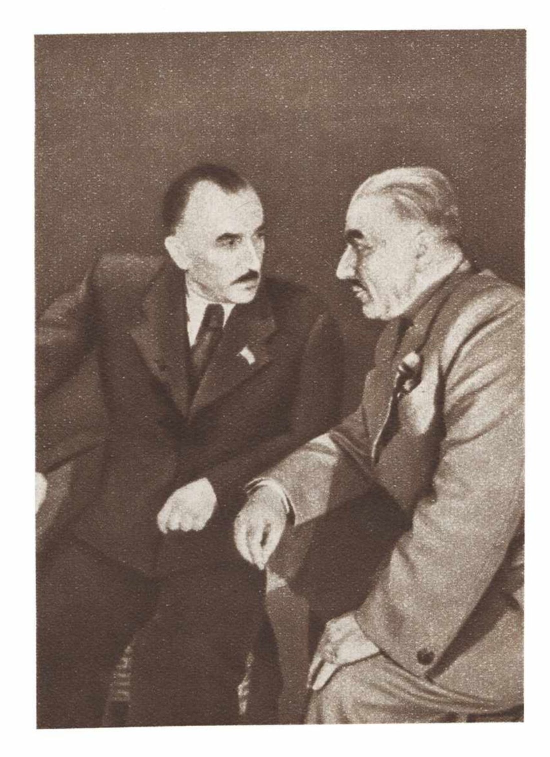
Большой, полнокровной жизнью живут театры Тбилиси.

В Театре оперы и балета имени Палиашвили сейчас в разгаре работа над новой оперой — «Мзия» — лауреата Сталинской премии заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР композитора А. Баланчивадзе. Театр поставил за последние годы ряд советских пьес русских и грузинских драматургов: «Московский характер» А. Софронова, «Заговор обреченных» Н. Вирты и «1917 год» М. Чиаурели и Л. Асациани.

Одна из последних постановок театра — «Железная кольчуга» Г. Шатберашвили. Действие происходит в разгар немецкого наступления на Кавказе, в горном селении, где немцам удалось сбросить парашютный десант. Жители маленького селения начинают неравную борьбу с врагом. С помощью наступающей Советской Армии деревушка, затерявшаяся в горах, освобождена (фото внизу, справа), и смелые люди, не склонившие своей головы перед захватчиками, празднуют победу.

Большую известность не только в Грузии, но и во всем Советском Союзе получил Театр имени Руставели. Писалось о нем много, широко известны прекрасные мастера, играющие на его сцене,— народные артисты СССР А. Хорава, А. Васадзе, народные артисты Грузинской ССР Т. Чавчавадзе и Г. Давиташвили. С театром прочно связали свою судьбу ведущие драматурги республики — Ш. Дадиани, И. Мосашвили, С. Шаншиошвили.

В небольшом обзоре трудно рассказать о всей разнообразной и яркой жизни этого поистине большого советского театра. Мы хотели бы остановиться только на его последней постановке — «Потонувшие камни» И. Мосашвили (фото внизу, А. Васадзе — справа и драматург И. Мосашвили).

Действие этого патриотического спектакля происходит в Турции в наши дни, в одной из провинций, отторгнутых турками от Грузии после первой мировой войны.

У живущих в Турции грузин—гурджов, как называют их турки,— есть священное место — старая крепость, которую они чтят как символ своей родины. На старых камнях этой крепости сохранились надписи на грузинском языке. И вот турки по совету американцев намерены снести эту крепость. Вокруг этого и разворачиваются события.

Турецкий губернатор Абдул Садак (народный артист СССР А. Васадзе) с помощью американского инженера Джона Райта (артист Л. Казаишвили), прокладывающего в тех местах стратегическую дорогу, разрушает древнюю крепость. Но американец говорит: «Камни потопите, обычаи останутся. Гурджов надо выселить, разбросать». И вот в заключительной сцене пьесы все население собирается на развалинах старого храма. Гурджов окружают солдаты для того, чтобы увезти отсюда. Абдул Садак требует от крестьян, чтобы они пели. И в ответ на это помощник губернатора грузин Джемал (В. Долидзе) стреляет в него в упор, и сам, сраженный пулями солдат, падает к подножию древнего камня. Так не удается туркам вырвать родину из сердца гордого народа.

Прекрасная игра артистов, драматическое развитие и политическая злободневность сюжета — все это делает пьесу чрезвычайно яркой, актуальной. И когда смотришь «Потонувшие камни», когда перед тобой развертывается самоотверженная борьба гурджов за свою национальную самобытность, за кровную связь со своей родиной, со своим народом, с еще большей силой начинаешь ощущать великолепный расцвет культуры и искусства в Грузинской Советской Социалистической Республике.

И поныне горделиво возвышаются здесь памятники седой старины, а рядом с древними камнями вырастают памятники сегодняшних величественных дней — музеи, театры, институты, художественные комбинаты. В этом соединении молодости и старины — культура сегодняшней, Советской Грузии, культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Спектакль Московского театра драмы и комедии

„Воробьевы горы"

Сцена из спектакля «Воробьевы горы» в Московском театре драмы и комедии.

Фото С. Шингарева

«Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, ввиду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу».

Эти чудесные поэтические строки о юношеской клятве А. И. Герцена и Н. П. Огарева из книги «Былое и думы» вспоминаются, когда смотришь пьесу А. Симукова «Воробьевы горы» в Московском театре драмы и комедии (художественный руководитель театра — заслуженный артист РСФСР А. Плотников, постановка Ф. Шишигина).

Пьеса «Воробьевы горы» посвящена советской школе, воспитанию школьников, их дружбе, чуткой, взыскательной и крепкой, дружбе, которая, как восклицает один из героев спектакля, «не дрогнет в боях за коммунизм».

Драматург А. Симуков создал актуальное, сценически выразительное произведение. Оно отличается простотой, ясностью, хорошо вылепленными характерами главных героев. Актеры с глубоким интересом, жизненно-правдиво играют своих современников.

Наиболее убедителен и полнокровен в спектакле образ директора школы Ивана Александровича Громадина. Артист В. Кабатченко талантливо справился с этой ролью. Громадин по-настоящему влюблен в свое дело. Для него большая творческая радость — найти подход, ключ к сердцу каждого школьника и учителя.

Ученик 10-го класса Лев Зарубеев потерял родителей и должен содержать себя и младшего брата. Ему трудно жить, но он стойко переносит невзгоды. Однако положение усложняется, когда Зарубеев проваливается на переэкзаменовке и остается на второй год.

Гордый, независимый, волевой юноша, отвергнув помощь товарищей по учебе, совершает необдуманный поступок: покидает школу и идет работать в артель. Директор школы Громадин, взволнованный этим, приходит на дом к Льву Зарубееву и видит там физические приборы и машины, созданные юным физиком. Зарубеев получает предложение директора стать ассистентом школьной лаборатории и наладить ее работу. И Лев Зарубеев снова с друзьями, снова в школе, где будет работать и учиться.

В роли Зарубеева выступает молодой артист О. Комиссаров. С первого появления на сцене он завоевывает общую симпатию, и зритель верит, что жизнестойкий Лев Зарубеев преодолеет любые невзгоды и испытания и с честью выполнит долг сына любимой Родины.

Школьный товарищ Зарубеева — Борис Граматчиков — одаренный юноша. Но «парниковое» воспитание в семье развило в нем крайний эгоизм, самоуверенность, самовлюбленность.

Бориса играет В. Рабкин, — это его первая роль. Молодой артист нашел правильный тон для раскрытия образа Бориса, не преувеличивая его отрицательных сторон, не сгущая красок. Под воздействием директора школы и товарищей Борис находит в себе силы побороть свои недостатки и стать на правильный путь.

Обаятельна артистка Т. Махова в роли Вали Озеровой — умной, пытливой, любознательной девушки.

Зрители с волнением следят за развитием событий, происходящих на сцене. Однако спектакль «Воробьевы горы» не лишен недостатков, которые следует отнести не к коллективу театра, а к автору пьесы. Неубедительно показан перелом, происшедший в сознании Бориса Граматчикова. Маловыразителен профессор ботаники Озеров. Но эти недочеты не снижают общего звучания спектакля.

Драматурга, режиссера и актеров Московского театра драмы и комедии можно поздравить с бесспорным успехом.

С. ГЕРАСИМОВ

В Московском цирке

Московский цирк закончил зимний сезон. Мы видели на манеже четыре программы, познакомились с новыми достижениями советского циркового искусства, с мастерством старшего и молодого поколений цирка.

Четвертая, заключительная программа сезона интересна и разнообразна (режиссеры Б. Шахет и А. Арнольд, художник В. Рындин). Ряд ее номеров (КИО, Г. Рашковский и Н. Скалов, К. Берман) обращен к современной теме. Посетители цирка хорошо воспринимают злободневные политические куплеты Г. Рашковского и Н. Скалова, разоблачающие поджигателей войны.

Привлекает внимание выступление заслуженного артиста РСФСР КИО. Москвичи знают КИО по его многократным представлениям на арене столичного цирка. И в этот раз иллюзионные аттракционы КИО озадачивают «чудесами» самых наблюдательных зрителей.

Непринужденный, иронический характер выступлений КИО как бы говорит зрителю, что за всеми «чудесами» скрывается шутка, искусство иллюзии, ловкость артиста, использующего превосходную советскую аппаратуру.

Впервые показывает КИО политические интермедии на современные международные темы: «Голова американца» и «Клетка фашиста».

В последней программе Московского цирка привлекает внимание труппа канатоходцев Свириных: под куполом цирка по стальному канату, протянутому на высоте 12 метров, легко и свободно движется трехъярусная пирамида акробатов.

Оригинальный номер жонглеров на шарах демонстрируют молодые Рогаткины. Рекордные трюки с подкидной доской показывают девять молодых акробатов во главе с московским физкультурником Ф. Абапаловым. Легко и виртуозно работают на круглом турнике гимнасты Николаевы. Уверенно жонглирует тяжелыми металлическими снарядами Иван Боргунов, показывающий изобретенный им номер «Бомбомет «Катюша». Комик Константин Берман удачно выступил и как хороший акробат, гимнаст, жонглер, прыгун.

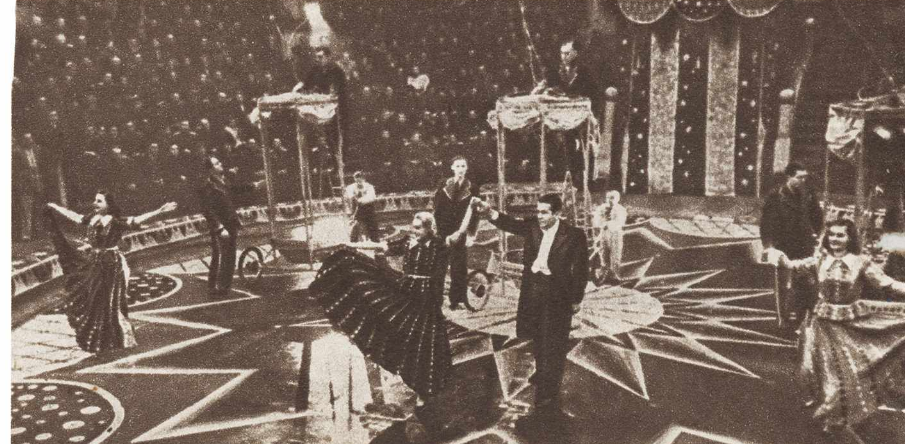
Можно выразить только сожаление, что и в этом году Москва остается без летнего цирка. Главное управление цирков должно принять все меры, чтобы восстановить в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького летний цирк «Шапито», пользующийся большой популярностью у москвичей.

А. КРУПНОВ

Фото Л. Великжанина (ТАСС)

Жонглеры Рогаткины на шарах.

Иллюзионный аттракцион КИО.

«Ласточка» над мишенью

Евг. ВАСИЛЬЕВ

Боевой стандарт — труднейшие упражнения в стрелковом спорте. Из винтовки армейского образца стрелок бьет по мишени с дистанции в триста метров. Каждая пуля, попавшая в центр черного яблока, дает десять очков.

Спросите у человека, выбивающего сто очков из ста, в чем секрет его меткости. Он наверняка ответит вам так:

— Это очень просто! Нужна только ровная мушка в прорези прицела и неторопливый выстрел.

Действительно, никаких других секретов у снайпера нет. Но искусство меткой стрельбы кажется простым лишь тем, кто в совершенстве им владеет. Точно прицелится и плавно нажмет спусковой крючок только тот, кто прошел большую и сложную школу.

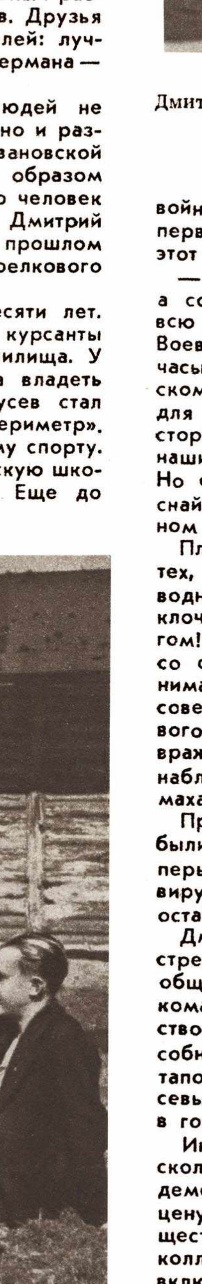
Хороший стрелок должен многое знать: устройство оружия, работу его механизма, приемы стрельбы, законы баллистики и геометрии.

Хороший стрелок должен многое уметь: правильно обращаться с оружием, безупречно выполнять приемы изготовки, столь же безупречно производить выстрел, вносить корректировку в огонь, перемещать его с одной цели на другую.

Наконец, хороший стрелок должен тренироваться... Только постоянные тренировки закрепляют выучку стрелка, вырабатывают у него автоматизм движения, постепенно приучают «чувствовать» оружие.

Вот за этим-то и идут ивановцы в городской стрелковый клуб ДОСАРМ (Добровольного общества содействия армии). Идут отовсюду — с Меланжевого комбината, с Большой ивановской мануфактуры, с других текстильных фабрик и мебельной фабрики, из городских учреждений, из институтов и техникумов. И, конечно, не было бы в клубе так многолюдно и оживленно, не будь стрелковый спорт, как и всякий другой, пронизан духом соревнования и задора.

Посмотрели бы вы, как бушуют страсти, когда на линию огня выходит команда фабрики имени Варенцовой! Мало того, что этот коллектив не хочет уступать первенства стрелкам с Меланжевого комбината. Внутри самой команды идет уже долгое время спортивное состязание. Давно соревнуются, например, Юрий Семенов и Валентин Витушкин. Обоим стрелкам по двадцати лет, оба они по специальности ремонтировщики, оба работают в одном цехе и даже в одной бригаде. Словом, белокурый, озорной с виду Юрий и смуглый, серьезный Валентин по всем статьям друзья-приятели. Но Валентин никак не может примириться с тем, что его товарищ выбивает из малокалиберной винтовки 526 очков из 600 возможных. Шутка ли сказать — 526 очков! Ведь это на шесть очков больше новой нормы первого разряда!

Правда, и Валентин Витушкин — отличный стрелок, он и сам выбивает 499 очков. Но этого мало! Надо догнать товарища! А Юрий только посмеивается и, того гляди, уйдет еще дальше. Понятно, что при такой ситуации вокруг каждой тренировки стрелков с фабрики имени Варенцовой во-всю пылают спортивные страсти. В команде Электромеханического техникума с не меньшим пылом соревнуются между собой стрелки, уже имеющие спортивный разряд: Вадим Беляков и Герман Бубнов. Друзья достигли почти одинаковых показателей: лучший результат Вадима — 488 очков, Германа — 499!

В стрелковом клубе встретишь людей не только самых различных профессий, но и разных возрастов. Команду Большой ивановской мануфактуры, состоящую главным образом из молодежи, обычно приводит в тир человек средних лет в морском кителе. Это Дмитрий Иванович Гусев — гравер фабрики, в прошлом офицер флота, горячий энтузиаст стрелкового спорта.

Дмитрий Гусев начал стрелять десяти лет. Мальчиком взяли его на воспитание курсанты Тульского оружейно-технического училища. У них-то и научился маленький Дима владеть винтовкой. Через несколько лет Гусев стал работать на ленинградском заводе «Периметр». И здесь отдавал он досуг стрелковому спорту. Занимался в кружке, кончил снайперскую школу, стал тренером-общественником. Еще до войны Дмитрий Иванович получил по стрельбе первый спортивный разряд. И вот на войне этот разряд ему очень пригодился.

Дмитрий Иванович Гусев доволен результатами последней стрельбы.

— Хотя офицером был и ротой командовал, а со снайперской винтовкой не расставался всю войну! — вспоминает Дмитрий Иванович.— Воевать я начал в морской пехоте... В редкие часы затишья обучал своих морячков снайперскому делу. Ученики были способные. Да и для снайперской практики большой был простор! В тяжелых арьергардных боях меткость наших стрелков сослужила хорошую службу. Но еще большую роль сыграли в моей роте снайперы позже, в наступательных боях на одном из днепровских плацдармов.

Плацдармы на Днепре! Не забыть героизма тех, кто первыми перебрался через великую водную преграду и удерживал крохотные клочки земли, осаждаемые с трех сторон врагом! На одном из таких «пятачков» оказался со своей ротой и Гусев. Фашисты предпринимали атаку за атакой, стараясь столкнуть советских бойцов в реку. Но спокойно, с первого же выстрела, снимали снайперы Гусева вражеских офицеров, связных, пулеметчиков, наблюдателей... Били на выбор, и били без промаха! Враг снова и снова откатывался назад.

Прошло почти шесть лет с той поры, когда были удержаны днепровские плацдармы. Теперь у Гусева самое мирное занятие: он гравирует узоры для ивановских ситцев. Но он остался снайпером-спортсменом.

Дмитрий Гусев не только один из лучших стрелков сборной команды клуба, но и тренер-общественник. Он тренирует стрелковые команды у себя на фабрике. Под руководством Дмитрия Ивановича растут очень способные стрелки — Б. Леонов, В. Михеев, З. Потапова и другие. Одна из подготовленных Гусевым команд недавно заняла первое место в городских соревнованиях.

Инструкторов-общественников в клубе несколько. Большинство из них, как и Гусев,— демобилизованные воины, хорошо знающие цену меткому выстрелу. С помощью этих общественников клуб ведет работу в низовых коллективах. Наиболее способные стрелки включаются в клубные команды, которые готовят спортсменов-разрядников.

Кроме занятий по определенным программам в классной комнате, в тире и на стрельбище, клуб начал проводить для своих активистов лекции по истории русского оружия. Интерес спортсменов-стрелков к лекциям очень большой.

Летом и теоретические занятия лучше проводить на воздухе... Урок ведет инструктор клуба А. П. Андрианов.

Фото В. Евграфова

Люди советского спорта

Студент С. Мулин

Это было шесть лет тому назад. На открытом ринге московского стадиона «Динамо» проходили соревнования боксеров детских спортивных школ.

Отчетливо прозвучали слова, произнесенные судьей.

— На ринг вызываются боксер детской спортивной школы железнодорожников Мулин и боксер спортивной школы общества «Динамо» Жолтышев!

Первым через канат перешагнул невысокий, атлетически сложенный черноволосый юноша. Держался он спокойно и уверенно, хотя втайне испытывал робость, которая закрадывается в душу каждого дебютанта.

Это был ученик школы № 1 Октябрьской железной дороги Самиулла Мулин. Он впервые выступал в соревновании и победил.

По дороге в раздевалку к нему подошел известный боксер В. Градополов и, потрепав по плечу, пожал руку.

— Поздравляю, — сказал он радостно, — отлично работал. Вот теперь можно сказать, что боксер из тебя, пожалуй, выйдет.

Так началась спортивная биография С. Мулина.

...Весной нынешнего года трибуны круглого зала московского Дворца физкультуры общества «Крылья Советов» были переполнены. Известные мастера кожаной перчатки оспаривали здесь первенство столицы по боксу. Право участвовать в финальных соревнованиях завоевал и боксер спортивного общества «Наука» студент С. Мулин.

В тот день Мулину довелось встретиться на ринге с одним из сильнейших боксеров страны, чемпионом СССР в легком весе А. Грейнером. Это было серьезное испытание для молодого спортсмена.

Острая, захватывающая борьба завязалась с самого начала первого раунда.

Опытный боец ринга, А. Грейнер, не раз выходивший победителем в международных соревнованиях, не думал, что встретит упорное сопротивление со стороны неизвестного боксера. Но Мулин вел бой на выигрыш. Опыту и зрелости Грейнера он противопоставил большую волю к победе и упорство, свойственные нашим молодым боксерам.

Активно нападая на противника, Мулин не упускал случая во время каждой атаки нанести по два — три удара в голову и корпус Грейнера.

В последнем раунде чемпион страны бросился в решительное наступление, стремясь нокаутом наверстать упущенное. Однако удары его не достигали цели. Мулин точно и хладнокровно защищался, хорошо уходил от грозных атак и упорно контратаковал...

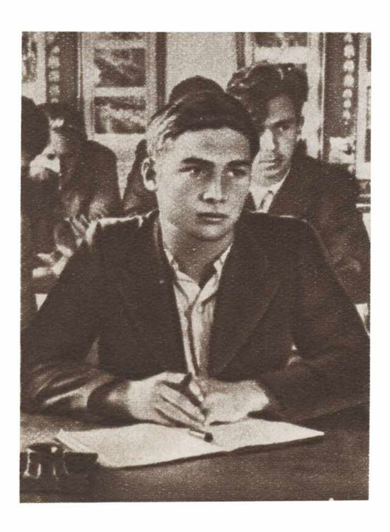
Вот прозвучал удар гонга. Конец схватки. Мулин с честью выдержал этот трудный бой. Громкие аплодисменты в честь молодого боксера взлетели к высоким сводам зала, когда судья подошел к Мулину как к победителю и поднял его руку в боксерской перчатке. Это был 55-й бой С. Мулина и 52-я его победа.

Финальные встречи на первенство столицы с боксерами спортивного общества «Трудовые резервы» А. Чеботаревым и Б. Козленковым Мулин также выиграл. Он добился звания чемпиона Москвы среди боксеров легкого веса.

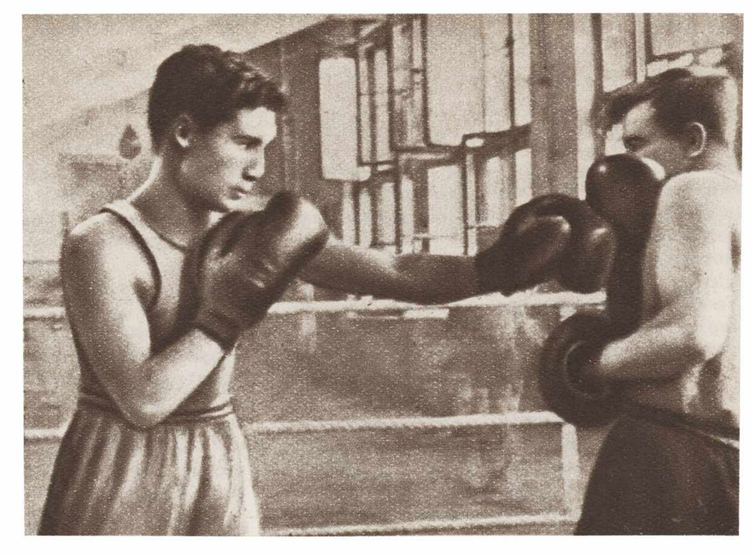
...Перед столом седоволосого профессора-экзаменатора стоит студент. Он обстоятельно рассказывает о походах и завоеваниях Александра Македонского, о расцвете античной культуры и падении Римской империи. В юноше легко можно узнать недавнего победителя многих жарких боев на боксерском ринге С. Мулина. Сегодня он держит экзамен по древней истории за первый курс Института востоковедения. После экзамена в зачетной книжке студента ближневосточного факультета С. Мулина появляется еще одна пятерка. Это его очередная победа!

А вечером того же дня Мулина можно было видеть в спортивном зале. Он тренировался под наблюдением заслуженного мастера спорта В. Михайлова, готовясь к предстоящим соревнованиям сильнейших боксеров на первенство Советского Союза.

Дм. ЛЮБИМОВ

Студент С. Мулин.

С. Мулин на ринге. **Фото А. Бочинина**

За первые три месяца этого года стрелковый клуб подготовил спортсменов третьего, второго и первого разрядов. Для соревнований с известными мастерами стрелкового спорта — Я. Шишковым («Динамо»), И. Цыбиным («Спартак»), А. Васильевым (ДОСАРМ), Н. Штафинской-Соколовой («Медик»), М. Ходоровским («Наука») — может смело выйти на линию огня талантливая молодежь, воспитанная клубом. Среди этих стрелков-перворазрядников текстильщики Г. Кузьмичев и Ю. Семенов, студенты В. Павлов и К. Латышев, служащая В. Травникова и многие другие.

Конечно, любой перворазрядник, человек, полюбивший стрелковый спорт, вошедший во все его тонкости, преуспевший уже в стрелковом деле, хочет расти и дальше, хочет стать мастером меткого выстрела.

— Но для подготовки мастеров,— рассказывает начальник клуба П. Ф. Карпеев,— нам необходимо так называемое целевое оружие, винтовки повышенной точности. К сожалению, Оргбюро ДОСАРМ этим оружием нас не снабжает.

Пока будущие ивановские мастера стараются «выжать» все возможное из оружия, которое имеют, выбить заветные сто очков даже из обычной винтовки. На прошлогоднем кустовом соревновании досармовских клубов стрелки города Иванова вышли на второе место. В этом году они хотят отвоевать первенство у горьковчан.

Сейчас в самом разгаре подготовка к целой серии летних стрелковых соревнований. Идут усиленные тренировки. Стало тесно в клубном тире, и стрелкам все чаще приходится отправляться за город, на полигон. Здесь мы встретим и Дмитрия Ивановича Гусева со своими учениками, и ремонтировщиков с фабрики имени Варенцовой, и Германа Бубнова с друзьями-студентами.

Команды стрелков выходят на линию огня и начинают упражнения. Наблюдая за тренировками, лишний раз убеждаешься в том, какую прекрасную моральную и физическую закалку дает человеку стрелковый спорт. Яблоко мишени для стрелка — то же самое, что для бегуна финишная ленточка, а для шестовика поднятая на высоту рейка. Но легкоатлету в соревнованиях чаще всего только раз приходится мобилизовывать свои силы и свою волю. Стрелок «выкладывает» себя в каждом выстреле. А есть упражнения из 120 выстрелов, выполнение которых занимает не меньше двух часов. Сколько здесь нужно хладнокровия, выдержки и силы!

В сухое пощелкивание малокалиберных винтовок врывается грохочущий выстрел трехлинейки. Одна из команд начала отстреливать «боевой стандарт». Выстрел прогремел... Но каков его результат? Все впиваются глазами в поднявшегося из блиндажа корректировщика.

В руке корректировщика треугольная металлическая указка, окрашенная с одной стороны в белый цвет, а с другой — в черный. Этой указкой подаст он условный сигнал о количестве выбитых очков. Сколько же их? Мишень осмотрена, и вот указка завертелась в кругообразном движении.

— «Ласточка»! — радостно вырывается у стрелков.

И в самом деле, мелькание в воздухе черного и белого цвета напоминает ласточку в полете. А «ласточка» — это десять очков, это пуля в центре яблока.

Пусть же только «ласточка» и взлетает над мишенью!

г. Иваново

Прошлый раз Г. Бубнов (крайний слева) выбил 499 очков. Сегодня не мешало бы округлить цифру!

Генри Лорд — чортово колесо

Подвергающиеся чудовищной эксплоатации рабочие американской автомобильной промышленности сочинили сатирическую сказку про капиталиста (имеется в виду Форд), выжимающего последние силы из своих наемных рабов. Сказка была записана собирателями фольклора в средне-западных штатах США.

Рисунки Л. Самойлова

Генри Лорд еще не сделался хозяином автомобильного завода, но уже мечтал поставить и людей и вещи на колеса, чтобы все, все двигалось поскорее. В пеленках Генри часами мог орать благим матом, но добивался, чего хотел: вместо того, чтобы укачивать ребенка в колыбели, отец надевал коньки с роликами и катал его по комнате.

Когда Генри начал работать на ферме отца, он вздумал учить коров ездить на велосипеде, чтобы они побыстрее собирались с поля домой по вечерам. Мечтая нажить капитал, Генри так неистово носился по хлеву, что ему приходилось надевать шоферские очки — а ведь это было за много лет до того, как народ узнал, что существует такая вещь, как автомобиль. «Генри-жадина» — звали его в округе. Да, Генри рано сообразил, что если бы не колеса, то земной шар остановился бы. Колеса, колеса — пусть рабочие их вертят, а ты стой себе рядом да загребай деньги!

Когда Генри Лорд открыл свой автомобильный завод, там только и было инвентаря, что несколько тачек и тележек. В те дни строили автомобили так: рабочие собирались в круг. Один приволакивал часть рамы и кидал на пол, второй тащил другую часть. Потом все вместе приступали к работе: сверлили, растачивали, мерили, колдовали вокруг железа, буравили и стягивали болтами, пока, наконец, не выходила такая штуковина, в которую оставалось только влить бидон бензина и повезти продавать. А Генри бегал и кричал: «Эй, поскорей, кати колеса! Начинай следующую!»

Но вскоре Генри Лорд при помощи роликов и приводных ремней устроил на своей фабрике ад на колесах и без тормозов. Тут уж и воды не глотнешь за целый день. А если тебе требуется сходить в одно укромное местечко, ты должен спросить разрешения и одним духом вернуться, иначе начальство скажет: «Что-о? Не нравится? Сдавай свой номерок и проваливай голодать на улицу...»

Между тем Генри все думал и думал, как бы ему побольше барыша извлечь из своих автомобилей. И решил он наконец, что железо — слишком дорогой материал, а главное, чересчур прочный. Это невыгодно. Пошел Генри рыскать по помойкам, собирать пустые жестянки из-под консервов. Из этих жестянок он стал делать автомобили. На качество ему наплевать — лишь бы не развалилась машина, когда съезжает с конвейера. Цела? Ну и ладно. Генри все бегал да покрикивал на рабочих: «Еще жести! Кати колеса! Эй, поскорей, не стой!»

Так уж повелось, что не успеет кто-нибудь выбросить пустую банку из-под консервов на помойку, как сразу ее подбирают и тащат на завод к Генри Лорду. Ребятишки даже придумали специальную песенку...

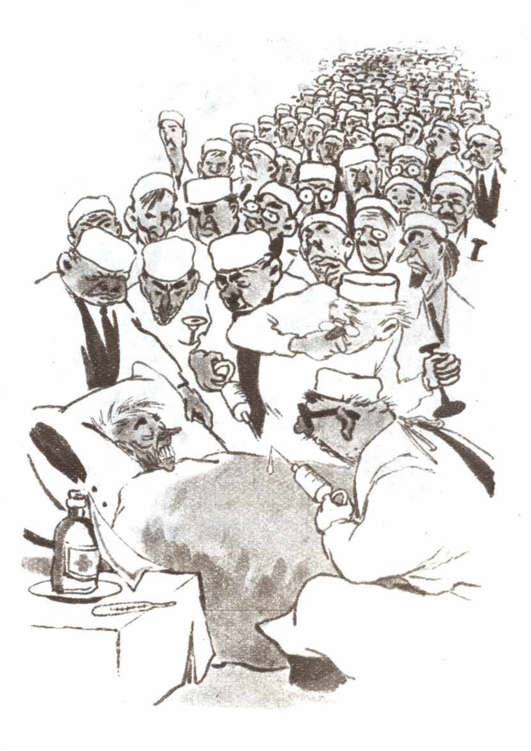
«В две катушки ось забили,
Приклепали сверху лом.
Выедешь в автомобиле,
А домой ползи пешком».

Вот какой был этот Генри Лорд с его автомобилями из ржавой жести!

И не то еще будет, ребята, запомните мои слова! Вот погонят всех рабочих с завода, оставят только двоих. Рабочий № 1 вывалит кучу жестяных банок на большущий блок, придавит штампом в один миллион тонн, и дрянной автомобильчик готов к продаже! Рабочий № 2 вывезет машину за ворота. А может быть, даже второго не захотят держать, вырвут у него изо рта ложку с бобовой похлебкой. «Обойдется одним», — скажут. А чтобы этот один не заскучал да не заленился, пошлют его еще траву у хозяина в саду покосить. К этому, дорогие ребята, дело идет с той самой минуты, когда Генри украл у соседа первое колесо...

Но у человека, как и у автомобиля, тоже есть колеса. И хоть ты в них заливай без конца масло, все равно они изнашиваются. Не спорю, масло, унция которого стоит две тысячи долларов, дольше поддерживает подшипники, чем машинное масло за два доллара. И все же ничто не вечно, даже подшипники Генри Лорда.

Начал дряхлеть кровопиец Генри Лорд. Старость насыпает вредную наждачную пыль в подшипники, и хоть алмазные шарики в них ставь, время свое возьмет: разболтаются подшипники, перекосятся.

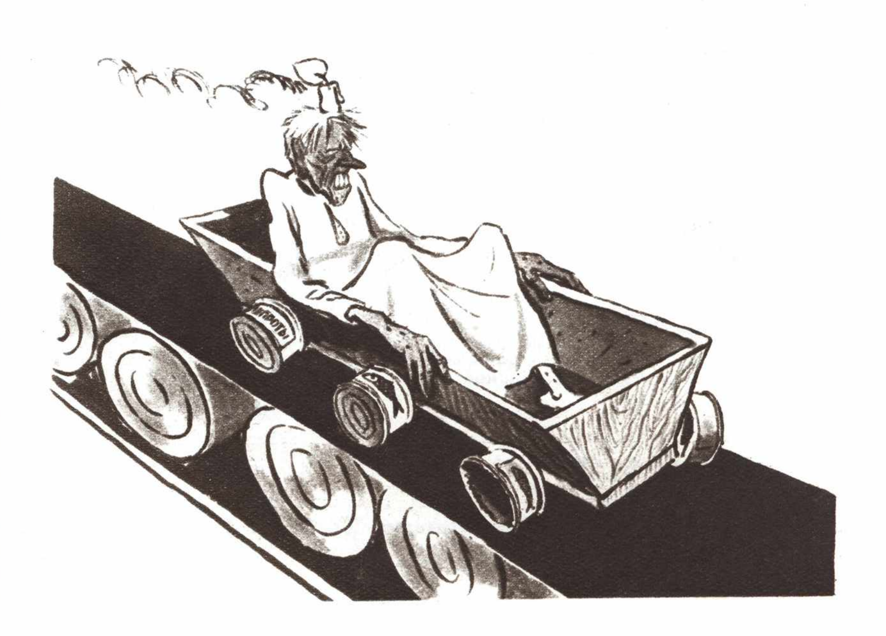
Собрались в пятисоткомнатном дворце Генри Лорда десять тысяч докторов и пятьдесят тысяч сестер милосердия. Качают головами, колют Лорда в руку. Полмиллиона уколов сделали, а он на зло им всем взял да умер.

Ну вот, уложили Генри в гроб. Куда ставить? Ясно, на конвейер. Золотые украшения и бриллианты так горят, что даже смотреть больно! А все люди вокруг конвейера в белых костюмах, в белых перчатках. Из почтения к покойнику конвейер пустили на самой малой скорости, и впервые за все время рабочим дали аккуратно вставить все болты и винтики, завернуть прочно все гайки.

Но Генри хоть и умер, а все ж с таким покойником держи ухо востро. Вот шесть человек снимают гроб с конвейера, ставят его себе на плечи и медленно несут к катафалку. Но это даже мертвому Генри Лорду невтерпеж! Бедные носильщики с перепугу чуть не роняют гроб на землю. Покойник вскочил в гробу, как трахнет кулаком по стеклянной крышке, да как заорет во всю глотку:

— Мошенники, дьяволы! Это вы называете работой?! Вот за что вам мои денежки платят? Ставьте меня на колеса — один тогда повезет! Этих пятерых сию же минуту выгнать, а шестому срезать плату наполовину. Чего баловать? Труд легкий, рабочий день короткий и спешить не надо!

Сокращенный перевод
В. ЛИМАНОВСКОЙ

Мозаики Ломоносова

Мозаика — вечная живопись. Ее краски не меркнут веками и в своей ослепительной красоте сохраняются тысячелетиями.

Блестящими образцами мозаичного дела служат работы великого русского ученого, мыслителя, поэта Михаила Васильевича Ломоносова. Как и в других областях науки и искусства, Ломоносов в мозаике шел своим, новаторским путем. Он не стремился к подражательству: он создавал новое, отличное от западного, искусство «к пользе и славе Российской».

Мозаика состоит из цветных стеклянных сплавов — смальт. Ломоносов создал собственные необычайной красоты смальты.

«Рядом со сверкающими, как самоцветы, ломоносовскими мозаиками итальянские мозаики 18 века, считавшиеся лучшими в Европе, кажутся не более, как скучными, кропотливыми копиями с живописных оригиналов»,— пишет искусствовед В. К. Макаров, вот уже 25 лет занимающийся изучением ломоносовского художественного творчества. Книга Макарова «Ломоносовские мозаики» (издание Государственного Русского музея. Ленинград. 1949), написанная в живой и доступной форме, раскрывает перед читателем новые стороны творческой жизни великого Ломоносова.

Макаров приводит интересный материал о работе Ломоносова и его учеников в мозаичной мастерской при фабрике в Усть-Рудице.

Поучительна судьба одного из лучших произведений мастера и его учеников — «Полтавской баталии», предназначавшегося в числе двенадцати мозаик для украшения внутренних стен Петропавловского собора. «Полтавская баталия» была любимым детищем Ломоносова. Вот как он описывает ее:

«Напереди изображен Петр Великий на могущей лошади верхом лицо в половину профиля... За государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын... Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению при наклонении в бегство Карла Второго на десять: напереди и назади генералы и солдаты охраняя государя колют и стреляют неприятелей... Близко впереди гранодер с штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, якобы негодуя, что так далече отваживается...»

Мозаика «длиною в девять, вышиною в шесть аршин с половиною» — великолепное творение русского искусства. Покоряющая сила образов, неувядаемая красота цветовых сочетаний, высокие, чисто технические достоинства делают эту мозаику одним из лучших произведений мозаичного искусства XVIII века. Однако в царские годы для произведения Ломоносова не находилось подходящего места. Оно хранилось то в сарае, то в полуразвалившейся мастерской прямо под открытым небом. Только в советское время мозаика заняла почетное место в здании Академии наук СССР.

В 1917 году считалось, что до нас дошло лишь семнадцать мозаик Ломоносова. Общее число работ, выполненных в его мастерской, было неизвестно. Ныне советскими учеными составлен точный перечень ломоносовских мозаик — своего рода менделеевская таблица на сорок номеров. Каждый номер имеет подробное описание.

В. К. Макарову удалось обнаружить еще четыре произведения ломоносовской мастерской. Число известных экземпляров было доведено, таким образом, до 21.

Ежегодно, в день годовщины смерти М. В. Ломоносова, проходит традиционное «весеннее» заседание, на котором заслушиваются доклады о новых работах, посвященных великому ученому. На недавнем «весеннем» заседании в ломоносовском музее в Ленинграде В. Макаров выступил с сообщением о вновь найденных им двух мозаиках ломоносовской фабрики («Мария Магдалина» и «Апостол Петр»). Это произошло уже после подписания в печать книги «Ломоносовские мозаики».

Найденные произведения встали на соответствующее место в списке-таблице.

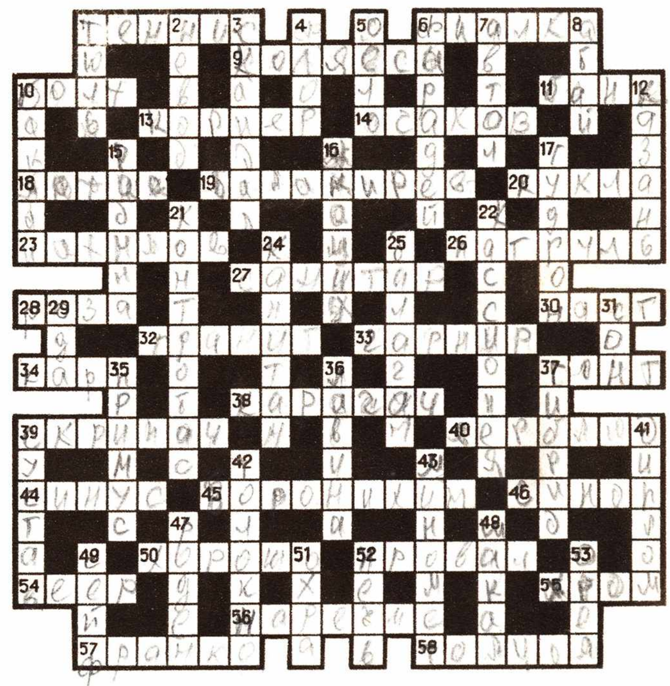
Э. Б.

«Петр I» (деталь). Мозаика работы М. В. Ломоносова. Эрмитаж.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Л. ВАХИТОВ (БССР, Молодечно)

По горизонтали:

1. Вид спорта. 6. Цветок. 9. Произведение Гоголя. 10. Металлическая деталь для скрепления. 11. Кредитное учреждение. 13. Угловой удар в футбольной игре. 14. Бывшая крепость на Черноморском побережье. 18. Растение. 19. Русский композитор. 20. Игрушка. 23. Русский флотоводец. 26. Дозор. 27. Младший медперсонал. 28. Цветок. 30. Кора на снегу. 32. Минерал. 33. Приправа к кушанью. 34. Рыба. 37. Кровельный материал. 38. Дерево. 39. Музыкант. 40. Вьючное животное. 44. Тригонометрическая функция. 45. Русский архитектор. 46. Порт на Черном море. 50. Поэма Маяковского. 52. Полная неудача. 54. Опахало. 55. Химический элемент. 56. Неизменяемая часть речи. 57. Украинский писатель. 58. Взрывчатое вещество.

По вертикали:

1. Прозрачная материя. 2. Рыболовная снасть. 3. Дебош. 4. Советский шахматист. 5. Столица государства в Европе. 6. Английский физик. 7. Смазочное вещество. 8. Казахский писатель. 10. Водяная птица. 12. Столица АССР. 15. Отечество. 16. Кустарник. 17. Материал, употребляемый для асфальтирования дорог. 21. Смычковый инструмент. 22. Созвездие. 24. Военное звание. 25. Народный ярмарочный театр. 29. Литературное произведение. 31. Стихотворение Пушкина. 35. Нагревательный прибор. 36. Снежный обвал. 37. Новый сорт растения, выведенный из разных видов. 39. Сочленение. 41. Документ об образовании. 42. Продукт питания. 43. Вид оружия. 47. Французский скульптор. 48. Хищное животное. 49. Несгораемый шкаф. 51. Краска. 52. Топка. 53. Город в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 27

По горизонтали:

1. Зея. 4. Динамит. 6. Март. 7. Уран. 9. Фаворит. 11. Уныние. 12. Ералаш. 14. Базис. 17. Лиман. 20. Шапорин. 21. Каверин. 22. Паводок. 24. Паратов. 25. Таракан. 26. Боровик. 27. Газолин. 29. Орган. 31. Пихта. 37. Зрение. 38. Ехидна. 39. Канцлер. 40. Фриз. 41. Зубр. 42. Кремний. 43. Анр.

По вертикали:

1. Занавес. 2. Ярмарка. 3. Аренда. 5. Армада. 6. Мина. 8. Нрав. 9. Фетиш. 10. Тенин. 13. Таверна. 14. Баронко. 15. Сарафан. 16. Мочалов. 17. Линотип. 18. Наварра. 19. Садовод. 21. Кит. 23. Кук. 27. Гашек. 28. Нигер. 30. Ранжир. 32. Трибун. 33. Гриф. 34. Пантера. 35. Кулинар. 36. Шнур.

Почему мы так говорим

МОСТОВАЯ

Сегодня трудно представить себе, как грязны были в старину улицы даже в Москве. На улицы выливали нечистоты, выбрасывали весь мусор из домов. Весной и осенью города становились непроезжими, и в грязи порой тонули не только люди, но и лошади.

Тогда поперек главных улиц стали класть скрепленные между собой ряды толстых бревен. Это были настоящие **мосты** через топи. Вот почему мы и сегодня называем уличное покрытие «мостовой», хотя оно уже не имеет ничего общего с мостом.

Археологические раскопки установили, что в Новгороде улицы настилались мостами уже в XI веке. В одном месте были обнаружены 18 настилов, лежащих один над другим и относящихся к периоду от XI до XVII века. Город был весь замощен. «Устав о мостах» XII века говорит о распределении расходов на мощение улиц.

Новгород был первым городом во всей северной и средней Европе, начавшим мостить улицы. Во Франции первые мостовые были устроены в Париже в 1184 году, в Германии они появились только в XIV, а в Англии даже в XV веке, то есть на 400 (если не больше) лет позже, чем у нас.

Стоит отметить, что при раскопках профессор А. В. Арциховский обнаружил в Новгороде и древний водопровод. Относящиеся к XI веку деревянные трубы и смотровые колодцы для защиты водопровода от засорения были найдены не только на княжеском дворе, но и в других районах города.

ИЗЮМИНКА

Через год после смерти Л. Н. Толстого, в 1911 году, Московский Художественный театр впервые поставил пьесу «Живой труп» из литературного наследства великого писателя.

В одной из сцен герой пьесы Федор Протасов говорит: «Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебе сказать? Не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? Не было игры в нашей жизни».

Постановка «Живого трупа» была крупным общественным и театральным событием, вызвавшим обсуждение и отклики, и «изюминка», которую цитировали газеты, говоря о проблеме брака в условиях царской России, стала крылатым словом.

И. УРАЗОВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка

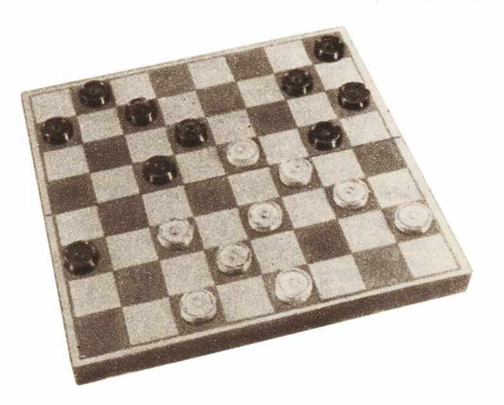
И. Г. Мышляев (станция Столбовая, Московско-Курской железной дороги)

Белые выигрывают следующим оригинальным путем:

1. e3 — d4!	c5 : e3
2. e5 — f6!	g7 : e5

Если 2...g5 : e7, то 3. g4 — h4 e3 : g5; 4. h4 : a5 и выигрывают.

3. c3 — b4!	a3 : c5
4. g3 — h4	e5 : g3
5. h4 : h4 и выигрывают.	

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «ОХОТНИЧЬЯ ДРОБЬ», ПОМЕЩЕННУЮ В № 27

Налить в банку воды. Она заполнит все промежутки между дробинками. Количество воды определит объем промежутков. Разность между литром и объемом промежутков даст объем всей дроби.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 05282. Подписано к печати 5/VII—49 г. Изд. 530. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1205. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОССТРАХ СССР принимает на добровольное страхование

ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО

мебель, одежду, обувь, швейные машины; музыкальные инструменты; сельскохозяйственные продукты, строительные материалы и др.

ГОССТРАХ ВОЗМЕЩАЕТ УБЫТКИ,

происшедшие от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий

ГРАЖДАНЕ! Заключайте и своевременно возобновляйте договоры страхования домашнего имущества!

ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИИ ИЛИ К АГЕНТАМ ГОССТРАХА

Цена
3 руб.